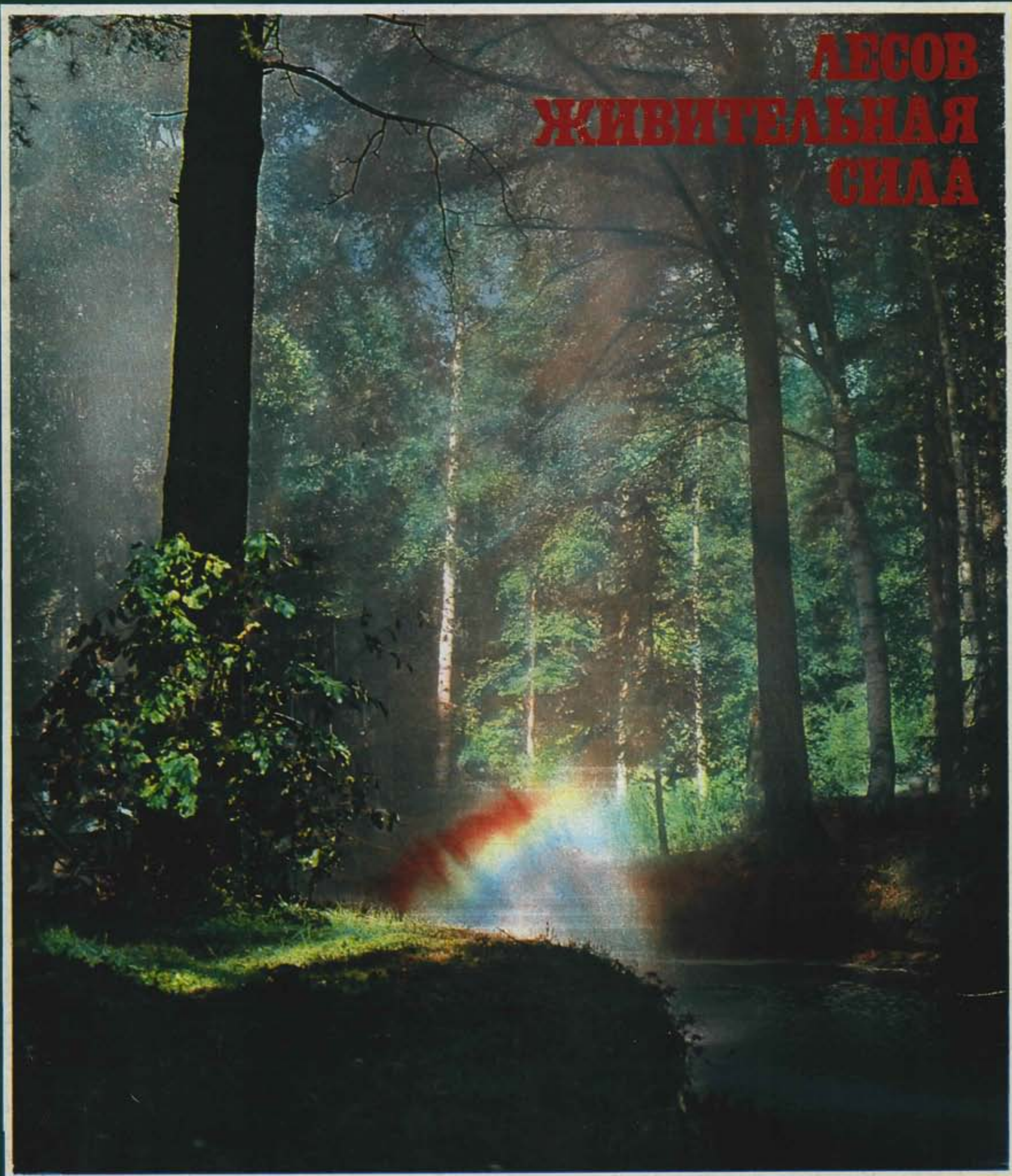

СМЕНА

№ 14 июль 1979

ЛЕСОВ
ЖИВИТЕЛЬНАЯ
СИЛА

ТРИ ВЗГЛЯДА НА ПУТЬ К ПРОФФЕССИИ

Он привлекателен и непросто, интересен и многомерен — ПУТЬ В РАБОЧИЕ. Во все годы текущей десятой пятилетки «Смена» постоянно обращалась к вопросам профессиональной ориентации школьников, работы профтехучилищ, становления молодого рабочего в заводских цехах, на шахтах, нефтепромыслах, стройках... Стране нужны не просто рабочие руки, а люди высокого сознания и мастерства, с интересом и отдачей работающие в материальном производстве.

«Инициативное, творческое участие в труде, общественной жизни, — говорится в постановлении ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы», — показатель идейной, гражданской зрелости человека».

В сегодняшнем номере «Смены» мы хотим взглянуть в этот путь с трех разных точек зрения, с трех жизненных позиций:

Что думает о молодой смене рабочего класса, ее воспитании и росте руководитель промышленного предприятия?

Как достигается высокий уровень подготовки молодых рабочих кадров в стенах профессионально-технического училища?

Наконец, как сам молодой рабочий расценивает себя в заводском коллективе?

Адреса наших публикаций: Курган, Казань, Электросталь.

Мы приглашаем читателей высказать и свое мнение о проблемах, затронутых в материалах этого номера.

жом, — разве это пустой звук для новичка? Мы выпускаем автоматические установки осушки воздуха, различные автоклавы и центрифуги, фильтры, клапаны, задвижки, вентили и т. д. 36 процентов продукции — со Знаком качества. Значительное число производственных процессов автоматизировано и механизировано, организуется свой вычислительный центр, ряд цехов реконструируется или создается заново.

Что из того, что у нас пока нет музея заводской славы? Он будет. Но уже сегодня у нас есть люди, которые могут рассказать об этом страстно, индивидуально, захватывающе. К таким, например, принадлежит Александр Иннокентьевич Лопатин, резьбошлифовщик, кавалер ордена Трудовой славы III степени. Мастер своего дела, он может работать еще и токарем, увлекается фотографией, музыкой. Человек исключительного обаяния, большого авторитетного обаяния, большого авторитетного обаяния, большого авторитетного обаяния.

Алексей ИЛЮШИН,
генеральный директор
ордена Знак Почета
производственного объединения
«Курганармхиммаш»

ТОЧКА

Об этом знает город. Четыре раза в год команды четырех предприятий встречаются между собой в волейбольных поединках. «Что особенно? — скажет читатель. — Рядовой факт спортивной жизни». Однако если добавить,

что каждый завод выставляет по четыре команды, где в одной — директора, секретари парткомов, председатели завкомов, секретари комитетов комсомола, в другой — начальники цехов и отделов, в третьей — мастера и бригадиры, а в четвертой — лучшие спортсмены, среди которых молодые рабочие и специалисты, то этот же факт увидится иначе: в нем и связи между коллективами предприятий на всех уровнях, и пример широким массам: «Делай, как я!», и забота о здоровье людей, и воспитание заводского патриотизма. Информация, общение, непосредственные жизненные связи — все это служит самую добрую службу.

Я начал разговор с этого не совсем обычного примера, чтобы подчеркнуть будни современного предприятия лишены монотонности, застоя. Многогранный процесс заводской жизни увлекателен, насыщенный разнообразными творческими проявлениями. Но, конечно, основа всего — в экономике, ибо именно она определяет социальные достижения коллектива, она же формирует и морально-нравственный климат.

...Через заводскую проходную идет новичок. Чем станет для него завод? Кем станет для завода он?

Кого нынче не волнует эта проблема? Говорю об этом вовсе не потому, что у нас не держатся новички, напротив, текучесть кадров невелика, почти в два раза ниже общегородской, но иной раз приходится задумываться над тем, как сделать, чтобы на предприятии молодой

человек почувствовал, что ему интересно жить, чтоб болел всеми горестями и радовался всем радостям коллектива.

Итак, первые шаги...

Как-то мы провели среди молодых рабочих опрос в форме сочинения на тему «Мой первый рабочий день».

Вот отрывок из одного:

«Начался мой первый день работы. Слесарь (я не буду называть его фамилию), к которому меня поставили, занялся своим делом. Я стоял около него, но он не обращал на меня внимания. Один только раз попросил открыть кран воздуха. Без работы день мне показался длинным, и я едва дождался его конца».

Строчки из другого:

«Мастер рассказал о людях, познакомил с крановщицей Галей Чеботаревой, которая стала моей наставницей. Галя показала мне цех, кран, объяснила принцип работы. Спрашивала обо мне, о девушках, с которыми я дружила, сама отвечала на все мои вопросы. После работы собрались у мастера, он спросил, понравилось ли мне, какое у меня настроение. Потом все вместе пошли к проходной завода».

Я сознательно подобрал два полярных примера, чтобы подчеркнуть: ни в коем случае нельзя закладывать возможность текучести в первый рабочий день — в день особенный, важнейший. Конечно, между молодыми женщинами отношения завязываются быстрее, душевнее, но отталкивающая процедура встречи новичка в первом случае заставила наши общественные организации энергичнее, беспокойнее подходить к вопросу об индивидуальном и коллективном наставничестве.

Если мы не хотим растить обывателя, который, кроме своего рабочего места, ничего не видит, ни о чем не ведаёт, мы

Рисунки Михаила ПАПКОВА

должны уже на первых порах оснастить новичка знаниями о своем предприятии. О том, что родились заводы объединения после Великой Отечественной войны. Что это было связано с общим становлением в стране химической промышленности, потребовавшей собственного машиностроения. О том, что один завод развивался более успешно, другой — менее, что объединились они в июле 1977 года, и в этом было веление времени — веление научно-технической революции.

Сейчас объединение освоило свыше 240 видов продукции, удовлетворяя запросы более пяти с половиной тысяч заказчиков в нашей стране и за рубе-

жета, он обучил специальности своего старшего сына, который недавно окончил машиностроительный институт, привел на предприятие и младшего. Именно Александр Иннокентьевич стал инициатором соревнования по технологической цепочке, сквозного, которое заметно повысило ответственность каждого в борьбе за качество. А Дмитрий Андреевич Ледовский? Сварщик, кавалер ордена Ленина. Работает 20 лет. Вот как он говорит о заводе: «Здесь мой второй дом, все стало родным. Завод дал очень многое, поэтому самому хочется отдать как можно больше». Или Юрий Степанович Сорокин — модельщик, награжденный орденом Знак Почета. Отлично

работая в цехе, он ежегодно оказывает помощь селу — трудится в горячую пору механизатором. И еще известен как народный умелец — резчик по дереву. Его работы вызывают восхищение не только заводчан...

Мы порой недооцениваем психологическую способность молодежи — подобию завидовать опыту старших, уже реализовавшихся, вложивших душу в дело людей, — и на этом несем определенные потери. Я сознательно выдвигаю на первое место личностные связи между наставником и новичком, хотя и понимаю, что самую серьезную роль в становлении молодого рабочего играет четкий порядок во всей заводской жизни.

Приглашаю читателя в механосборочный цех № 11, где трудится комплексная комсомольско-молодежная бригада Виктора Базанова.

...Было время, когда наше предприятие, не имея литейной базы, держало весь внушительный одиннадцатый цех на усиленной механической обработке лишь одного материала — бронзы. Узок был фронт работ, сбивчив и ритм. Сейчас мы располагаем собственным точным литьем, у нас действует современный цех и запускается новейшая линия для получения специальных видов литья — она создана в содружестве с научными работниками алма-атинского ВНИИ арматуры и киевского института

гольской Народной Республики). Сам же бригадир Виктор Базанов — молодой гвардеец пятилетки, «Мастер — золотые руки», ударник коммунистического труда.

Утверждаю: состоявшиеся рабочие судьбы этих ребят находятся в прямой зависимости от постоянного поступательного движения, которое стало характерным для модернизирующегося, объединенного, набирающего качественную высоту предприятия, на чьей проходной — весомые слова: «Ордена Знак Почета производственное объединение «Курганармхиммаш».

Почему я столь подробно останавливаюсь на вопросах организации производства, работы?

Хотя бы потому, что к ним — к производству, к работе — выросли требования прежде всего у молодежи, о которой все мы радуем. Уверен: жажда интересной, правильно организованной, продуктивной работы сегодня велика у молодежи, как никогда. И с этим нельзя не считаться любому руководителю, если он серьезно размышляет о развитии своего коллектива.

Другое дело, что у отдельных молодых образование обгоняет рост квалификации, их потребности порой превышают собственные возможности — тут уж без индивидуальной работы не обойтись. Нужно убедить парня или девушку, что рановато им претендовать на новей-

руководителя наших социологов В. Г. Назарова вы не застанете на своем обычном служебном месте — он переодевается, идет в цех и там, работая со сборщиками или станочниками, с удвоенным вниманием изучает не только технические проблемы, но и строй эмоций — настроения, мысли членов формирующейся бригады — и молодежи и ветеранов, и потому социологические таблицы, как и иные характеристики, у нас максимально выверены, точны. Ведь еще в процессе подготовки проводились анализы индивидуальной выработки рабочих, загрузки и коэффициента сменности оборудования, обеспечения в комплекте заготовками, штамповками, изучалась заработная плата... Каков базовый коэффициент трудового

лось больше всего. Он вспомнит прошлую весну, когда происходила корректировка плана, пересматривались обязательства, организовывалась трехсменная работа, проводилось озеленение заводской территории, велась подготовка к оказанию помощи колхозникам во время страды, — вспомнит самые напряженные, самые ударные дни, которые к тому же комсомол окрестил метким названием — операция «Весенний шум». Не со скукой, не с унылостью — с азартом и инициативой, с веселостью и задором работала наша молодежь.

Дух соревнования всегда окрыляет, обязывает. Впрочем, как обязывает и — если так можно выразиться — буква соревнования! Дело в том, что принятие социалистических обязательств у нас

А ЗРЕНИЯ ЗАВОДА

проблем литья; несколько лет напряженной работы коллектива инженеров и рабочих под руководством В. П. Попова — вот цена этой победы... Так вот, комплексная комсомольско-молодежная бригада цеха № 11, давая законченные изделия — задвижки и вентили для высокоагрессивных сред, успешно работает с тремя материалами, ибо у наших задвижек и вентилей корпус — бронза, шпindelь — сталь, маховик — чугун, и дело не только в том, что все материалы обрабатываются с одинаковым мастерством, но еще и обогатился объем операций, расширилась возможность маневра в организации труда, возросла ответственность... Все это лишь частичная характеристика факта — тех условий труда, в которые сегодня поставлены молодые, но за этим стоит и стабильность бригады и ее способность к взаимозаменяемости работников. Петр Сидельников, Петр Баломбаев, Олег Петухов — все они закончили наше базовое профтехучилище, отслужили в армии — и вернулись в объединение. Основной разряд в бригаде — четвертый, а вот у Владимира Соловьева — пятый, ему-то и поручено учить практиканта из нашего училища, монгольского парня Монхжаргала Сэнгэ токарному делу (в училище обучается много ребят из Мон-

ший станок, что интересную работу еще следует заслужить. Однако надо и постоянно помогать в стремлении овладеть вершинами профессии, если такое стремление налицо. Иными словами: всячески заботясь о молодежи, нужно и предъявлять ей определенные требования.

Жизнь, сам характер научно-технического прогресса неотвратимо требуют нового подхода к делу. И одним из коренных преобразований у нас стало создание комплексных бригад, работающих на коллективный наряд (об этом же явлении рассказывал в № 9 «Смены» директор Московского завода автотракторного электрооборудования тов. Борзунов). Вначале у нас насчитывалось 85 комплексных бригад, сейчас действует 185, будет 240. Скажу, что, несмотря на стремительный рост цифр, процесс образования этих коллективов идет неторопливо, обоснованно, с привлечением экономистов и технологов, социологов и психологов, создан штаб по формированию комплексных бригад.

Не давая детальной характеристики этому процессу, подчеркну, что для нас научный подход к делу ни в коем случае не является умозрительным, и когда в редких случаях возникают какие-то ЧП при создании бригад, то, к примеру,

участия каждого члена бригады? Кто может стать не просто должностным, но и неформальным лидером новой трудовой ячейки? Не в бригаде ли выше всего проявляется чувство хозяина у рабочего? Таков примерный круг вопросов, на который отвечают таблицы.

Оплата труда. Потому-то мы и занимаемся столь упорно комплексными бригадами, что от них не только выше производственный эффект, моральная ответственность, но и нагляднее, на глазах всей бригады, распределяется оплата. Ведь уже почти исчезает давнее явление, когда рабочий прикидывает, выгодный или невыгодный ему лично сегодня дали наряд. А кто-то из молодых вообще этого не знает. Его прямая выгода — в успехе коллектива.

Хочу подчеркнуть свои рассуждения: самый интенсивный, самый, может быть, устремленный потребитель интересной, рационально организованной, четкой работы сегодня — это молодые. Вот почему вопрос организации производства — одновременно и «молодежный вопрос». И это совершенно не исключает, а предполагает, что именно на комсомольцев, на молодежь можно и нужно опираться в трудной ситуации. Спросите сегодня любого комсомольца объединения, какое мероприятие ему запомни-

стало делом чрезвычайно ответственным. Мы практикуем «защиту обязательств», то есть каждый пункт тщательно просчитывается, аргументируется организационно, экономически, увязывается с общими возможностями цеха, всего объединения, на этой основе закладывается и план социального развития... Практически все рабочие участвуют в планировании. И это коренная причина строжайшего выполнения взятых обязательств.

Таким образом, системный подход у нас существует не только в вопросах производства. Он действует и в наращивании тех социальных благ, которые необходимы цехам, заводам, объединению. И это тоже в первую очередь адресовано молодежи. Потому что кому больше нужны спортивные площадки, клубы, красные уголки, кружки художественной самодеятельности? Естественно, молодым.

...Красный уголок цехов №№ 12, 13 и 31. Еще недавно обыкновенное полуподвальное помещение. Сейчас здесь стены облицованы мрамором, розовым ракушечником и древесной корой, орнаментированы пористой губкой. Есть зимний сад с фонтаном, кактусы, пальма, повитель. Зал — на 170 мест. В красном уголке проводятся лекции и киносеансы, в обеденный перерыв у рабочих нередкие гости — артисты филармонии, здесь работают кружки правых знаний, художественной самодеятельности, имеется выставка рисунков... Агитбригада красного уголка заняла первое место в Октябрьском районе города.

Остается добавить, что красный уголок построен своими силами, и комсомольцы здесь сыграли большую роль.

Это пример тех усилий, которые принимаются в общей системе социаль-

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 14 (1252) ИЮЛЬ 1979

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка:
РУССКИЙ ЛЕС.

Фото
Василия
МИШИНА

- 1** ТРУДОВОЕ ПРИЗВАНИЕ. ТРИ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ.
Алексей ИЛЮШИН, генеральный директор производственного объединения «Курганармхиммаш». «ТОЧКА ЗРЕНИЯ ЗАВОДА».
- 3** Генрих ГУРКОВ. «ТОЧКА ЗРЕНИЯ УЧИЛИЩА».
Репортаж о профтехучилище — лауреате премии Ленинского комсомола.
- 4** Константин СКАЧКОВ, вальцовщик электрометаллургического завода «Электросталь» имени И. Ф. Тевосяна. «ТОЧКА ЗРЕНИЯ РАБОЧЕГО».
- 6** Рассказ Виктора ПОТАНИНА «ЛУННЫЕ ПОЛЯНЫ».
- 10** ФЕСТИВАЛЬ ПОЭМЫ.
Татьяна КУЗОВЛЕВА. «ДАРЬИН ДЕНЬ».
- 12** Рэм БОБРОВ, заместитель министра лесного хозяйства РСФСР. «ЛЕСНЫЕ КЛАССЫ».
- 14** ПРОШУ СЛОВА!
Олег ЕПИШИН, лесник. «АДВОКАТЫ ЗЕЛеноЙ РОЩИ».
- 15** ЭКСЛИБРИС «СМЕНИ».
- 16** РЕПОРТАЖ ОБ ИНТЕРЕСНОМ.
«ШЕДЕВР ИЗ СОЛНЕЧНОГО КАМНЯ».
- 18** МОЛОДЫЕ МАСТЕРА ИСКУССТВ.
Людмила БАРЫКИНА.
...И, ПОКОРНА ЩЕМЯЩЕМУ ЗВУКУ, ОЖИВАЕТ ДУША.
- 20** Олег ДЗЮБА. «С ЕРМАКОМ НА ТУМАННУЮ АФРИКУ».
- 22** ИЮЛЬСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ.
Обзор зарубежной печати.
- 25** СИЛУЭТЫ.
Александр БАСМАНОВ. «КАРАМЗИН».
- 27** Стихи Михаила ВЛАДИМОВА и Туманбая МОЛДАГАЛИЕВА.
- 28** ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГЛОБУС «СМЕНИ».
Агата КРИСТИ. «ЧАЕПИТИЕ В ХАНТЕРБЕРИ».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: В. С. ГЛЕБОВ, Б. Л. ДАНИШЕВСКИЙ, В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. Ю. КОМАРОВ, А. П. КУЛЕСОВ, В. В. ЛУЦКИЙ (заместитель главного редактора), В. Г. ПОБЕДОНОСЦЕВ (ответственный секретарь), Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник), Б. А. ФАИН, Д. Н. ФИЛИППОВ, Г. Н. ЧЕБОТАРЕВ, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. Г. Сорокин. Технический редактор Л. И. Курлыкова.

© Издательство «Правда». «Смена». 1979 г.

но-бытовых мероприятий. К ним же относится создание зон отдыха в каждом цехе, в непосредственной близости от рабочих мест: застекленная терраса, столики, зеркала на стенах... Гордостью объединения стала художественная студия, где наши самодеятельные художники, скульпторы, чеканщики, резчики по дереву работают почти на профессиональном уровне.

Думаю, что уже из перечисленных элементов организации заводской жизни ясна конечная цель: она заключается в том, чтобы рабочий, и в особенности новичок, молодой производственник, чувствовал себя на предприятии хорошо, чтобы объединение стало для него родным, своим, чтобы он гордился им, беспокоился о нем.

И здесь уместно сказать, что весь тон отношений в коллективе должен быть уважительным, сердечным. Ведя прием по личным вопросам, я, как генеральный директор, каждый раз с удовлетворением отмечаю, что иной начальник цеха приходит «на суд четырехугольника», скажем, по проблеме жилья, вместе с молодым рабочим своего цеха — и доказывает, что человек это хороший, что он заслужил улучшения условий, льгот, — в этом неравнодушии, в этой заинтересованности руководителя в личных делах рабочего заключено многое. Кстати, скажу: как и на других предприятиях, у нас существует стройнейшая система распределения квартир, которую никто не может нарушить, но как важно все четко объяснить человеку, надежно, твердо пообещать — и выполнить обещание. И не менее важно, что руководитель, ценя и уважая своего работника, находит время, чтобы не остаться в стороне от его нужд. Это правильно, это грамотно, это, наконец, соответствует требованиям партии — во всем заботиться о людях.

Потому что главная ценность завода — люди. Их горячие добрые души и растущий профессионализм. Их безотказность, самоотверженность и умение, творческая смекалка. Их глубоко осознанное, острое чувство личной ответственности за коллектив, за честь своего предприятия.

Не случайно предприятия, идущие в фарватере технического прогресса — каждое в своих рамках и масштабах, заботящиеся как о производстве, так и о социально-нравственных благах людей, — лучше, успешнее, плодотворнее решают проблему молодых кадров, в том числе и их «текучести».

Как у каждого сегодняшнего предприятия, у объединения «Курганармхиммаш» есть серьезные обязанности не только перед молодежью, уже пришедшей в цеха, но и перед теми, кто придет на производство завтра, — перед школьниками, учащимися техникума и, конечно же, профтехучилища. Сказать, что мы полностью решили проблему шефства и проблему профориентации во всем объеме, — значит оказаться самонадеянными и недалекими. Повторяю: мы не испытываем нехватки рабочих рук, но это не значит, что не заинтересованы кровно в том, чтобы ряды молодых рабочих пополнялись: резервы объединения немалые. Так вот, имея вожатых-производственников в двух городских школах (№№ 14 и 46), развивая всестороннюю связь со всеми учебными заведениями, мы ближайшую надежду возлагаем, конечно, на профтехучилище. И дело не только в том, что его материальная база посылно укрепляется объединением. Главный залог успеха в том, что мы послали в училище высококвалифицированных передовых

рабочих, ударников труда в качестве инструкторов производственного обучения, а ребята выпускают под их началом плановую продукцию, которая идет в счет объединения, и мы называем свое родное училище «двадцатым цехом». Сейчас учащиеся выпускают токарные изделия, но уже сегодня вопрос стоит о расширении номенклатуры, чтобы включились в заводской план изделия слесарно-сборочные и сверлильные с «маркой» профтехучилища. Завершающая подробность: ученики наших подшефных школ проходят практику в заводском профтехучилище. Думаю, этот факт многозначен. Он не только характеризует материальные и технические возможности училища, но снимает какие-либо противоречия между педагогическими процессами в школе и профтехучилище. А это очень важно — взаимопонимание, единая цель воспитания.

Все, о чем ведется речь, характерно для множества предприятий нашей отрасли, промышленности страны в целом. На их опыт мы во многом опираемся, исходя из собственных условий.

Не стереотипы, а творческие начала заводской жизни привлекают молодежь к заводу. И никто так сильно, действительно не сможет сказать тому же вчерашнему десятикласснику: «Иди на завод!», чем семья, работающая на предприятии, чем знакомые молодые рабочие, чем ветераны. Убежден, этот субъективный фактор нельзя недооценивать.

...Новичок пришел в цех. Его встречает старший, более опытный, умелый, знающий. Ведет между станками. И вот, в вышине, на цеховой колонне, как у нас в ремонтно-механическом цехе № 66, новичок видит памятную доску из серого мрамора и бронзовый профиль человека на ней. И читает: «Здесь работал с 26.I.59 по 20.VI.77 токарь Тимофеев Анатолий Иванович, кавалер орденов Ленина и Трудового Красного Знамени, член ЦК профсоюза рабочих тяжелого машиностроения».

Наставник рассказывает новичку об Анатолии Ивановиче, который недавно, на его же памяти, был новатором, замечательным работником, товарищем, — и вот его не стало.

Мы постарались, чтобы осталась память о нем.

Рабочий человек. Творец всех ценностей.

Пусть в свой первый день и об этом подумает новичок: легко ли стать таким? Пусть и в гуле станков, и в уюте красного уголка, и на волейбольной площадке он помнит: все, чем мы богаты, сильны, достигнуто благодаря труду старших — и тех, которые рядом, и тех, кто был...

И пусть одни из них не знали слова «адаптация» и не помышляли, что на их заводе будет вычислительный центр, а другие не писали сочинений ни о своем первом, ни о каком другом рабочем дне и подчас сердились на нехватку сырья, на очень уж частые авралы и сверхурочные, и многие жили не в таких квартирах, в каких сейчас живут, они сердцем, умом, всем своим существом служили своему детищу и дому — любимому своему заводу, который теперь объединился, слился с другим таким же, родственным, и сумели многое сделать, чтобы приблизить предприятие к знаменитейшим заводам Отечества — если не по рангу и славе, то по стати и устремлениям, и пусть каждый новичок скажет себе: «Здесь, у моего станка, главные ценности жизни, отсюда начинается человек, мастер, гражданин!»

Генрих ГУРКОВ, специальный корреспондент «Смены»

«...Сердечно благодарим дирекцию училища, всех работников за воспитание и обучение нашего сына Тюфорова Сергея. Время, которое он проучился в училище, дало свои результаты. Он стал серьезным, уважительным и приобрел специальность, которая пришлась ему по душе, получил знания, которые позволили ему продолжить учебу дальше.

Желаем всем работникам училища доброго здоровья и больших успехов в трудной, но благородной работе.

С искренними пожеланиями — наша многочисленная семья Тюфоровых». Это из письма, которое пришло в ГПТУ-33 города Казани.

Таких писем множество...

города любопытна и пестра необычайно. Всевозможные находки и чудачества разных эпох представлены в ней богатейшим образом. Калейдоскоп стилей, вкусов, манер. Строгая колоннада главного корпуса Казанского университета — самое активное участие в его строительстве принимал ректор Лобачевский... Петропавловский собор — превосходный образец русского барокко... Изысканность отделки фасада здания Республиканской библиотеки на улице Ленина — и рядом бывший особняк купца Черныярова, необузданная эклектика, буйная, как купеческий темперамент... Элегантный 14-этажный корпус физического факультета университета — воздушность и чистота линий... У каждого здания — своя история...

— Архитектуру называют летописью мира. Наверное, это не только о том, как здание придумано, но и как

сиейской Федерации по работе в области научно-технического творчества; за последние несколько лет среди учащихся — ни одного правонарушителя;

создана сеть клубов по интересам. И так далее. В известном смысле — образцово-показательное учебное заведение. Стало быть, «первый ученик» — все гладко, все добропорядочно, все благобно-бесконфликтно? О, нет.

Приглядевшись к будням училища, убеждаешься: «острые сюжеты» здесь надо искать не в сфере «Коля подражался с Петей» (хотя, естественно, и такое бывает), а в другой, куда более сложной.

Как строить — и как жить? Почему практика стройки весьма часто расходит с тем, что учили по учебникам?

Как вести себя, когда сталкиваешь-

строителей, придет в голову заставлять старшекурсников выкладывать «учебные» стены, которые потом придется ломать? Пусть объект не бог весть какой — складское помещение, но все равно так клади свой кирпич, будто лучший на свете дом сооружаешь...

Как судьи на соревнованиях фигуристов изучают геометрию выведенных восьмерок, придирчиво разглядывают мастера производственного обучения каждый шов, каждый стык.

И вот жюри подвело итоги. Заместитель директора ГПТУ-33 Геннадий Михайлович Городецкий, как всегда лаконичный и точный в оценках, сообщает:

— Ты, Сергей, работал быстрее. А ты, Шакир, чище, качественнее. Так что наша судейская коллегия объявляет тебя, Шакир, победителем...

Разулыбился во весь рот веснушча-

ТОЧКА ЗРЕНИЯ УЧИЛИЩА

РЕПОРТАЖ
О ПРОФТЕХУЧИЛИЩЕ —
ЛАУРЕАТЕ ПРЕМИИ
ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА

С верхних этажей Молодежного центра (гордость татарской комсомолки!) через речку Казанку проглядывается панорама Казанского кремля. Скользя по белокаменным стенам, взгляд упирается в изящное острие башни Сююмбике.

Рассказывают, что Иван Грозный, прослышав о красоте казанской царицы Сююмбике, дочери ногайского мурзы Юсуфа, направил послов, предложив Сююмбике прибыть к его двору и стать московской государьней. Красавица согласилась, но в качестве свадебного подарка потребовала соорудить за семь дней в Казани самую высокую башню. Поскольку у Ивана Грозного были свои, достаточно действенные способы стимулировать трудовой энтузиазм строителей, башня была за неделю построена...

Я узнал все это у подножия башни: встретил в Кремле группу экскурсантов — мальчишек и девчонок в форменных пэтэушских фуражках, присоединился к ним. Рассказывал — по некоторым репликам можно было догадаться — преподаватель эстетики. По ведав о легенде и выразив этакое непринужденное сомнение в ее достоверности, он принялся рассуждать о реальных архитектурных и строительных достоинствах башни. Говорил легко, интересно, чуть иронично.

— Вы из какого училища, ребята? — успел спросить я, когда стайка пэтэушников двинулась осматривать какое-то внутреннее помещение Кремля.

— Из тридцать третьего...

Кто бывал в Казани, знает, а кто не бывал, тот, возможно, слышал, что архитектурная «визитная карточка»

оно построено. Конечно, сегодня за год строят столько, сколько когда-то за десять или двадцать лет, а то и за все пятьдесят. И техника совсем другая. Но все-таки... Летопись мира... Как наша страничка в ней выглядит?

Это сказала круглолицая девочка с пытливыми и внимательными глазами — Таня Егорова, комсорг группы № 3 в тридцать третьем строительном ГПТУ.

В 1978 году училище стало лауреатом премии Ленинского комсомола. Вот некоторые данные из его анкеты: подготовило с 1943 года больше 12 тысяч квалифицированных строителей;

неизменно — высокий уровень успеваемости;

хорошо отработаны контакты и связи с базовым предприятием — строительным трестом № 2;

числится среди лучших ПТУ Рос-

ся с разгильдяйством, бесхозяйственностью, равнодушием?

Это круг проблем, занимающих ребят. О них думают, о них спорят — и на собраниях, и в комнатах общежития, и на стройке, где встречается всякое: такое, чему можно поучиться, и такое, чему учиться не очень-то хочется...

...Сосредоточенно выкладывает кирпич за кирпичом паренек с упрямо и жестко очерченными скулами.

Рядом — другой. Кучерявая грива волос выбивается из-под шапки.

Третий. Маленький, плотно сбитый, энергичный.

Уверенные, точные движения. Темп, темп.

Конкурс профессионального мастера в группе каменщиков. Проводят его на строительном объекте — кому сегодня, в пору суровой нехватки

тый толстощекий паренек, шумно приветствует его вся группа...

Тишина класса. Урок черчения.

— Задание понятно?

Разноголосое гудение: да, понятно.

Преподаватель нажимает кнопку — выезжает из стола вмонтированный магнитофон. Другая кнопка — и звучит тихая музыка. Психологи считают, что ребятам легче и приятнее работать во время контрольных с такой вот негромкой, нераздражающей музыкальной кулисой. Разве не включают многие дома приемник или магнитофон, когда садятся за ту или иную работу?

Ложатся на ватман линии. Склонились головы мальчишек...

А в мастерской летит стружка из-под рубанков. Сооружается хитроумно «сочиненный» стэнд для рабочего инструмента. Плод коллективного творчества ребят — с участием мастера Владимира Дмитриевича Фирсова...

...Раздвиг паруса, плывет по стене аудитории, мимо Вестминстера, красавец фрегат. Смотрят со стен Шекспир и Байрон.

Идет урок английского.

Одеты наушники. Повторяют про себя замысловатые английские дифтонги девочки, приехавшие из татарских деревень...

...Доска в классе. На ней, в уголке, надпись: «Учиться, ребята, надо прилежно. Добро? Попович. 5.8.77».

А в фойе училища, на стенде, — фотография: космонавт в окружении пэтэушников. Сам ведь тоже прошел этот путь. В книге записей так написано: «Заслуженный строитель СССР, мастер производственного обучения, летчик-космонавт СССР, дважды Герой Советского Союза...»

Смотришь снимки, и раскручивает-

вают и им все равно, где работать?.. А вот если кого-то из них все-таки в металлургию тянет?.. Тогда, думаю, дело их неважное. Если человек с самого начала старается от горячего металла подальше держаться, настоящего проку от него в нашей работе не будет. И инженерами стоящими, если они всерьез об этом думают, им вряд ли с таким началом стать. Кто у нас сейчас в цехах молодые мастера, начальники смен? Возьмите Бычкова, Коротаева — начинали они на станах, не бросая работы, заканчивали институт. Олег Волков сейчас, кстати, тоже учится, и вот из него специалист будет.

Путь на завод у каждого, конечно, свой, но я теперь уверен, что самый прямой и надежный через ГПТУ проходит. Вот, к примеру, как у меня было.

Заявление в училище я писал на крановщика. Только потому, наверное, что все еще приманивала, как мальчишку, высота — помнится, до этого подумывал я еще монтажником-высотником стать. Но готовят монтажников в Жуковском, а уезжать из нашей Электростали я никак не хотел. Вот и пошел в ГПТУ-33. Решил: раз уж в Электростали, то металлургом. Да и мать моя на заводе работает — она наждачница в первом кузнечном, и

должен быть, вальцовщик, по-настоящему сильным. И реакция ему еще при этом нужна, как у Третьяка... Нет уж, думаю, тут работенка действительно не для каждого. Чтобы так с горячим металлом справляться! Спасибо комиссии.

...Не на экскурсию, а работать мы пришли в цех на втором курсе. Поставили нас на печки. Подавали мы металл на стан да и потихоньку привыкали к нему, к горячему железу, — вальцовщику-то среди него работать. И бояться его он не должен. Осторожность, осмотрительность само собой нужны. А вот страха быть не должно. Иначе от одной заготовки шархнешься — на другую налетит. Позже мы и со станами познакомились поближе...

Мастером у нас в училище был Подкопаев Иван Александрович. О нем сказать, считаю, мой долг. Иван Александрович из того поколения рабочих «Электростали», что пришло на завод в войну. Мальчишками они были — по пятнадцать-шестнадцать лет. И Ганин Василий Федорович, наш нынешний начальник прокатного производства, тоже из них. Вот с тех самых пор они на своих плечах завод и держали. Для Ивана Александровича наш первый прокатный — это вся его

все. Освоюсь на одной операции — прошусь на другую. Мне и разряд повышенный присвоили за то, что я успел на обоих станах поработать — и на «300» и на «450».

Правда, с высокими разрядами у выпускников потом и сложности случаются. Цеху на каждый разряд свой штат отпущен. Но вот приходит в цех крановщик, только что из ГПТУ, с четвертым разрядом. А сажают его на кран, где вся работа идет только по третьему. Поработает он, а потом идет к начальнику цеха: переводите меня на другой, моему разряду соответству-

многое достается тебе какое-то время как бы авансом. Ну, а что касается срывов, то каждый такой случай обязательно на пересменке со всех сторон разбирается — ошибся ты только потому, что опыта еще недостаточно или просто на работе думаешь о другом. Ну и отношение бригады будет соответствующее. Требовательность, говорят, — это то же уважение.

Новичок, он, конечно, и после училища новичок, хотя и не тот, что прямо на заводе делу учится. Как бы хорошо ты училище ни закончил, опытного вальцовщика тебе тут же не

А ЗРЕНИЯ РАБОЧЕГО

отец — он у меня сортировщик. Так что город наш, жизнь в нем и для меня давно уже с завода начинались.

В общем, подал я сначала на крановщика. А потом вдруг приглашает меня к себе директор училища — для разговора. С родителями.

Пришли мы с мамой — отец как раз на смене был. Поговорили обо всем понемногу, тут он и говорит: «А что, Константин, если тебе в вальцовщики перейти, а?» Я плечами жму, а сам как-то невольно все на мать копшу, хотя и понимаю, что не солидно это. А она говорит: «Смотри сам, работа эта не из легких».

Что такое вальцовщиком быть, я себе, конечно, представлял, но серьезно никогда к этому делу не примеривался... А директор как бы невзначай: «Думай, конечно, но на кранах у нас в основном женщины работают... А вот вальцовщиком не каждый сможет...» Ну тут уж все как будто само собой сразу и разрешилось: женская работа — еще чего! Молодой я тогда совсем был.

Стал я потом ребятам объяснять: мол, во мне комиссия сразу вальцовщика разглядела. А один смеется: да у них просто вальцовщиков не добор! Я и скис сразу — провела, думаю... Но после узнаю, что как раз вальцовщиков достаточно было, я даже тридцать шестым оказался, хотя группа была — тридцать пять. Нет, думаю, видно, действительно что-то разглядели...

И когда у нас первая, еще до начала занятий, подробная экскурсия в цех состоялась, еще больше в этой своей мысли укрепился. Потому что мне там все понравилось — и железо раскаленное, и запах его, и даже пот, заливающий лица металлургов... Сильным он

жизнь. Он здесь и с женой своей познакомился. Было время, в училище наше вальцовщиков вообще не набирали: такой был надежный коллектив в прокатных цехах — именно из них, из рабочих этого поколения. И смену им начали готовить заранее — это и был как раз наш набор, первый после большого перерыва. И мы знали, на чьи места нам предстоит прийти.

В цех нас Иван Александрович приводил часто — почаще даже других мастеров. Его здесь все знают. Сам он в цехе все прошел — на любую клеть встает, показывает, как именно на ней работать, что в ней такого особенного.

Мы тогда думали, Иван Александрович нас просто профессии учит, а недавно я как-то прочитал в книге о заводе его слова: «Я стараюсь дать ребятам не только навыки специальности вальцовщика, но, главное, забочусь, чтобы они сдружились с будущим своим рабочим коллективом. Мне это кажется не менее важным, чем профессиональное мастерство, потому что в цехе работают и будут учить их дальнейшему мастерству мои бывшие ученики. Поэтому я стараюсь рассказать ребятам о будущих их наставниках, стремлюсь почаще организовывать встречи с ними...»

Вот как объяснил Иван Александрович свою непростую педагогику. А мы, бывало, не очень понимали, зачем он нас со всеми обязательно познакомит, обо всех расскажет... Потом сообразили, когда на третьем курсе после экзаменов пришли на трехмесячную практику в бригады. Между прочим, цех в это время на нас уже рассчитывал — некоторые кадровые рабочие в эти месяцы в отпусках отдыхали.

На практике я старался влезть во

ющий. А на том кране работает крановщица чуть ли не с двадцатилетним стажем. Вот и поставьте себя на место начальника, только не забудьте, что еще одного такого крана у него нет... Найти тут выход сложно. А может, прощу до такого положения не доводить? Большая согласованность между училищем и заводом в этом деле никому бы не помешала. Как и во всех других вопросах.

Но вот что необходимо тут добавить. Надо все-таки после училища к своему разряду со спокойной головой подходить. Потому что и опыта настоящего еще нет, и ориентироваться в различных ситуациях еще только предстоит научиться. У меня вот, например, и сейчас пятый разряд, а ведь время на заводе для меня даром не шло. Могу честно сказать: я бы себе, тогдашнему выпускнику, сейчас бы хорошую фору дал. И у меня, когда я в цех пришел, одна задача была: стараться свой разряд оправдать — так я ее для себя определил.

Помню, пробовал я еще морально к тому подготовиться, что, видимо, и без срывов каких-то вряд ли обойдется. Гладко-то только на языке бывает.

И не обошлось. Иной раз задашь не тот калибр — приходится останавливать стан. Ненадолго, на минуты всего, но ведь простой. И потеряла на этом вся бригада. И подготовка моя моральная тут мне не очень-то помогла... Потому что такое уж это дело, прокат, — все от каждого зависит. Зевнул, отвлекся один, а страдают все. Тем более, что мы не на сдельщине работаем и план у нас идет на всю бригаду. Для новичка это, конечно, огромная помощь. Но и ответственность чувствуешь большую, потому что

заменить. Он, например, сразу разглядит, что овал идет неправильной формы. А если не увидит, так, можно сказать, почует. Такое чутье непросто выработать. Поэтому, когда начинаешь, нечего стесняться своего неумения или незнания, а все делать, чтобы поскорее опыта набраться. Потому что хуже будет, если время пройдет, а ты все на месте топчешься. Тогда уж на тебя в цехе по-другому смотреть станут.

Работаю я на заводе еще немного — всего-то два года. Но, между прочим, стаж за мной уже числится солидный — шестой год пошел, так как время в училище в него тоже засчитывается. Ребята шутят, что скоро могу с полным правом в очередь на квартиру встать. Могу, конечно, только сейчас она мне пока не нужна — родителям мой завод хорошую квартиру дал. А думаю вот о чем. Приходилось мне слышать, что после первого года следующего критического года, когда больше всего молодых предприятия меняют, как раз — третий. В который я и вступаю. Но вот у меня таких перемен в отношении работы не предвидится.

Скоро придут в цеха новые ребята из ГПТУ. Придут после торжественного вступления в число рабочих завода, после принесения рабочей клятвы — так это принято у нас на «Электростали». И встретят их, знаю, во всех цехах с доброй душой. Искренне скажу: хочу, чтобы вошли они в заводскую жизнь прочно, чтобы с первых дней приглядывались к работе лучших наших мастеров.

Принято считать, что мастерство — дело наживное. Правильно, наверное, принято. Но иногда помотришь на работу наших «чистовиков» на последней клетке, на Васильева Василия Кузьмича, — и невольно призадуматься. Вот у тебя уже пятый разряд, а у них шестой, то есть следующий, и вроде бы совсем уже близко... Но про себя-то понимаешь, как далеко еще тебе до такой работы. Даже засомневаешься: выйдет ли у тебя так когда-нибудь...

А потом вдруг подумаешь: да, трудно, но вот ведь смогли же люди!

МУЖИКИ ПОЛЮЯНЫ

РАССКАЗ

Машина неслась по самой кромке полей. Мотор работал тихо, почти бесшумно. Машина была новая, сильная, каждый кусочек стали играл на солнце.

А рядом с дорогой поднимались леса. Они тянулись к горизонту тугой, могучей стеной, и стене нет конца. Лист на березах повлажнел и набряк, будто только что его окропили. Так и было: с утра шел дождь, потом перестал, и вот уж солнце опять горит и беснуется, и все живое ищет тени и ветерка. А трава рада солнцу и дождю рада. И цветы тоже рады и приподнялись, потому по обочине мелькает что-то зыбкое, желтое, голубое. Но Афанасию все надоело. Он сидит за рулем каменной плотный, сердитый. И всю душу истомили вопросы: «Что же с отцом? Почему позвал телеграммой? Может быть, заболел?.. А может, просто... просто чудит...» — и Афанасий передернул губами и погнал машину еще быстрее. «Жигули» свои он любил, да и дорога его всегда успокаивала. Так и вышло опять: машина слегка покачивалась, ныряла, и все тело тоже покачивалось, смирялось, и затихала душа.

Он машинально включил приемник. Кто-то пел тяжелым басом: «Бродяга к Байкалу подходит...» Но это даже не пение, а рев быка, и Афанасий поморщился и выключил звук. Тишина показалась наградой. А дорога все так же укачивала, а лес справа делался все гуще, таинственней, и все сильнее пахло березой, и засыпала душа. Но вот и деревня. Она явилась разом, как в сказке. И такая же тепленькая, светлая, в обрамлении берез.

Отца он увидел у первых же плетней. «Надо же! Слово бы дожидался!» И Афанасий передернул губами, потом нехотя сбавил скорость. Теперь машина не шла, а точно подкрадывалась, но отец уже узнал сына и поднял руку. На лице его остановилась улыбка. И даже издали видно, что она с дальним значением. «Ясно, ясно! Чудит родитель!» — подумал с тоской Афанасий и опять разозлился на телеграмму, и на него самого, и на эту улыбку. Машина все еще подвигалась. Тогда отец шагнул на середину дороги и шутливо сделал под козырек. И его шутка покорила сына. Он остановил машину метров за пять и пошел навстречу. Отец смотрел теперь серьезно, не улыбаясь. Вместо правой ноги была пристегнута деревяшка, и пиджачок на нем старый, залитый краской, да и лицо давно все запущено — в какой-то синей щетине. «Плохо за ним смотрит сестра. Очень плохо...» — подумал сын с раздражением, но все-таки сдержал себя и улыбнулся.

— А я думал, что ты болеешь. Телеграмма срочная, как на пожар...

Но отец точно не слышит, не понимает. И вдруг он подмигнул сыну и раскинул широко руки:

— А поворотись-ка, Афоня! Экой ты у меня длинной! И вроде не в духе? Ну ладно, я вижу... — И, не дожидаясь ответа, подошел вплотную к машине и постучал деревяшкой по колесу: — Хороша у тебя кобылка! И овса не просит и сена... — Потом повернулся к сыну. — Хорошо, что приехал. Спасибо.

— На здоровье, — попробовал пошутить Афанасий, но отец заглянул ему глубже в глаза и нахмурился.

— Как здоровьем жена?

— Здорова.

— Никого еще не родили?.. Нехорошо, Афоня. Человек без детей...

— Как дуб без корней, — подхватил на лету Афанасий и достал сигарету.

— Не дразнись, сынок. Так стары люди говаривали.

— Зачем звал? Что случилось? — оборвал его резко сын. Он весь налился нетерпением.

— Эх, Афоня! Не надо... На меня и мать твоя не кричала. — Его лицо точно обледенело. — Как быстро ты вырос, как легко мы состарились... — И еще что-то хотел добавить, но только махнул рукой.

Мотор машины легонько постукивал, и нужно было что-то решать: то ли идти, то ли ехать — и эта неопределенность всего тяжелее. Отец дышал громко, переминался. Песок под деревяшкой поскрипывал, шевелился, и это тоже давило на нервы. Афанасий хмыкнул, потом резко захлопнул дверцу и потянулся. Теперь он стал еще выше, стройнее в своих темных джинсовых брюках. Отец доставал ему всего до плеча, да и худоба его выпирала. Рядом с сыном он казался цуплым, как зайчик.

Они стояли, словно чужие. Афанасий закурил и повернулся в сторону леса. Ему сделалось грустно, даже печально. Болела душа, и хотелось уехать. Но отец стоял рядом, какой-то совсем худой нынче, обвислый. Что так сжало его, что

подсушило? И он ждал сейчас от него то ли признаний, то ли нотаций, — у того были такие минуты. Но отец молчал, затаился. Наверно, слушал свое дыхание. В последние годы у него не ладилось с сердцем.

— Да-а, сынок... Стары, говорят, старятся, а молоды растут, — начал старший с дальним подходом и вдруг, не таясь, не скрываясь, откровенно загляделся на сына. Но тот не видел. Он все еще курил, смотрел на дальние березы, а на висках его горели кусочки солнца. Отец все смотрел на сына, не отрываясь. Он всегда любил его волосы, длинные, золотые их пряди. Вот и теперь они опускались до самых плеч, точно кого-то дразнили.

— Ты как девушка у меня...

— Что, что? — спросил Афанасий. Но отец не ответил. Он все смотрел и смотрел на эту золотую волну, и сердце таяло, замирало, и хотелось каких-то особых слов и признаний, вот уж и глаза стали на мокром месте, еще миг — и польются слезы, а зачем, отчего... И чтобы скрыть свою нежность, растерянность, отец еще больше нахмурился и повесил голову.

— Ты что-то сказал мне?

— Я не знаю... Заглуши-ка мотор, сынок. Чего зря тарыхтит?

— А ты садись со мной, потихоньку поедим.

— Ничего не выйдет, сынок. Не залези мне в твою колымагу. Не согнуться прямо, не разогнуться. Ты уж езжай потихоньку, а я сзади, Афоня...

Сын сразу поморщился. Он не любил свое имя, стеснялся. И чудилось в слове «Афоня» смешное что-то и простоватое — прямо кличка, как у собаки.

— Езжай, Афоня, езжай.

Машина рванулась с места, но сразу притормозила, одумалась и пошла уже плавно и медленно, как в похоронной процессии. И настроение у него было такое же большое, печальное, и не хотелось ни о чем ни думать, ни вспоминать, и он машинально смотрел, как движется мимо дома и ограды, как перебегают через дорогу собаки злыми, короткими перебежками, как чей-то мальчишка катил на велосипеде с беспокойным веселым отчаянием, но все это не отвлекало, не трогало, и он рассмеялся сам над собой: «Ну и ну! А чего я психую!» И сразу же надавил на тормоз. Потом медленно подогнал машину к низкому домику, сделанному из деревянных шпал.

Отец отстал от машины. Он шагал широко, торопился. Деревянная нога отставала от здоровой и запиналась, потому шел он на один бок и все время подпрыгивал и махал при ходьбе руками... И опять Афанасий злился, мрачнел и жадно курил.

Вот отец почти рядом. И опять поразило лицо его. Оно казалось совсем серым, точно жизнь уже ушла из него и никогда не вернется. А голова стала маленькая, как у подростка, и на макушке торчал седой хохолок, будто насмешка.

— Куда гонишь, Афоня? Никто нас не ждет. Сестренка твоя к свекровке уехала, да и мужа взяла. А я заскучал. Вот и вызвал...

— Только и? — усмехнулся сын.

— А что плохого? Отец же вызвал тебя! Это надо понять. Где, говорят, сокровище наше, там же и сердце наше.

— Кто говорит? — засмеялся Афанасий и глубоко вдохнул в себя чистый березовый воздух.

— Стары люди говорят, Афоня. Стариков-то не почитаете...

«Так, так, сокровище наше», — заворчал про себя Афанасий, и что-то сухое, холодное промелькнуло в глазах. Но отец не заметил, и тогда сын перевел разговор:

— Ну и строят у вас! — И он задумчиво посмотрел на шпалы, нахмурился. — А кругом столько дерева, и березы вон...

— То дерево золотое. Надо беречь. А эти шпалы по случаю. Шефы привезли да оставили... Ну пойдём, сынок, в дом.

И пока шли к крыльцу, Афанасий терзал себя: «И чего он хитрит со мной, отвлекает? А ведь сорвал меня с места, послал телеграмму...»

Потолки в комнате были темные, низкие, и Афанасий сразу вспотел и зажмурился. И еще долго не мог прийти в себя, отдышаться, и все казалось, что здесь не было воздуха, и у него сразу испортилось настроение.

— Ты б хоть деревяшку-то отстегнул. А то больно уж по-сиротски.

— Да привык я, Афоня. А протез есть у меня, как же нам без протеза.

— Я тебе импортный достану, удобный.

— Да ладно, сынок. К чему привык, к тому привык. Вон и Федор, дружок, на такой же. Да и дерево-то родное. — Он еще что-то сказал про себя и начал

— Но ты же хирург и режешь людей?

— Вот именно, что хирург. Ведь если хирург ошибается, то ошибается не один. Иногда подводит даже рентген.

— Коллективная ответственность, да? Ты разрежешь, а все отвечают.

— Ты не утрируй и не делай из меня мясника. Если судно в тумане село на рифы, виноват не один капитан.

— Но в ответе прежде всех капитан,— сказал отец хмурым голосом и еще сильнее побледнел.

Он теперь стоял у окна и сердито смотрел в ограду. Хохолок шевелился на голове. За этот хохолок, за пронзительность глаз сослуживцы прозвали его Суворовым, но делали это без всякого зла. Вот и теперь он смотрел исподлобья, внимательно, точно бы решал, куда послать свое храброе войско, как малыми силами выиграть бой. «Суворов и есть!» — подумал весело Афанасий и рассмеялся. Отец поморщился: ему не понравился смех сына.

— Значит, Афоня, ты не помнишь ни одного человека, который бы умер из-за тебя?

— Не понимаю...

— Ну, по твоей недоглядке.

— А-а, теперь понимаю. Такие ошибки бывали. Но у кого их нет. Чудак ты, отец!— Он стал разминать сигарету, и вся веселость его прошла, как сдуло ветром. И подступила сразу усталость. Как и у отца, у него часто прыгало настроение. То выйдет солнце на чистом небе, то опустятся тучи, то снова разведрут.

— Понимаю, Афоня, ты найдешь оправдание. Но неужели они не снятся ночами? Неужели не помнишь их лицо, голос?

— Ну-у, отец! Отколол ты. Прямо в тюрьму меня надо. Да на тяжелый замок.

— А ты не смейся. Я хочу во всем разобраться. За этим тебя и вызвал...— Отец замолчал и внимательно посмотрел на сына. Но взгляд его был не в лицо, а куда-то дальше. И от этого взгляда Афанасию стало невыносимо. И опять стал ждать от него то ли ссоры, то ли какой-то печальной просьбы. И он признался:

— Я тебе доверюсь, сынок. Дело наше касается Федора. Этот человек для меня больше брата. Больше даже отца, хоть мы и погодки. И терять мне его не надо.

— А зачем терять?

Но он словно не услышал вопроса. Только покачал головой и вздохнул.

— Мне тяжело, Афоня, но я должен сознаться. Федор меня вынес из боя... В первый месяц войны наша часть была в окружении. И меня ранили—осколок в плечо. А Федя меня не бросил. Так на спине и тащил по оврагам. А потом еще попали в болото. Натерпелся со мной, пока не вышли к своим.

— Отец, я не вижу связи. При чем тут Федор и моя работа?

— Не спеши, родной, не спеши. Потом мы опять воевали вместе, и потом опять все совпало: он на протезе пришел, и я на протезе. Потом жен своих схоронили...

— Ладно, отец, не темни. Что у него, у Федора?

— Но я еще про войну хотел. Это было в конце сорок третьего...

— Потом, потом! Что у Федора?

— Полагаю, что язва. И такая, что не вылечивают. Только режут такую.

— Знаем, знаем мы эти язвы,— устало сказал Афанасий и забарабанил пальцем по колену. На его красивом чистом лице мелькнула досада. Он уже совсем задышался в этой маленькой, низкой комнатке.

— В районной больнице от Федора отказались. Сказали: везите в область, там у нас медицина. А вдруг, сынок, у него что пострашнее?

— Вы же собрались с ним копать грядки да снег где-то чистить...

— А ты не смейся, Афоня! Через год мне семьдесят стукнет, и половина жизни с Федей была. Так что...

«Так что отцу будет семьдесят. Старость!» И как сходятся с ним— как петухи. А ведь надо бы беречь его, охранять от болезней, и какие-то хорошие слова находить, и уступать во всем, и жалеть. А у них только ссоры да обвинения.

— Ты ж, Афоня, хирург. И, говорят, уважают?

— Все верно, верно-о-о!— сказал нараспев Афанасий и улыбнулся. Захотелось ободрить отца и утешить.— Знаешь, вези ко мне этого Федю. Я за него беру. Но надо бы его поглядеть. Одним словом, твой Федор за мной.— Он усмехнулся, пригладил волосы и подмигнул отцу. Но тому не понравилось:

— Наше с Федором дело солдатское. Это было, сынок, в конце сорок третьего. Мы окопались возле лесочка. И вдруг— танки...

— И вдруг поперли «тигры» и «пантеры»,— тихою передразнил Афанасий и посмотрел на отца долгим взглядом. Ему временами казалось, что на отца уже что-то находит и куда-то несет его и относит, что у него, как у всякого старого, есть теперь свои пунктики и привычки.

Все это понял отец: догадался или услышал сердечным слухом. И как только понял, так сразу сбился и замолчал. И когда сын снова посмотрел на него, тот уже кусал губы в сильном волнении, и ресницы его мелко-мелко подрагивали, как будто бы накануне слез. И все-таки удержал себя и начал сначала:

— Это было в конце сорок третьего...— Он откинулся на своей низкой скамеечке и начал поудобней укладывать свою деревянную ногу. Наверное, приготовил себя к большой, длинной речи. Но сын не оставил надежд:

— Не надоело тебе про войну? Нельзя же все время.

— Наверно, нельзя,— согласился отец, и сразу лицо у него стало удивленное, слабое, какое-то извиняющееся лицо. Как будто просил о чем-то, упрасивал. Так и есть.

— Но все-таки я доскажу, Афоня?

— Не надо, отец. Я уж все знаю. Честное слово. Ну что ты? Еще потом приеду— расскажешь. А сейчас извини, устал я.

— Ладно, Афоня. Устал ты. Такую дорогу ехал, да сколько бензину сжег, не оплатишься. Уж прости, сынок. Не подумал я. И с телеграммой нехорошо.

— Не усложняй, отец.

Но тот ничего не слышал. Щеки у него вытянулись и совсем почернели. И рубцы на них тоже вытянулись и пошли в глубину, и все лицо теперь было в сплошных рытвинах и ухабах, а по этим ухабам двигались бисеринки— все вниз, все вниз, к подбородку. Он плакал открыто, не закрываясь, и это было совсем печально. Потом перестал на миг и посмотрел на сына.

— У вас работает там Николай Журавлев?

— Есть такой, Николай Степанович— главный врач областной больницы. Ты что, следишь за ним по печати?

— И по печати, сынок. И народишко наш поговаривает. Очень довольны им.

очень довольны. Кого резал Журавлев— все потом на ногах. Никого нет покойничков.

— Да, Журавлев— хирург классный. Правда, состарился,— тихо сказал Афанасий и надолго, тяжело замолчал. Тишина была длинной и какой-то печальной.

— Ты знаешь, Афоня... Мы с Журавлевым были на одном фронте.

— Ну и что?— поднял голову Афанасий.

— А то, сынок, что все мы однополчане. Вот и Федор, значит, однополчанин. Если можешь, то свяжись с Журавлевым. Попроси ради бога за Федю. Так, мол, и так, вас просят однополчане.

— О чем, отец, просят?

— Чтобы сделал Журавлев операцию. Такому я доверяю. И за Федю буду спокоен. Один ведь у меня Федя.— И опять лицо его заходило, задвигалось, а хохолок на голове приподнялся.

— А мне, значит, не доверяешь?— усмехнулся зло Афанасий. Потом он стал чиркать спичкой, чтобы прикурить, но никак не мог зажечь спичку. И когда зажег, то уже не мог прикурить. То ли забыл, что хотел, то ли ушел в себя, потерялся. Спичка догорела и обожгла пальцы.

— Значит, не доверишь?

— Не в эфтим дело, сынок. Я хочу, чтоб надежно.

— Не в эфтим дело,— передразнил его Афанасий и сморщил лицо. Его золотые волосы теперь потемнели. И в комнате потемнело— за окном давно вечер.

— Ты не дразничь, сынок,— сказал он чуть слышно.— А если тяжело тебе к Журавлеву, я сам к нему съезжу. Прямо в ноги паду за Федю. Я не гордый. И фронтовику твой врач не откажет. И еще скажу, что сильно веселый нынче Федор Иванович. А раз веселый, значит, дело табак. Надо спасать человека.

— Надо, надо,— заворчал Афанасий.— А на мой вопрос не ответил.

— А я не помню вопрос-то. Я уж старый— все сейчас забываю.

Он с усилием приподнялся и встал в полный рост. Потом медленно подошел к окну, деревяшка постукивала. И в этом стуке— тоже назидание, тоже укор. И Афанасию стало совсем тяжело, как будто прошел километров сорок без отдыха, и теперь сердце стучит от усталости, и все тело тоже разбухло, налилось чугуном. Почему отец унижает? А может, не верит? И почему начал про этого Журавлева? Он курил и жалел себя, и даже хорошо стало в этой теплой, податливой жалости, и даже стал успокаиваться, отвлекать себя на другое. А отец затыл у окна, не шевелился. Он то ли задумался, то ли что-то разглядывал. И голова его протянулась далеко, по-цыплячьи, и была такая печаль в его хохолке, в его скорбной тоненькой шейке, что сын отвернулся.

А за окном— вечер, и по дороге гнали коров. Они тихонько помыкивали, отяжеленные молоком и дневной усталостью. Скоро их подоят, и они успокоятся и начнут жевать что-то и моргать большими ресницами. И спустится ночь, и затихнут дома, и над всем миром взойдут звезды и засияют, и где-то там, на одной звезде, вот так же будут сидеть двое и спорить. А для чего? А зачем? А потом он представил, как завтра утром, почти на рассвете, когда роса еще будет лежать на березах, он выведет свои «Жигули» и поедет обратно. И сразу все исчезнет в нем, растает, как облачко: и эти разговоры, и отцовские слезы, и это постукивание деревянной ноги с каким-то тяжелым намеком, и эта духота, и низкая комнатка, и эта непривычная боль на душе, как будто завтра идти к прокурору.

— Афоня, чего молчишь?

Но он только поежил плечами, как будто давила рубашка.

— Афоня?

И тогда сын вскипел:

— Ну что все Афоня, Афоня?! Тоже имя придумали!

— Не надо имени стыдиться своего, оно дано для божьего суда!— продекламировал отец своим тонким голосом. И еще что-то хотел, но махнул рукой, засмеялся.

— Когда был помоложе, то состоял в драмкружке. Ты ведь помнишь, я служил тогда в строительном тресте и заведовал кадрами. Я всю жизнь, сынок, заведовал кадрами: то в тресте, то на заводах. И этим горжусь— значит, верили.— Он опять смотрел на Афоню, и лицо было спокойное, ровное, и глаза совсем успокоились, и утихло в них раздражение.

— И кого же ты играл в драмкружке? Не Суворова?— спросил сын с лукавым намеком. И глаза не отвел и стал разминать сигарету. Отца передернуло. Он знал, что сослуживцы его часто называли Суворовым, а вот от сына не ожидал.

— Суворова я играл только раз. Дело было после войны. На меня надели парик из кудели и крепко-крепко напудрили. А в руки сунули трость— основную палку с сучком. Я ей упирался, потому что был на протезе.

— Вот что, отец, давай по-мужски? А то зубы мне затираешь, а сам на вопрос не ответил.— Афанасий не сдержался.

— На какой, сынок? Ты меня не страшай.

— Значит, не доверяешь соседу. Хорошо— я договорюсь с Журавлевым, но только... Только потом к тебе— ни ногой!— Он приподнялся и включил свет. И сразу волосы у него подернулись золотом, а в глазах мелькнуло что-то бойкое, детское— и отец на него засмотрелся, и сделалось ему хорошо. Афанасий был настроен решительно:

— Ты понял меня— ни но-гой!

— Я понял. Но хорошо, что тебя задело. А то совсем уж...

Он отошел от окна и осторожно присел на скамеечку. Ноги вытянул далеко, а руки скрестил на коленях.

— Не сердись, сынок. Просто я хочу, чтоб он пожил. Да и заслужил сильно Федя... Это было в конце сорок третьего...

— И вдруг поперли «тигры» и «пантеры»,— засмеялся сын и посмотрел на него снизу вверх, и в этом взгляде была насмешка. А лицо побледнело, и на скулах началась краснота. И скоро краснота эта пошла на шею, и на щеках тоже появилось что-то пунцовое, яркое, как сильный загар.

— Почему не даешь рассказать, сынок?

— А ты почему мне не веришь? И почему унижаешь? Разве я виноват, что не сидел с тобой в том окопчике? Но сейчас же другое время.

— Другое,— согласился отец.— Но только тот окопчик не трогай!

— А-а, ладно,— махнул рукой Афанасий, и на лице его появилось страдание. Он решил, что сейчас выйдет на улицу и там пойдет куда-нибудь: лишь бы идти, лишь бы не слышать его назиданий, укора, лишь бы вдохнуть в себя свежий вечерний воздух, лишь бы освободиться от этого потолка, этой комнаты.

— Так, значит, о Журавлеве договорились? Как ты, сынок?

— Считай, что договорились. Но только это, отец, обида. Я ведь тоже хирург. Значит, все же не доверяешь?—спросил Афанасий спокойно и устало зажмурился. Болело сердце, затылок, и совсем не было сил.

— Не сердись ты, сынок! Я уж старый, я уж ни к черту. Но мне нельзя терять Федю.

— А зачем терять?

— Во-во! Незачем!—И вдруг с ним что-то случилось. Он быстро поднялся, почти вскочил и забегал по комнате. И движения его были резкие, сильные, деревяшка снова постукивала, но теперь уже как-то весело, как будто отплясывала, и лицо разгорелось. Потом остановился и подошел близко к сыну.

— Ты прости дурака! Я попытать тебя сдумал! Но ты-то... Ох, какой молодец, Афоня! Обида, говоришь, тебе—оби-ида!..

— Не понимаю.

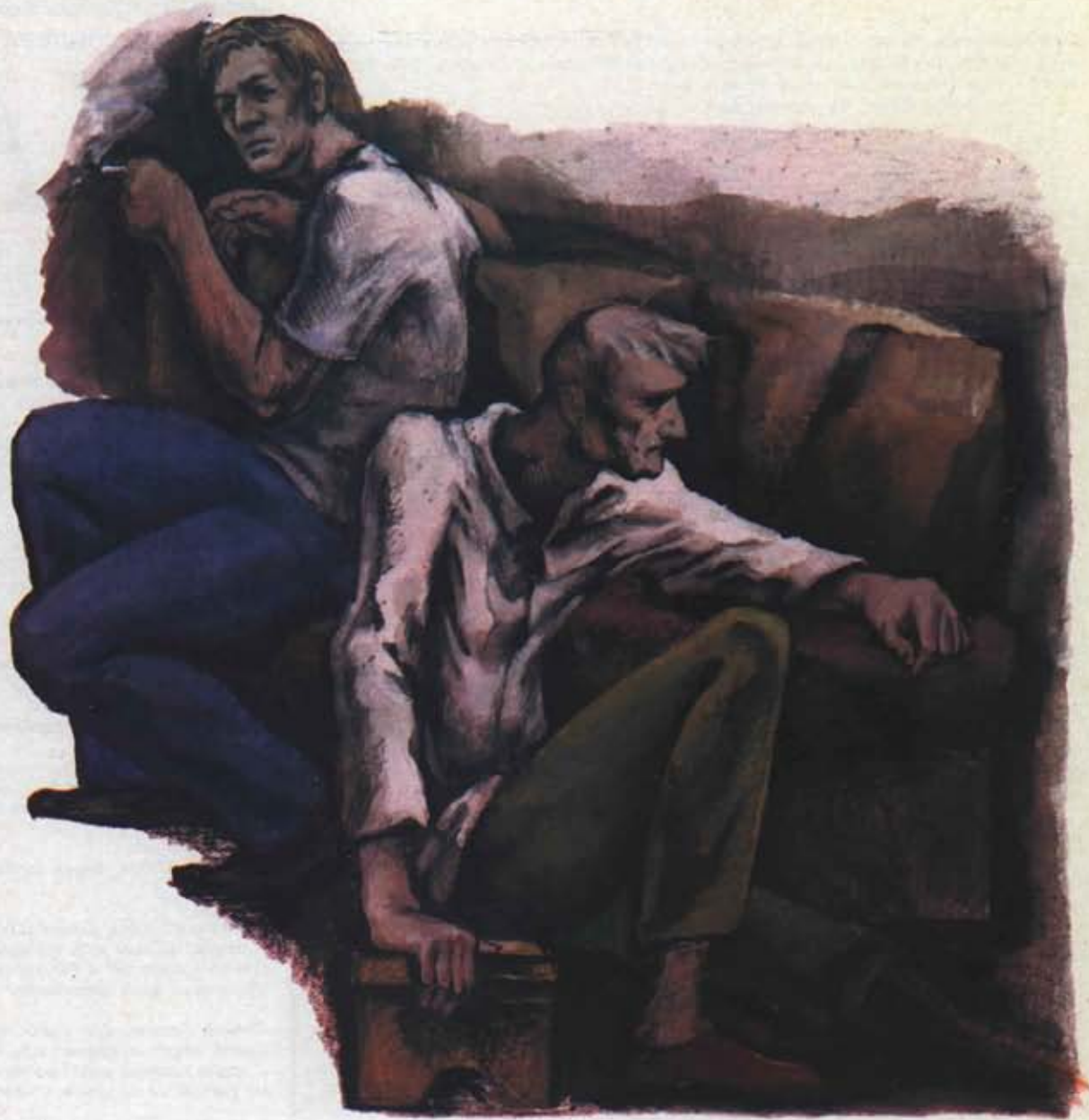
— Потом поймешь, все потом...—Он суетился и опять доглядывал в глаза сыну и еще хотел что-то сказать, но не решался. И тогда положил на плечо сына руку.—Ты бы хоть погулял. То сидишь тут—угорел в духоте. А ко мне зайдет Федор. Или сам навещу. А дом не закрою.

Афанасий вышел в ограду, потом на улицу. В голове гудело, и нервы были как струны. Он шел медленно, не разбирая дороги. В висках постукивало, и было странно—неужели тот смешной человек, который все суетился, пытал его и стучал деревяшкой,—это и есть его кровь, его отец, его самое дорогое? Нет, здесь что-то не так. И все-таки было жалко. Было жалко и одновременно обидно. Но как исправить? И разве исправишь...

А вокруг смеркалось, ходили тени, и там, где днем сияло чистое и огромное небо, теперь бродило что-то зыбкое, молочное, что-то живое. Молоко звенело и на земле. И по всем оградкам, загонам мычали коровы, призывая хозяев. И молоко кружилось, и пенилось, и заливало подошники, и во всех оградах кто-то смеялся, переговаривался, и отовсюду шли густые, знобящие запахи, и они застилали голову, таяли,—и вот только сейчас Афанасий вздохнул на полную грудь. Потом посветлело и все обозначилось: и дома, и деревня, и дальняя изгородь. Это вышла луна. Она висела холодная, чистая и какая-то бледная до синевы. Потом ее снова закрыло темное облако. Наступил самый главный, таинственный час. В домах уже зажгли электричество, а воздух на глазах изменялся: он был уже такой плотный и обволакивающий, что прямо давил на лицо, на руки, на волосы. И шло от него скрытое, большое волнение, и томили предчувствия. Афанасий закурил, постоял на месте. И опять стало грустно, печально, как будто у него умер кто-то из близких. И обида на отца росла, расширялась—и было стыдно. Он же, отец, разговаривал с ним, как с мальчишкой. И зачем припел этого Журавлева? Но ведь ясно, зачем! Ну и пусть! Не затронет это Афанасия. Но чем сильнее он уверял себя, тем сильнее ему хотелось заплакать. Никто не знал, что с ним случались такие минуты. А ему бывало так беспомощно, как бывает с нами только в далеком детстве, и тогда слезы лились беспричинно, и хотелось думать о себе, как о самом несчастном. Вот и сейчас такое с ним повторилось, и он слышал, чувствовал, как его распирают слезы. И он решил повернуть обратно. «Вот возьму сейчас и уеду. И уеду!»—убеждал он себя и жадно курил.

В окнах горел яркий свет. Отец стоял у открытой створки. Он отчетливо видел его в прямом освещении. Отец же его, конечно, не видел. Он стоял и покачивал головой. «Чудак! Познакомь его с Журавлевым»,—усмехнулся сын и начал его разглядывать, точно чужого. Теперь, в ярком свете, тот был совсем маленький, сухонький, как Суворов. А хохолок куда-то исчез, и голова вылезла из ворота высоко и болталась по-птичьи. «Господи! Какой он старый!..»—пронеслось в голове у сына, и опять ему стало печально. Отец подошел к столу и начал что-то писать. Голова его покачивалась в такт движению—у отца всегда был прямой, отчетливый почерк. Он еще раз взглянул на него и снова ступил на дорогу. Заходить в дом ему расхотелось. А деревня еще не заснула. Во всех почти окнах горело тихое, голубоватое пламя—то работали вовсю телевизоры. Афанасий шагал теперь крупным, уверенным шагом. Ему хотелось посидеть у воды: он знал, что сразу за деревней ему встретится озеро,—вот и манила вода.

Озеро лежало рядом с последним домом. Оно было широкое, круглое, вода блестяла под лунным светом. На той стороне росла густая черемуха, вперемежку с ней попадались березы, кустарники—Афанасий знал это по прошлым приездам. Сейчас черемуха отцветала, отдавая прощальные запахи, потому он так спешил и на что-то надеялся—может, просто звала душа успокоиться, и он покорился душе. Луна сияла теперь широко и уверенно, и лунный свет над водой казался серебряным—даже больно глазам. Он подошел к самой воде, огляделся. Вокруг—пусто, бело, далеко в деревне перекликались собаки. Он хотел присесть на траву, но раздумал. Потом выбрал место под старым сломанным деревом. Здесь уютно, как в домике. Он зажмурил глаза и вздохнул полной грудью. И в тот же миг он услышал что-то незнакомое, странное. Потом понял, что это пение, но все же не было полной уверенности, а звуки все дробились и таяли, а вместо них поднимались уже другие, и все это томило, укачивало, точно во сне. Иногда эти звуки куда-то проваливались, падали, потом опять возникали и уже были лучше,

Рисунки Оксаны КРИВОНОВОЙ

чище, сильнее. «Так это же соловьи!»—вдруг дошло до него, и он затаил дыхание. И сразу пение усилилось, и в тот же миг он услышал черемуху. Ее терпкий, дурманящий запах, видно, проникал до него по воде, и сейчас, ближе к полночи, цветы отдавали всю свою силу, энергию, словно прощались с кем-то или, наоборот, встречали. Афанасий вытягивал далеко лицо и прислушивался, и сейчас это пение как-то слилось, соединилось с черемухой, и душа затихла, прилегла. Он закурил опять, и в это время раздался голоса. И сразу—шаги. Афанасий затупил сигарету и притаился. Говорили громко, с большим волнением. Один голос он сразу признал, да и с кем отца перепутаешь. И другой голос, широкий, басистый, он тоже слышал когда-то... Они были рядом. Остановились. Вначале он хотел окликнуть отца, но сразу раздумал. Что-то его сдержало, может, обида.

— Ночь-то какая, Коля! Не могу надышаться.—Это говорил чужой, не отцовский голос. Афанасий вспоминал его, ловил что-то в памяти, но так и не вспомнил.

— Ночь-то какая досталась мне!—опять восхитился голос.—Главный мой наказ тебе будет один. Ты слышишь?

— Да, слышу,—сказал чуть слышно отец.

— Если умру там, Коля, то в городе не оставляйте. А привезите под наши березки... А медали мои фронтовые, все письма передай в школу, директору. Ребятишки меня любят, я у них выступаю.—Голос его тб поднимался, то падал почти до шепота. Наверно, мешало волнение. Потом совсем голос остановился. И сразу—отец:

— Вот что, Федя, дорогой Федор Иванович! Не к лицу тебе панихиду петь. И на фронте я такого не знал за тобой, не знали и командиры наши... Съездишь туда и вернешься здоровый. У Афона моего рука крепкая. У него еще никто никогда не помер. Никто, Федя, никто!..

«Во дает старик!»—подумал Афанасий.—Но какая там у меня рука? Чего он придумал?»

— Значит, согласился сын на меня?..

— На тебя, на тебя...—передразнил отец.—Разговор-то вышел тяжелый. Ну, я сперва его попытал, про другого врача позакидывал—ну и обидел, конечно. Убежал Афоня куда-то, переживает. Не доверяешь, мол, мне, не веришь...

— Зачем ты, Коля! Зачем ты так по-худому. И сын все же, одна с тобой кровь.

— А я ему записку оставил. И наказал, чтобы сам тебя оперировал. И чтобы все по-хорошему.

— А не откажет?—опять спросил голос и замер. И в этот миг ударили соловьи.

Белые, словно сметаной облитые:
Сразу видать—уродились в отца.

Дети солдата.
Потомство Никитича.
Всю отшагал до последнего он:
На фотокарточке—группа зенитчиков,
Посередине—в фуражке—Семен!

Все как положено: есть и ранения.
Есть и медали. Да что ворошить!
Ставь-ка, хозяйка, на стол пополнение,
Выжили—будем до старости жить!

...Ах, как пугающе Дарья красива!
Что ни надела бы—все ей к лицу,
Все в ней: дородство, и нежность, и сила,
Чувство—да к чувству,
Словцо—да к словцу!

Да не она ли от веку повенчана
С горем, с разлукой, с надеждой—спроси!
Дарья Семеновна,
Русская женщина,
Сколько сестер у тебя на Руси?

7
Никуда не деться от судьбы.
От забот себя не уберечь.
Вот она—царица всей избы,
Сложенная прадедами печь.

Сколько раз побелена она—
Для нее ли пожалеют мела?
Сколько песен слышала она,
Сколько в ней беды перегорело.

Сколько бабьих судеб извела:
Затемно, ступая легче пуха,
Шла к ней робко—девочка мала,
Отходила—дряхлая старуха.

Долгие столетья,
День за днем,
О своем бессмертье возвещая,
Печь гудела яростным огнем,
Женский лик багрово высвещая.

Встанешь с ночи. В инее порог.
Принесешь обмерзшие поленья,
И пока раздуешь огонек,
Затекут холодные колени.

Кланяйся ей в пояс день-деньской—
Не садись, не отдыхай, не мешкай!
Разгорится—черной кочергой
Шевели коптящие полешки.

Горожане ахают: тепла!
Без нее не ощутить уюта!
А за печь-то плачено сполна
Всей судьбой и каждой минутой:

Плачено и бабьей красотой,
Плачено и бабьими слезами,
Плачено и песней золотой...
Бабы, бабы, а без песни той
Что Россия вся и что мы сами?

8
Все мы отмечены песней с рожденья.
Ах, эта песня!
Глуши не глуши,
Вдруг зазвучит она, как откровение,
Из глубины потрясенной души.

То ненавязчиво, исподволь, тоненько,
Словно на ощупь настроенный лад,
Словно бы дождики по подоконнику
Жалобно, робко, пугливо стучат.

То отрешенно, до самозабвения
Жаром пройдет, нарастая, гудя—
Тронет весельем, дохнет удивлением,
В слезы ударится чуть погодя.

Годы, какую же метой вы мечены?
Все, что пропето, ушло. Не зови.
Сыздавна песню несет в себе женщина
Нежности, долготерпенья, любви.

9
О села русские!
Дрожанье
Листа, щеко-чущего ствол.
Мы забываем, горожане,
Призывный голос наших сел.

Но вот однажды на рассвете
Я тихой улицей пройду.
Вдохну степной полынный ветер,
Окликну дальнюю звезду.

И поплывет ко мне навстречу
Земля—безбрежна и добра.
И несмолкаемые речи
Начнут над нею трактора.

Их близким говором тревожно
Затем земля моя полна,
Чтоб были закрома Поволжья
Тесны для каждого зерна.

Чтобы вот так же на рассвете
По тропам тем, где мы прошли,
Прошли однажды наши дети,
Вбирая теплоту земли.

Земли,
Почти забывшей войны,
Ведущей в небо колосок.

Мы тридцать лет
Живем спокойно.
А тридцать лет—
Немалый срок!

И с каждым днем
Тот срок немалый
Для глаз становится
Видней.
И хлеб,
Который ты держала,
Стал символом
Судьбы твоей.

Твоим трудом
Взошедший к сроку
И убранный твоим трудом,
Любви и щедрости дорогу
Он проложил в твой новый дом.

...За все,
За что платили болью—
За хлеб и соль,
За кровь и пот,—
Склоняюсь я перед тобою,
Мой честный, мой простой народ.

Не может быть счастливей доли,
Чем слиться хоть на краткий миг
Своею болью с общей болью,
Своей судьбой—с судьбой других.

Прими, земля, мою заботу.
Чтоб был и присно и вовек
Моей строкой,
Моей работой
Окликнут каждый человек.

10
Дарья Семеновна, что тут печалиться,
Словно над вами сгущается тень?
А на ресницах слезинка качается:
— Жизнь-то прошла как единственный день!

Дарья Семеновна, вам ли печалиться?
Вам ли гасить неостынувший взгляд?
Кто это выдумал, будто кончается,
К старости клонится жизнь в пятьдесят?

Или забыли присловие,
Якобы
Незачем вам бабий век продлевать:
«В сорок два года баба—ягода.
В сорок пять баба—ягода опять!»

Солнце в степи и высоко и жаростно,
После полудня особенный зной.
Разве простительно думать о старости
Вам—загорелой, веселой, земной?

Сколько приветов вам здесь уготовано
От мужиков, от детишек, от баб:
Здравствуй,
Семеновна!
Как ты, Семеновна?
В избу, Семеновна, что ли, зашла б!

...Ах, как загадочно Дарья красива!
Дарья Семеновна, как понимать:
Вас ли под корень война не косила
И не над вами ли плакала мать?

Рисунок Владимира РОДИНА

С этой вот пыльной, степной, перепаханной,
С этой землей неразрывно срослось
Все, что сработано, все, что исплакано,
Все, что задумано, все, что сбылось.

Солнцем нагрета тропа за околицу,
Август ступает, по травам звеня.
Соком налитая ягода клонится
В звонкой истоме прозрачного дня,—
Сколько запомнила женских имен она,
Прячась от глаза в зеленую тень...

Здравствуй, Семеновна!
Как ты, Семеновна?
Добрый ли выдался
Нынешний день?..

ЛЕСНЫЕ КЛАССЫ

Приезжаю сюда, будто возвращаюсь в далекое детство. И, вновь очарованный, стою на берегу озера, близ старинного русского города Торопца, где и нынче рубленый дом почитается не за исторический памятник, а служит людям добрым и надежным жильем. И тепло на душе оттого, что не перевелся здесь лес под топорами горожан, не ушел далеко за городские окраины, — вот он, шумит над головой, радуя людское сердце.

Лес для торопчан мало сказать друг: без него не мыслят они себя, потому, верно, используют его бережно, не махая топором без крайней нужды, не вытаптывая травы и цветы, не распугивая птиц и зверье.

И хотя случались беды — опустошительные пожары, войны, но столетия не смогли выкорчевать торопчанские леса — люди приходили на помощь: высаживали молодые деревца, лечили покалеченные, засеивали травой черные, выжженные проплешины полей...

Есть в Торопце примечательный памятник — школьному учителю. Одухотворенное, строгое лицо сельского интеллигента, воспитавшего не одно поколение хозяев земли своей.

Бывая в Торопце, спешат люди к этому памятнику, всматриваются в него и видят такие близкие, родные черты своих первых учителей.

И как здесь не вспомнить и нашего учителя ботаники Ивана Семеновича Сергеева. Любил он повторять слова великого Тимирязева о том, что лесовод — в значительной мере человек завтрашнего дня: «сегодня» для него важно, а «завтра» — вдвое важнее.

Занятия его были мало похожи на обычные школьные уроки. Мы шли в лес, в «город живой природы».

— Итак, молодые люди, — обычно начинал Иван Семенович, вскинув крупную седую голову, — взгляните на этот шедевр мироздания и поделитесь со мной впечатлением об увиденном.

— Так это ж тополь, а не шедевр, — высказывал нетерпеливый Володька Шамшуринов.

— Да? — в притворном удивлении вскидывал брови учитель. — А что он напоминает вам? По форме, по цвету?

И тут начиналась изумительная игра мальчишеской фантазии, а гибкий тополь раскачивался, переливался радужной гаммой оттенков, подхлестывая наше воображение.

Вскоре с помощью учителя мы начали замечать необычное в том, что прежде казалось нам будничным, простым. Оказывается, осенний ясень совсем не красный. Его ветви — и багровые, и розовые, и пурпурные... А сосновая крона напоминает кудри великана. И каждое дерево шумит по-своему, так же, как не может быть одинаковым птичье пение.

Мы узнали, что «бездушные» растения в чем-то походят на нас: одни — непоседливые, растут бурно, широко, а потом вдруг резко затормаживаются, другие — накапливают силы исподволь, а затем расцветают щедро, величаво.

Мы учились видеть окружающий мир не только глазами, но и сердцем. Поэтому, может быть, память возвращает нас так часто в родные места, и старинный русский городок, что раскинулся на половине пути между Москвою и Ригой, стал для многих торопчан первой ступенью нравственного роста.

...Перелистываю страницы леоновского

В КЛАССАХ ЖИВОЙ ПРИРОДЫ ИДУТ ЗАНЯТИЯ...

«Русского леса», будто живительным послегрозовым озоном дышу!

Знаю, книга эта значится в школьных программах, а вот как же сам русский лес, в какие учебные программы нынче включены его дубравы и березовые рощи?

«Миграция», модное нынче слово, стыдливо прикрывает иное — «бегство». Из села, от родных лесов и лугов — в город. Для чего, зачем, с целью какой? Или просто «повоаяжировать» по земле, не оставив после себя ни дома построенного, ни деревца возвращенного. А в городах слышатся вздохи по «утраченной» природе, хотя выйди в соседний сквер, разбей клумбу, посади саженцы — чего проще?!

Да нет, пожалуй, сложно это, если «с молодых ногтей» не воспитали в человеке уважительного отношения к природе, душевной потребности в запахе трав и шелесте лиственных крон.

И отрадно, что сейчас педагоги, а вместе с ними и мы, работники лесного хозяйства республики, ищем наиболее эффективные формы воспитания школьников в самом тесном общении с «живым городом природы».

Одна из этих форм — школьные лесничества — уже достигла «солидного» возраста — полутора десятилетий. Родились школьные лесничества в июне 1964 года.

В то лето лесничий Ковашевского лесничества Ломоносовского лесхоза Ленинградской

области Павел Александрович Евстафьев зашел в Сосновоборскую школу с просьбой помочь в уходе за лесом.

Ребята согласились поработать день, другой... Затем начали приходить в лесничество ежедневно и не заметили, как стали там своими людьми. И тут возникла идея создать в школе свое лесничество, но только поменьше настоящего. Работать же решили в нем как взрослые.

По просьбе школьников лесхоз выделил пять лесных кварталов площадью 500 гектаров. На работу в школьное лесничество записалось 34 человека. Избрали из ребят актив: лесничего, его помощника, двух участковых техников.

За теми ребятами, кто был зачислен в лесники, закрепили небольшие участки леса: 10 — 15 гектаров.

И началась увлекательная работа! Особенно запомнились летние дни. Ранним утром отправлялись юные лесники по своим обходам. А вокруг птицы поют, воздух прохладный и душистый.

Кончилось лето, но лесничество в Ковашах не распалось. Правда, времени бывать в обходах у ребят стало меньше, но посещение леса стало нужным уже потребностью. Этому помогали занятия, которые регулярно проводили с ребятами по лесным дисциплинам учитель биологии и лесничий.

Первые участники Сосновоборского школьно-

го лесничества стали уже взрослыми людьми. По-разному сложилась у них жизнь, и многие даже не подозревают о том, что начатая ими игра превратилась в большое и серьезное дело.

Сейчас на территории Российской Федерации насчитывается более 6 тысяч школьных лесничеств. В их работе участвует почти 300 тысяч ребят. Не все из них, конечно, потом станут лесниками, но каждый до конца дней своих будет любить и беречь лес. Научатся участники школьных лесничеств понимать красоту природы и ощущать на себе ее живительные силы. И бывший юный лесничий, став спустя много лет директором крупного химкомбината, думаю, более пристрасно, заинтересованно отнесется к охране окружающей среды. Верно подмечено народом, что человек, посадивший хоть одно дерево, никогда не погубит лес.

Пожалуй, ошибочным было бы представлять школьное лесничество в виде действующей модели лесничества обычного, производственного. Круг забот их, разумеется, иной, чем у лесохозяйственных предприятий. Ребята занимаются кружковой работой, проходят здесь производственное обучение и практику по ботанике и биологии... А главное — учатся видеть вокруг себя красоту, быть добрыми и внимательными к окружающему их миру природы, а значит, и по отношению к людям.

Школьные лесничества имеют «Положение», в котором определены задачи, права и обязанности юных лесоводов; леса, закрепленные за ними, школа принимает под охрану в обстановке торжественной, праздничной. Продолжительная работа в школьном лесничестве учиты-

дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы» указано на необходимость совершенствования внешкольной работы, трудового и нравственного воспитания подростков. Школьные лесничества, безусловно, способствуют этому.

Но давайте послушаем самих юных лесоводов. «Лесничество наше, — пишут школьники из Саратовской области, — организовано в 1968 году. Нас 30 человек, учимся мы в 9-м и 10-м классах. Учимся хорошо, и времени на все хватает. Мы охраняем 7 лесных кварталов — 735 гектаров леса и кустарника. Работой лесничества руководит совет, в который вошли директор нашей школы, главный лесничий лесхоза, учитель биологии, лесничий школьного лесничества и его помощник, участковый техник. Не все из нас пойдут после школы работать в лесхоз, но все мы любим лес, нашу природу, и она отвечает нам добром...»

И таких писем в Совет по работе с молодежью при Госкомитете лесного хозяйства СССР (а этот совет занимается и школьными лесничествами) приходит немало. В них ребята благодарят своих учителей, работников лесного хозяйства родного края, которые широко распахнули перед ними двери в «великое и сказочное царство природы».

Взрослые не диктуют правил «игры», они лишь заботятся о том, чтобы желание подростков было подкреплено умением, — проводят с ними занятия по спецпредметам, помогают в решении хозяйственных и технических вопросов. На участках школьных лесничеств сегодня работает мощная современная техника: тракто-

ры, плуги, посадочные машины — ими управляют сами ребята, прошедшие специальный курс обучения.

Конечно, руководить работой такой комплексной учебно-производственной организации, как школьное лесничество, специалисту лесного хозяйства нелегко: для этого требуются не только глубокие, разнообразные специальные знания, но и соответствующие педагогические навыки.

В лесничество приходят ребята различных возрастных категорий. Для учащихся 6—7-х классов это просто увлекательная игра. Их привлекает работа по охране лесов. Они с удовольствием участвуют в работе зеленых патрулей, оберегают лес от порубок и пожаров. Подростки 8—9-х и тем более 10-х классов — это уже почти взрослые люди, стремящиеся овладеть лесными специальностями, которые помогут им в дальнейшей самостоятельной жизни.

«Дайте ребенку и юноше не безразличным материал, не смесь драгоценностей и всякого старого хлама, — писал известный публицист и лесовод Н. В. Щелгунов, — не растрачивайте его сил на ненужную работу, на труд, который не принесет никакой пользы». Когда ребята видят реальную ценность, необходимость своего труда, то сам труд становится для них лучшим воспитателем.

В Волгограде и Брянске, Саратове и Ленинграде, на Амуре и в Иркутской области, в Бурятии и Смоленске — повсюду, где шумят могучие кроны российских лесов, где утро начинается птичьим пением и шелестом трав,

«ЗЕЛЕНЫЙ ПАТРУЛЬ» ГОТОВИТСЯ К ОЧЕРЕДНОМУ ОБХОДУ.

вается при поступлении в лесохозяйственные техникумы и институты.

И еще: такие лесничества стали отличной школой подготовки кадров для лесхозов республики: юные лесоводы зачастую становятся прекрасными работниками в лесах, заказниках и питомниках.

Мне не раз доводилось бывать в школьных лесничествах, и, встречаясь с юными друзьями леса, я отметил для себя одну существенную деталь: ребята понимают государственную важность порученной им работы, для них она не игра «в лесничих и лесоводов», а настоящее — взрослое! — дело, которое требует и желания и умения. Действительно, разве можно назвать просто игрой уход за деревьями на общей площади около 300 тысяч гектаров, посадку леса на 80 тысячах гектаров, организацию питомников на 2,5 тысячи гектаров. Все это сделано школьными лесничествами РСФСР только за прошлый год. А кроме этого, ребята собрали и сдали государству 30 тысяч тонн ягод, более 14 тысяч тонн грибов, около 250 тысяч тонн семян различных древесных пород и кустарников...

Внушительные цифры! Но мне за ними видится еще и та глубинная работа ума и сердца, которая преобразует подростков, делает их рачительными хозяевами своей земли.

В недавнем постановлении ЦК КПСС «О

ЛЕС ТРЕБУЕТ ЗАБОТЛИВОГО ХОЗЯЙСКОГО ГЛАЗА.

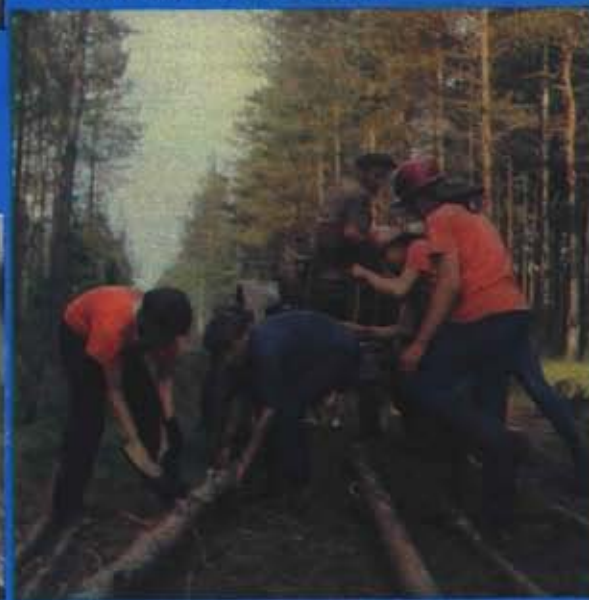
ЗДЕСЬ У ПТИЦ ЕСТЬ НАДЕЖНЫЕ ДРУЗЬЯ И ЗАЩИТНИКИ.

МУРАВЬИ, ЛЕСНЫЕ ЖИТЕЛИ, ПЕРЕЕЗЖАЮТ НА НОВУЮ «КВАРТИРУ».

РАБОТА В ШКОЛЬНЫХ ЛЕСНИЧЕСТВАХ ПОМОГАЕТ РЕБЯТАМ СТАТЬ РАЧИТЕЛЬНЫМИ ХОЗЯЕВАМИ СВОЕЙ ЗЕМЛИ.

вы можете сегодня встретить мальчишек и девочек с эмблемой, на которой зеленеют, словно юные побеги, две буквы «Ш.Л.» — школьное лесничество.

Юные лесоводы не только стражи рощ и дубрав, они и рачительные хозяева родной земли, они думают о ее будущем, заботятся о зеленой поросли, о птицах и зверье — жителях наших лесов.

Раз в два года собираются они на свой республиканский слет.

Вот и нынешним летом со всех концов нашей республики съедутся в Волгоград на свой слет школьные лесоводы. Около тысячи делегатов в

течение трех дней будут обмениваться опытом своей работы в различных секциях слета, вести поиск наиболее удачных методов популяризации охраны природы, рационального использования леса и других природных богатств. Лучшие специалисты лесного хозяйства, педагоги, ученые-биологи приедут на этот слет.

Школьные лесничества... Здесь сама природа учит и воспитывает подростка. И как важно развивать и совершенствовать эту форму трудового и нравственного воспитания ребят!

Нынче лес приходит в города — парки и скверы, зеленые зоны отдыха, мощные лесные

массивы становятся уже привычными для горожан. Вот где простор для работы юных лесничих, учащихся городских школ!

Не нужно думать, что школьные лесничества — привилегия лишь сельских мальчишек и девочек. Пусть в каждой школе, каждом классе растут надежные друзья наших лесов.

И пусть девизом их работы и жизни станут слова замечательного советского писателя, тонкого знатока родной природы Л. М. Леонова: «...человек, который понимает и любит природу, благороден в жизни, он не сделает дурного поступка, он прошел душевный университет».

Прошу слова!

АДВОКАТЫ ЗЕЛЕННОЙ РОЩИ

Обидно охранять лес от людей. Лес — наше общее наследство, наше достояние. Он так много дает человеку и так мало просит. Его неприхотливость исключительна. Когда хотят подчеркнуть бедность почвы, говорят: на такой только лес может расти. Земля, на которой и он не может выжить, — мертва. Лес — это жизнь. Труднее всего увидеть то, чего много: воздух, землю, деревья. Растущее дерево, как солнце, как вода, цены не имеет. Оно — источник кислорода.

Дерево — высшая гармония, идеальное соответствие формы и содержания. Глядя на него, музыканты сочиняли фуги. Дерево — шедевр архитектуры. Зодчие создают по его образу и подобию конструкции.

Лес спасал наших предков от набегов кочевников, но прокормить не мог. Огнем, пилой и топором отвоевывали землю под пашню. Слово поле произошло от слова пал. Но сейчас вроде бы каждому ясно: если сжечь весь лес на планете, — жизнь на земле прекратится из-за недостатка кислорода. И тем не менее где-то в глубине души горожанина еще сохранился такой взгляд на деревья: «Их много — не жалко».

Много ли? В России 5 гектаров на одного человека. (Лесопокрываемая площадь — 700 миллионов гектаров, население — 140 миллионов человек). В других странах и того меньше. Много стало посетителей леса. Лес для горожанина — место отдохновения. Место действия сказок. Но умиление уживается порой с полным неведением. Посетитель не знает, что в лесу охраняются не только муравейники, но и многие травы. Он не знает, что нельзя разводить костер под кроной дерева. Нельзя зажигать огонь, предварительно не окопав будущее кострище. Не знает или притворяется? Ясно одно — культура посещения леса низка. Где ее взять? Ее нужно воспитывать с детства. Как мне переубедить шофера бензовоза не мыть свою машину в маленьком пруду? Он всю жизнь ее там мыл. Но я уверен, что школьники из «Лесовичка» (так называется детское лесничество при Пушкинской средней школе), с которыми мы расчищали и обкладывали камнями родник, не будут в него плювать.

Есть такая профессия — лесник. Горожанин имеет о ней смутное представление. Лес беззащитен и нуждается в адвокатах. Такими адвокатами леса и являются лесники. С некоторых пор я открыл для себя несметное сокровище. Хочу поделиться. Прекрасен зимний лес. Но, увы, он недоступен без лыж. Когда слышу очередное признание в любви к природе, спрашиваю: «А лыжи у вас есть?» Зима — музыкальная пауза года. Царство силуэта и графики. Зима — образец лаконизма.

Пример красоты без подробностей, без красок, без звуков. Остановленное мгновение пантомимы. Лес никогда не бывает скучным. Скучными бывают люди.

... В апреле солнце быстро гонит зиму. Зима одна. Весен много. После таяния снега, когда муравьи робко выходят на вершины своих куполов, когда зацветает ольха, лещина и волчье лыко, наступает Весна Почвы.

Крутится барабан лесопосадочной машины, лапки жадно вырывают из рук семян, освобождая его у поверхности земли. Катки тут же сжимают шов, нарезанный сошником. Идет посадка лесных культур.

Посадить дерево — все равно что памятник себе поставить. Но созданные нами лесные культуры не выживут без нашего дальнейшего участия в их судьбе. В первые годы жизни лиственные породы деревьев растут быстрее хвойных. Буйная поросль лещины и осины полностью глушит посаженную ель. Участки лесных культур мы в первую очередь намечаем под осветление и прочистку. В насаждениях более старших возрастов проводим прореживания, проходные и санитарные рубки, которые необходимы не только для оздоровления леса, но и для уменьшения пожароопасности.

Ни одно дерево толще восьми сантиметров в диаметре без предварительного клеймения не рубится, а более тонкие — без закладки пробных площадей. В рубку назначаем мы. Пробные площади в молодняках закладываем мы. Лесоруб идет после нас, на следующий год. Его работу мы строго контролируем, а нередко и участвуем в ней.

Иногда нас называют хозяевами леса. Мне это выражение слух режет. Можно быть хозяином дома, пасеки, коровы. Нельзя быть хозяином стихии, равной по величине океану. Не удастся похлопывание по плечу — не дотянуться. На «ты» не перейти. Еще не так давно был популярен лозунг: «Природа — не храм, а мастерская, и человек...» Не согласен с выражением: «Природа... И человек». Сам человек — часть природы. Выделение непропорционально. Противодействие неуместно.

В мае готовимся к встрече посетителей леса: благоустраиваем места отдыха, стоянки туристов, расчищаем тропичную сеть. Когда начинают благоухать яблоня, сирень, незабудка, — наступает Весна Цветов. Последняя. Здравствуй, лето! Хлопотливое оно. Все чаще горожане вспоминают о лесе. Особенно когда в нем что-нибудь расцветает или созревает.

С недавнего времени у нас появились помощники: в Пушкинской средней школе организовано лесничество. Однажды мы со школьниками отправились в лес. В березняке,

около небольшой поляны, есть топкое место с едва струящимся ручейком. Мы решили выкопать неглубокий колодец, вставить сруб, обложить дно камнями. Та полянка ландышами примечательна. Они в это время беззвучно перезваниваются белоснежными колокольчиками. Не цветок — звонница! Выхожу на поляну и не узнаю ее: вся заезжена колесами машины. И ни одного цветка — сорваны!

— Грабят природу взрослые, охраняют дети, — ехидно заметил Игорь Егоров из 6-го «б» класса. — Силы неравны...

Понимаю, что это очень спорно, но собирающие букеты мне всегда казалось превращением красоты в мусор. Особенно если букет размером с копну. Все хорошо на своем месте. Цветы — на лугу.

— Все-таки, Игорь, надежда на тебя, — возразил я. — Ты скоро вырастешь, и сил у нас прибавится.

Родник мы сделали. Ребята ушли домой. Было ветрено. Кроны деревьев шумно раскачивались. Даже птицы умолкли. Беспokoйно в лесу...

Так закончился тот день — 5 июня — Международный день охраны окружающей среды.

Девятый год я живу и работаю в лесу. До этого жил в больших городах. Был заядлым туристом, спелеологом, альпинистом: мне было хорошо тогда, когда меня окружал лес. Однажды подумал: зачем же мне уходить из него? И покинул Москву. Не место в жизни нужно искать — себя. Место само найдется.

Олег ЕПИШИН,
лесник, Заокское лесничество
опытно-производственного объединения
«Русский лес»

Дорогие читатели! Публикуя в этом номере выступление заместителя министра лесного хозяйства РСФСР Р. Боброва и письмо лесника О. Епишина, редакция выносит на ваше обсуждение проблему взаимоотношения человека и леса. Расскажите о том, что тревожит вас, какие в вашей области или районе «болевые точки»: гибнут ли леса и лесополосы, в каком состоянии находятся городские скверы, старинные усадебные парки, какие меры, по-вашему, необходимы для их спасения, оздоровления.

Слово вам, читатели!

ШЕДЕВР ИЗ СОЛНЕЧНОГО КАМНЯ

Татьяна ЯССОН
Фото Сергея ВЕТРОВА

Янтарная комната... Очевидцы восхищались ее совершенной античной красотой, неповторимым орнаментом, фигурными композициями на мифологические темы, отделкой, инкрустацией и, наконец, самой цветовой гаммой — только янтарь мог придать комнате столь теплый, прозрачно-золотистый оттенок.

Два с лишним столетия простояла янтарная комната в Екатерининском дворце (г. Пушкин) и была не только его самым лучшим, дорогим и прекрасным украшением, но и реликвией, памятью о славной победе русских войск над шведами под Полтавой. Именно после этой великолепной победы Петр I получил в подарок от прусского короля Фридриха-Вильгельма «презрядный презент» — янтарный кабинет, изготовленный по проекту архитектора Андреаса Шлютера мастерами-янтарщиками из Гданьска.

В 1755 году по приказу императрицы Елизаветы комнату перевезли из Петербурга в Большой Царскосельский дворец — «русский Версаль». Знаменитый Растрелли смонтировал ее и во всеуслышание заявил, что «сей шедевр из солнечного камня — образец изобретательности, торжественной праздничности и высочайшего мастерства».

И мы сегодня могли бы любоваться изумительным шедевром мирового декоративно-прикладного искусства, но... Во время Великой Отечественной войны фашисты разграбили Екатерининский дворец, а легендарную янтарную отделку комнаты похитили. Инициатором этого чудовищного преступления

стал директор музея искусства в Кенигсберге Альфред Роде. Это он подал мысль гаулейтеру Восточной Пруссии Э. Коху похитить и перевезти комнату в свой город — подалше от района боевых действий. Так янтарная комната, упакованная в 22 крепких деревянных ящиках, оказалась в бывшей столице Восточной Пруссии. Но и сюда скоро докатился яростный гром пушек — Советская Армия неумолимо сметала фашизм с территории Европы.

Успели ли гитлеровцы вывезти янтарную комнату из Кенигсберга? Где могло затеряться это великое произведение искусства? Куда ведут его следы? Никто не может дать ответ на эти вопросы, в том числе и господин Роде и его жена, которые вскоре погибли (как, впрочем, и все остальные свидетели этого варварского преступления) при довольно загадочных обстоятельствах.

После окончания войны начались поиски янтарной комнаты. Ее искали в разных странах, в самых различных местах и самыми невероятными, часто сенсационными способами. Причудливая дорога поиска делала самые неожиданные виражи, обрываясь то у подвалов старинного замка, то у затопленной штольни давно не действующей шахты, то у неприметной морской бухты...

Прошло тридцать с лишним лет со дня загадочного исчезновения янтарной комнаты, а поиски не прекращаются. Притягательная сила похищенного сокровища оказалась столь велика, что число желающих найти его не только не убавилось, но и значительно возросло.

В 1973 году судьбой янтарной комнаты заинтересовались народные мастера

прикладного искусства из Риги Блиновы — Борис Николаевич, его жена Антонина Георгиевна и их сын Борис. Они решили: если нельзя найти, то почему бы не попытаться возродить, заново создать сей шедевр из солнечного камня.

Эта мысль возникла и утвердилась не сразу. Ей предшествовали долгие раздумья, споры, расчеты. «Взвалить ношу на плечи дело десятое. — думал Блинов-старший. — А вот донести...» Он понимал: чтобы воссоздать янтарную комнату, мало быть мастером высшей квалификации, в совершенстве владеть обработкой янтаря и других драгоценных и полудрагоценных камней, мало знать разные школы резьбы — необходимые глубокие, фундаментальные знания. Придется каждому из них стать исследователем, историком, художником, архитектором, изобретателем. Своими сомнениями Блинов поделился с женой и сыном. «Все, что сделано человеком, — помолчав, ответила Антонина Георгиевна, — можно не только повторить, но и улучшить». Согласился с мнением матери и младший из Блиновых, Борис.

На первых порах Блиновы не нашли поддержки. Скорее даже наоборот: дерзость их замысла вызвала скептическое отношение у многих специалистов. Авторитетные лица заявили: «Повторить неповторимое невозможно». И тогда рижские мастера на свой страх и риск, на собственные средства (янтарь они до сих пор покупают на личные сбережения, которые выкраивают из своей не такой уж большой зарплаты) начали поиски документов, фотографий — всего, что могло бы помочь восстановить

облик янтарной комнаты. Оказалось, что сохранилось не так уж мало материалов. В запасниках Екатерининского дворца Антонина Георгиевна нашла несколько подлинных деталей янтарного кабинета, в том числе акварель инженера-архитектора Грехнева «Деталь северной панели», на которой был изображен королевский вензель. Блиновы обошли библиотеки и архивы Москвы, Ленинграда и обнаружили уникальные негативы, описания и акты, составленные старыми мастерами и реставраторами Петергофской гранитной фабрики в XIX веке. Борис Николаевич побывал в Екатерининском дворце, где вначале нашел шесть, а потом еще десять фотографий — все, что осталось от янтарной комнаты.

Началось долгое и кропотливое исследование фотографий. Снимки увеличивались, отдельные фрагменты ансамбля, орнаменты, гирлянды, миниатюры переносились на кальку, миллиметровку и ватман. Изучался каждый лепесток, каждый завиток, каждая тончайшая линия...

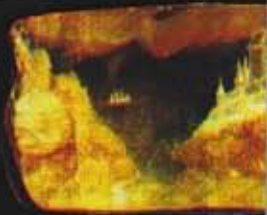
Неохотно открывала янтарная комната свои секреты. Многие фотографии были настолько размыты и обесцвечены, что порой трудно было восстановить даже конфигурацию орнамента или рисунка. Тогда Блинов-старший задал сам себе довольно-таки каверзный вопрос: «Все ли узоры, маски, мозаика — плод воображения Шлютера? Ведь и он мог откуда-то все это позаимствовать. Но откуда?»

Почти полгода просидели Блиновы в библиотеках, изучали старинные французские и немецкие книги по искусству, истории, литературе, архитектуре. И вознаграждение не заставило себя ждать. Вскоре они убедились, что картины в центре панно выполнены в технике флорентийской мозаики, что немецкое барокко произошло от итальянского, и, листая страницы этого раздела, обнаружили орнаменты, идентичные орнаментам янтарной комнаты. Тайна Шлютера перестала существовать и открыла перед Блиновыми дорогу к воссозданию исчезнувших фрагментов.

Еще одно направление поиска позволило определить тональность, цветовую гамму янтаря, использованного при создании комнаты. Эталоном послужила акварель архитектора Грехнева. Изучив цветное изображение акварели и черно-белое фотоснимков, Блиновы создали спектральную линию тонов янтаря и получили возможность точно

АНТОНИНА
ГЕОРГИЕВНА
И БОРИС
НИКОЛАЕВИЧ
БЛИНОВЫ
ЗА РАБОТОЙ.

определять его самые тончайшие оттенки.

Очень пригодились в этой работе и сведения о сортах и цвете янтаря, который использовался при ремонте комнаты в середине XIX века мастерами Петергофской гранильной фабрики. А также описи материалов, применявшихся при довоенных ремонтах, во время которых янтарь заменяли тонированным гипсом и деревянными деталями, покрашенными под янтарь.

Так шаг за шагом из пестрого калейдоскопа добытых с огромным трудом фактов стал постепенно возникать прекрасный лик утраченного шедевра. Фотомонтаж позволил воспроизвести в натуральную величину не только всю комнату, площадь которой равнялась ста квадратным метрам, но и ее отдельные фрагменты. Приобрели рельефность, стали объемными скульптуры, маски, фигурные композиции, статуи Юпитера, Минервы, Юноны... Отчетливо проступила на эскизах резьба растительного орнамента, определился рисунок выгравированных в янтаре миниатюр на мифологические сюжеты, обрел реальные формы уникальный янтарный столик. Определить его конфигурацию и точность размеров помог редкий снимок, который Блиновым удалось обнаружить в одной из частных коллекций. Кто-то, фотографируя фрагменты комнаты, забрался под стол и зафиксировал его снизу. Такой ракурс съемки позволил произвести сложные геометрические построения и расчеты, которые, в свою очередь, помогли установить длину отрезков янтарной облицовки.

Теперь, когда янтарная комната была спроектирована — в чертежах, эскизах, рисунках, — можно было приступать к ее восстановлению.

И вот этот момент настал. Первым возвратился к жизни и засверкал солнечными лучиками полуметровый мозаичный янтарный диск с рельефными витиеватыми буквами — королевский вензель. Это была одна из самых сложных деталей янтарной комнаты, украшавших северную панель. Затем по очереди вернулись из небытия гирлянды, янтарный столик, миниатюры на темы из рыбацкой жизни. Последние заслуживают особого разговора. В них ничто не подчеркнуто чрезмерно. Ясный по очертанию рисунок свободно размещен в куске янтаря. Резец мастера, кажется, сделал невозможное — проник в глубь камня. И хотя янтаря немногим больше самого рисунка, изображение

парусного кораблика, грозных скал, замка, бурного моря не выглядит слишком мелким. Высочайшая тонкость гравировки исключает впечатление тесноты, замкнутости. Маленькая картина на камне кажется широкой и даже величественной.

Бывший хранитель Екатерининского дворца заслуженный работник культуры РСФСР Анатолий Михайлович Кучумов, ознакомившись с последними работами Блиновых, сказал: «Принцип и общее направление реконструкции правильны. Детали комнаты выполнены на самом высоком художественном уровне, по характеру и тонкости они не только не уступают прежнему, но в отдельных случаях превосходят их тщательностью обработки и отделки, являясь самостоятельными художественными произведениями. Выполненный в натуральную величину медальон с монограммой (королевский вензель) может служить эталоном качества всей работы по реконструкции янтарной комнаты. Необходимо отметить строго научный подход к делу».

Строго научный подход к делу... Это, пожалуй, главное, что отличает работу Блиновых и вселяет надежду, что новый, **отечественный** оригинал комнаты по многим техническим показателям и мастерству исполнения превзойдет старый. Например, мастера раньше «сажали» янтарь на дерево. Но дерево, как мы знаем, со временем сохнет, а от чрезмерной влажности разбухает. В таких условиях янтарь трескается и теряет свою первозданную красоту. Блиновы крепят янтарь на особый сплав металла. Металл незаметно вделан в древесину и предохраняет янтарь от растрескивания.

Старинные мастера пользовались минеральным клеем, который нарушал структуру янтаря и со временем приводил его в негодность. Блиновы разработали свой, довольно сложный рецепт клея, позволяющий работать как с деревом, так и с металлом и не допускающий при этом распространения микротрещин на поверхности янтаря. В общем, всевозможных новшеств и технических усовершенствований Борис Николаевич привнес в свое детище великое множество. И это не случайно. Где бы ни работал Блинов, как бы ни был занят, он всегда выкраивал час-другой для любимого дела — учился рисованию и живописи, изучал искусство Востока, постигал способы резьбы по янтарю мастеров XVII—XVIII веков. Это увлечение постепенно превратилось в профес-

ТАК ВЫГЛЯДЕЛА ЯНТАРНАЯ КОМНАТА.

сию. Борис Николаевич ушел из Рижского института инженеров гражданской авиации, где работал старшим инженером по научной работе на кафедре авиационного материаловедения, окончил Академию художеств Латвийской ССР и посвятил свою жизнь янтарю — чудесному солнечному камню Балтийского моря.

Работает Борис Николаевич виртуозно и вдохновенно. Его кулоны, броши, кольца, ожерелья, браслеты, всевозможные кубки из янтаря, инкрустированные перламутром (кроме Блиновых, этой техникой не владеет никто), отличаются особой, живой красотой, изысканностью и совершенством. Это признали специалисты самого высокого класса. В обширной коллекции Блиновых хранится каталог изделий единственного в

нашей стране государственного предприятия по обработке янтаря — Калининградского комбината — с такой надписью: «Народным мастерам прикладного искусства — семье Блиновых от восторженных янтарных дел мастеров».

Сейчас Блиновы работают над панелями янтарной комнаты. Работы еще много, но основная, самая кропотливая, требующая не только огромного мастерства, но и напряжения всех моральных и физических сил — королевский вензель, янтарный столик, гирлянды, миниатюры на мифологические темы, — на которую они затратили больше четырех лет, уже позади, и хочется верить, что в скором времени посетители Екатерининского дворца будут с благоговением взирать на чудо из чудес — возрожденную янтарную комнату.

ФРАГМЕНТЫ ЯНТАРНОЙ КОМНАТЫ, ВОССОЗДАНИЕ ХУДОЖНИКАМИ БЛИНОВЫМИ.

Людмила БАРЫКИНА

Когда Виктору Ересько предложили сыграть Второй фортепьянный концерт Чайковского в Зальцбурге, он понимал, что придется ради одного исполнения не только выучить в короткий срок совершенно новый концерт, но и решить, какой вариант выбрать: или авторский, или сокращенный, традиционно исполняемый.

Еще при жизни Петра Ильича Чайковского блестящий пианист-виртуоз Александр Зилоти сократил вторую часть концерта, превратив ее фактически просто в связку между первой и третьей. Чайковский, правда, возражал против радикальных перемен. Но традиция оказалась живучей. После смерти композитора сокращенная редакция Зилоти стала почти канонической. А что, если попробовать сыграть так, как написал Чайковский? Ведь любопытно же знать, как звучит авторский, оригинальный вариант?

«Посмотри, подумай...» — убеждал сам себя Виктор. — Сомнительно, что Петр Ильич не совладал с

фото Александра КОСТЕНКО

...И, ПОКОРНА ЩЕМЯЩЕМУ ЗВУКУ, ОЖИВАЕТ ДУША

замыслом. Если бы ему вторая часть была не нужна, он просто бы от нее отказался. Ведь Третий концерт он написал и вовсе одночастным».

Второй фортепьянный концерт несет в себе определенные исполнительские сложности для пианиста. И вот почему. Во второй его части вместо излюбленного приема Чайковского — развернутого диалога солиста и оркестра — камерное трио: скрипка, виолончель, фортепьяно. Причем фортепьяно только аккомпанирует. Пианисту-виртуозу трудно смириться с ролью «скромного» аккомпаниатора. Очевидно, беда большинства исполнителей и заключалась в том, что они подходили к своим задачам чисто пианистически.

Ересько начал вживаться в музыку концерта постепенно. Он сначала почувствовал, а потом осознал, что интимные размышления, признания сердца «в минуту душевной невзгоды», переживания большой человеческой души, составляющие содержание центральной медленной второй части, удачно оттеняют и углубляют общий жизнеутверждающий и радостный колорит концерта. В нем, как и в жизни, соседствуют свет и тень, радость и печаль...

В 1976 году в Австрии, в Зальцбурге, во Дворце фестивалей Второй концерт для фортепьяно с оркестром великого русского композитора Петра Ильича Чайковского прозвучал в исполнении Виктора Ересько в авторском виде, без сокращений.

Трактовка молодого пианиста оказалась настолько впечатляющей, что некоторые критики, увлекшись, ставили Второй концерт даже выше Первого, говорили, что он «более содержательный и уж, во всяком случае, менее заигранный».

Исполнение Ересько стало настоящим триумфом музыки Чайковского, а для самого пианиста — еще одним этапом творческой зрелости и осознанием права на поиск, новаторство. Кстати, преподаватели, у которых в Московской консерватории занимался Виктор, отмечали, что Ересько — интерпретатор поразительно смелый, вдумчивый, неординарный, ищущий свои пути в искусстве.

Интересно вспомнить, что на Международном конкурсе пианистов имени Маргариты Лонг и Жака Тибо в Париже двадцатилетний студент Московской консерватории Виктор Ересько выбрал для первого прослушивания малоизвестный этюд Клода Дебюсси

«Кварты», чем немало удивил не только советских, но и французских музыкантов. Сложный, лишенный внешних эффектов и блеска этюд, учитывая конкурсные волнения, легче «не сыграть», чем «сыграть». Виктор, безусловно, рисковал, но риск оправдал себя. Мастерское исполнение этого произведения во многом решило судьбу первой премии.

Особенность артистической природы Ересько не только в пристрастии к малоизвестным произведениям, но и в новом прочтении общеизвестных, часто исполняемых, в самом изначальном стремлении к открытиям.

Когда играет Виктор Ересько, всегда узнаешь что-то новое для себя, и не только о музыке — о человеческой природе, о жизни.

Звучит Рахманинов... Это весенняя земля в разливе света, красок, звуков, кружащих голову запахов или заботливо лелеющая на своих ладонях трогательно хрупкие маргаритки. Еще это дорога с звенящими колокольцами и раздольной песней над ней. В трактовке Виктора Ересько даже самые «картинные» вещи из первой серии рахманиновских прелюдий проникновенно человечны, а уж в последних (сочинение 32) живописность и вовсе отступает перед глубиной психологического проникновения и сгущенным драматизмом, привнесенным чутким художником из острых контрастов бурного XX века. И если к первому циклу прелюдий подошел бы эпиграф: «приближается звук, и, покорна щемящему звуку, молодеет душа», то прелюдии сочинения 32 воплощают переживания души ожившей, напряженно чувствующей и глубоко страдающей. Исполнению Ересько удивительно подходит, на мой взгляд, эпитет «глубокое». Глубокая страсть, глубокая сдержанность, глубокое чувство... И роля под его пальцами отзывается глубоким звуком. (Отметим, что Ересько играет все 24 прелюдии Рахманинова и недавно записал их на пластинку. Среди них и те, которые почему-то до сих пор не входят в репертуар исполнителей.)

Рядом с Рахманиновым Скрябин — это космос, но не враждебный человеку, а доступный его мечте и дерзанию. В прочтении Ересько Скрябин лишен мистики, символики потусторонних, «иных» миров. Так смотрит в космос с Земли человек, чувствующий силу и надежность земного притяжения.

Виктор Ересько собственным чувством и мыслью постигает события жизни. Это качество его волевой и творческой природы выковалось самой обстановкой, в которой проходило формирование личности музыканта.

...Львов. Музыкальная школа. В ее класс входил светловолосый мальчик, по-девичьи милостивый, внимательный, послушный, но замкнутый — не просто было проникнуть в его душу.

Занятия не доставляли ему особых забот: выпрочала природная одаренность.

Временами он испытывал неосознанное беспокойство и чувство неудовлетворенности, стремление выйти из рамок «обязательного», накладываемых чужой, не творимой, а исполняемой музыкой, но учительница, работающая в русле общепринятых стандартов, не сумела уловить эти «подземные» толчки рождающегося таланта. И воображение мальчика и его нерастратенные душевные силы находили некоторый выход в чтении — Виктор пристрастился к научной фантастике.

Но вот неожиданно произошло событие, круто изменившее жизнь Виктора. В школу пришел новый учитель. О нем рассказывали удивительные вещи: сам собрал телевизор и магнитофон, потому что в прошлом был инженером, увлекся музыкой, самостоятельно научился играть, да еще как! Мог подобрать все, что угодно, импровизировал. Когда ему посоветовали подумать о серьезном музыкальном образовании, он экстерном в два года закончил Киевскую консерваторию, играл в оркестре Утесова, сочинял песни... Мечтал стать пианистом-профессионалом, но помешала война...

Вскоре Виктор начал занятия с новым преподавателем.

Михаил Иосифович Лерман перемежал музыку рассказами о музыкантах и показывал придуманные и разработанные им самим приемы свободной «кистевой» системы игры. А вечером приглашал его к себе домой. Чего только там не увидел Витя: редкие книги об изобретателях, музыкантах, художниках, конструкции, придуманные Михаилом Иосифовичем...

Надо ли говорить, что перед мальчиком открылся широкий, захватывающе интересный мир, а новый учитель стал для него высшим авторитетом. Виктор свято верил ему, тем более что теперь учиться стало

по-настоящему интересно, получалась музыка. Смена упали в благодатную почву — принципы преподавания Михаила Иосифовича удивительным образом подходили в тот период к индивидуальности Ереско, которая требовала простора для лирического выражения своего «я». Учитель дал возможность ученику попробовать свои силы и в концертной деятельности. Четырнадцатилетний мальчик сыграл переложенный концерт Грига с духовым оркестром Прикарпатского военного округа.

Оркестр был хороший, музыканты удачно имитировали симфонические инструменты. Виктор до сих пор волнуется, вспоминая тот момент, когда его обступил океан звуков, мощное дыхание которого захватило, бросая в лед, то в пламень необычных, но восхитительных ощущений. И в этой стихии звуков отважно вел он свою партию.

...В Московскую консерваторию Виктора приняли без экзаменов, после успешного выступления на Всесоюзном конкурсе молодых исполнителей. Это было счастьем и в то же время ответственнейшим испытанием для его рано и ярко проявившегося дарования.

Московская консерватория, возможность учиться у выдающихся музыкантов — все, о чем он мог только мечтать, теперь осуществлялось. Но первые же шаги в новой обстановке дались ему с большим трудом. Такой уж у него непростой характер: никакие самые прекрасные советы не воспринимал, пока не вживался в них сердцем и умом, не делал своими. Без этого, сколько бы он ни бился, ни старался осуществить их сразу, скорее, ничего не получалось. Только когда оказывались совмещенными три компонента: опыт, знание и интуиция — создавалось прочтение, удовлетворяющее и ученика и учителя. Это отмечал и замечательный музыкант профессор Наумов, у которого Ереско занимался на последних курсах консерватории и в аспирантуре. Он говорил, что Ереско, как правило, приносил вещь, заданную ему для самостоятельной домашней работы, уже имея свой собственный взгляд на нее. К этой смелости — занять свой собственный взгляд на музыку — пришлось идти трудным путем потерь, утраты ранних завоеваний и постепенного утверждения их уже на качественно новой основе.

За три месяца учебы Ереско как будто растерял все свои достижения, утратил мастерство. Катастрофически остро стало ощущаться отсутствие точной, безупречно выровненной пальцевой техники. Итог первого курса был весьма печальный — девять двоек. И за его спиной уже стали раздаваться голоса: «Вот берут разных выскочек без экзаменов, а они оказываются дутыми талантами». Сколько раз в такие минуты он подумывал: а не вернуться ли ему во Львов? Даже ездил к Лерману советоваться. Но в искусстве жаловаться некому. И Ереско стойчески переносил собственные невзгоды, извлекая из них материал, необходимый музыке. Если чувствовал, что старания сделать исполняемое выуклым и четким приводят к отсутствию свободы и делают произведение сухим и академическим, он больше доверялся интуиции, если же выходило наоборот, он учился интуитивное чувство проверять мыслью.

Но не только упорными занятиями и мучительными поисками были заполнены консерваторские годы Ереско. Виктор охотно и с удовольствием готовился к шефским концертам, которые комсомольские активисты консерватории давали для таких же молодых, как они сами, строителей, студентов, рабочих. С одним из таких шефских концертов связан значительный поворот в его артистической судьбе.

На третьем курсе Ереско в составе шефской студенческой бригады отправился в Кривой Рог и Днепрпетровск.

— Вероятно, я действительно хорошо играл, — вспоминает Виктор, — потому что был отмечен деканом факультета среди лучших. Но самое главное — это искренне взволнованная реакция слушателей. После длительного периода неудач и сомнений это одобрение и признание были для меня необходимы как свежий воздух. Я уверовал в свои силы...

Молодости свойственны сомнения, метания, но если в эту пору приходит уверенность, то часто бывает, она заглушает то полезное, творчески требовательное начало, которое свойственно сомнениям. Конечно, это не означает, что тогда обязательно приходит самоуверенность. Нет, но самоконтроль, чувство ответственности очень ведь легко усыпить сладостным ощущением удовлетворенного самолюбия. С этого момента можно наблюдать и восхожде-

ние таланта и ровный, горизонтальный путь его превращения в посредственность.

Ереско — натура, которой уверенность прибавляет отнюдь не желания залобоваться успехами, а еще и еще совершенствоваться. Это и проявилось тогда, после третьего курса. А закономерным результатом упорного труда обретшего веру в свои силы студента четвертого курса Московской консерватории Виктора Ереско стало утверждение его кандидатуры для участия в международном конкурсе в Париже. И как прелюдия к будущим поискам оригинальных исполнительских решений — «Гран при» этого конкурса.

Прелюдия — ибо с «Гран при» появилось дорогое для творческой личности ощущение права на поиск, на эксперимент.

Ереско чужда индивидуалистическая замкнутость, он противоположен тем, порой вдохновенным исполнителям, которые во время концерта остаются «наедине с собой».

Виктор относится к артистам, тонко чувствующим малейшую реакцию зала и сознательно и смело вступающим в общение с ним. Пианист не ослепляет страстями, а как бы вовлекает вас в сопереживание. Делает это Виктор без внешних эффектов, без надрыва, а эмоционально глубоко, подкупающе просто. Временами сознательно идя на полемическую заостренность.

— Конечно, как всякий музыкант, я хочу, чтобы мое исполнение было понятно и близко как можно большему числу моих современников, — говорит Виктор. — Но когда я вижу в зале «прокинутые», настороженные лица, мне особенно хочется сделать близким для людей то, что еще недавно казалось им сложным и недоступным или просто непривычным.

Ереско идет в своих трактовках и от ума и от чувства, поэтому сохраняется импровизационность исполнения, хотя все продуманно, покоится на твердой основе точно понятой идеи композитора. И это тоже верная примета зрелости.

В его жизни сейчас не так уж много внешне ярких событий. Все очень обыкновенно. Каждый день по десять часов один на один с роялем — совершенствует свое мастерство, чтобы потом, на концерте, наиболее полно передать слушателям красоту музыки, свое понимание исполняемого произведения, свое мироощущение.

Все, что предшествует концерту, буднично. Занятия, репетиции — чем больше, тем лучше. Если бы можно было играть по 24 часа в сутки, это было бы, по мнению Ереско, в самый раз.

Виктор Ереско не часто позволяет себе «роскошь» просто пойти в кино, на выставку, посмотреть новый спектакль. Нет времени — ведь, помимо напряженной концертной деятельности, он преподает в Московской консерватории.

— Я вообще-то завидую людям, которые успевают побывать на вернисаже, посмотреть новую кинокомедию, — замечает Виктор. — Но они не обязаны играть на рояле. Чтобы быть в форме, нужно во многом себе отказывать.

Вообще Виктор скуп на слова. Человек он такой, что окружающий мир воспринимает остро и сложно, но впечатления свои хранит глубоко — мало что прорывается наружу. Но если уж что-то по-настоящему взволновало Виктора, он говорит об этом обстоятельно, задавая множество вопросов собеседнику, как бы устанавливая совместно с ним истину или находя в ответах подтверждение своим мыслям.

В литературе, как и в музыке, у Виктора Ереско есть постоянные пристрастия, безусловные авторитеты, чьи творения питают его ум и воображение, помогают осмыслить жизненные явления и познать самого себя. Абсолютное же первенство в этом незримом соревновании принадлежит Салтыкову-Щедрину. Первенство такое же незыблемое, как и Рахманинова в мире музыкальных привязанностей.

...Время, время — кажется, Виктор редко ощущает ту часть его, что приносит отдохновение. Но когда его спрашивают об этом, он обычно улыбается в ответ, отшучивается.

— Вот приходите мясо пробовать, я сам его готовлю... Присваиваю привилегии жены. Я не шучу, — настаивает Виктор. — Приходите сегодня.

Глядя, как Виктор режет мясо — не боится пианист за свои руки (и порезал-таки палец), как ловко подхватывает сковородку, как виртуозно орудует большой вилкой, переворачивая зарумяненные куски, я вдруг непроизвольно вспоминаю, что когда-то читала о руках выдающихся пианистов. Иосиф Гюфман за двадцать — тридцать минут до выхода на сцену держал руки в очень горячей воде, чтобы размять мускулы. Александр Зилоти

перед концертом надевал тугие лайковые перчатки, чтобы не выступали вены на его красивых руках.

А руки Рахманинова?! Большие, прекрасные, скульптурные! Многочасовая ежедневная работа не испортила их чистых линий...

Смотрю внимательно на руки Ереско — крупные, сильные, хорошей формы. Но сейчас, на кухне, я бы подумала, что передо мной опытный кулинар, а не известный пианист. Настолько привычны и отработанны движения этих рук. Да-да, тех самых рук, которые извлекают из рояля удивительное по мягкости и глубине туше, свойственное только Ереско.

Но Виктор спускает меня с небес на землю.

— Я разве не говорил, что жарю мясо отлично, а на рояле играю посредственно?

— Может, вам стоит, пока не поздно, сменить профессию? — подхватываю я шутку.

— А что! Вот видите эту полочку из бамбука? Очень удобно. Ее я тоже сделал сам!

В голосе хозяина звучит почти мальчишеское торжество.

Затем он быстро направляется в прихожую, ставит стул, залезает почти под самый потолок и достает из лаптей, висящих на стене, маленькие батарейки...

Теперь все понятно. Я давно заметила серебряные колокольчики в прихожей. Когда дверь открывается, они издают мелодичный перезвон. Так вот, оказывается, в чем секрет: их питают эти хитро замаскированные батарейки.

Виктор увлеченно объясняет принципы работы системы...

А я-то думала, что эта мелодичная штучка — новинка промышленности.

В прихожей еще несколько колокольчиков. Один, на широкой плотной ленте, настоящий оленит. Видно, хозяин любит колокола. И в этом — одно из выражений его пристрастия к Рахманинову. Как любил Сергей Рахманинов колокольные звоны, как чудесно запечатлел их звуки в своих прелюдиях, этюдах-картинах!..

Теперь я безоговорочно принимаю звонкую «колокольность» в исполнении прелюдий Рахманинова Виктором Ереско...

Насладившись моим удивлением и восхищением, Виктор деловито замечает:

— Но я все это переделывать буду. Не нравится мне, как средний колокольчик звучит...

Вот они, упорство и трудолюбие, свойственные Ереско и в его работе за роялем и в придумывании различных приспособлений и усовершенствований по дому.

Часто период зрелости музыканта связывают с представлениями о чем-то устоявшемся, навсегда найденным, что нужно только шлифовать и углублять. Для Ереско зрелость — по-прежнему поиск. Это — свойство его характера как музыканта. Может быть, поэтому артист так любит молодежные аудитории.

После одного из недавних концертов в Большом зале консерватории дома у пианиста непрерывно звонил телефон. Один звонок даже удивил: студенты медицинского института устроили после его выступления диспут. Прекрасно, что творчество Виктора Ереско, его мысли, чувства становятся близкими слушателям. Интересно и другое — трактовка пианиста нередко вызывает желание высказаться, поспорить, послушать мнение самого исполнителя. Так было на гастрольях пианиста в Кирове, где он играл все 24 прелюдии Рахманинова в музыкальном училище. Ребята долго не хотели расходиться. Виктор, чувствуя настоящий взволнованный интерес будущих музыкантов, сыграл еще целый концерт на бис.

Незабываемы встречи артиста и с рабочей молодежью. Не один раз выступал Виктор Ереско в ДК ЗИЛа, играл Рахманинова и Шопена прямо в кузнечном цехе этого прославленного предприятия на Ленинском коммунистическом субботнике. Пианист встречался с автомобилистами Тольятти, металлургами Магнитогорска, энергетиками Обнинска.

«Цель искусства есть объединение людей в одном и том же чувстве», — утверждал Лев Толстой. Мне кажется, что Виктор Ереско своим искусством успешно выполняет эту задачу.

Возможно, специалисты, музыковеды, критики когда-нибудь разложат по полочкам отдельные новаторские приемы и принципы, которые применяет Ереско в прочтении того или иного музыкального произведения. Слушатели, воспринимающие искусство непосредственно и цельно, всегда будут благодарны Виктору Ереско за щедрость открытий в музыке, доступных всем, кто искренне устремлен к познанию нового в жизни и искусстве.

Олег ДЗЮБА
Фото автора

С Ермаком на туманную Африку

По туманной Африке бродил одинокий мустанг. Рыжая грива его то скрывалась в ложбине, сливаясь с пожелтыми стеблями осенних трав, то появлялась на пригорках или на редких снежных напльвах. С полчаса я гонялся за африканским аборигеном с телеобъективом. Но он исправно выдерживал расстояние, и даже в шестикратном увеличении лошадь занимала не больше двух миллиметров на матовом стекле визира.

Что поделаешь, давным-давно грузы на маяк доставляют с берега на самоходном шасси, а попросту на подобии моторизованной телеги с кабинкой для водителя, и жеребец Васька, оставшись без работы, сначала отбилась от рук, а потом и вовсе одичал. Вот и прозвали его мустангом, хотя в настоящей Африке мустанги, кажется, не обитают.

Катер ушел на рейд к раскаченному зыбью силуэту научно-исследовательского судна за новой партией грузов, оставив на берегу мешки с картошкой и огромные сетчатые авоськи с капустой, привезенные маячникам на зиму. Красные обводы корпуса плавно удалялись от прибойной полосы, видно было, как матросы с баграми в руках поглядывали за борт, следя за подводными скалами, которых немало натыкала природа у этой полоски побережья. Потому и поставлена здесь полосатая колонна маяка. Восточная Камчатка. Мыс Африка. Один из самых опасных камчатских мысов.

Громким именем мыс обязан экипажу русского крейсера «Африка», окрестившему его в 1882 году в честь своего корабля. Не будь у названия столь конкретного происхождения, можно было бы счесть его за ядовитую насмешку картографов. Сто метров к югу — и я мог окунуть руки в воды Тихого океана, сто метров к северу — в воды Берингова моря. И никакого экваториального зноя! А с катера, успевшего вернуться к мысу, меня окликнул... Ермак.

Капитан научно-исследовательского судна Борис Ильич Ермак сменил на время выгрузки форменную туужурку и фуражку с крабом на рабочую робу и вязаную шапку и немало походил на песенного атамана, собравшегося в поход. А поход у нас был дальний — по всем маякам востока Камчатки. Повезло мне в этой экспедиции с романтикой. Мало того, что приплыл на Африку, так еще и с Ермаком!

Но сначала был мыс Кроноцкий. ...Четверо ожидали нас на берегу. Утро не успело разгореться, и башенка маяка продолжала посверкивать в сумерках. Начальник маяка Александр Медведев с ходу спрыгнул в прибой, бросился к встречающим, но схватился за ногу, хорошо, друзья поддержали. Из-за ноги и оставил Медведев свой маяк почти на полтора месяца.

Тогда он красил «огонь». Огнями здесь называют приборы, обходящиеся без людей. С вечера автоматически вспыхивает ацетиленовое пламя, к утру гаснет. Днем, когда пламя не различить,

предупреждает об опасности знак, выкрашенный красным цветом.

На Кроноцком знак высоко. Или оступился Медведев, или опора выскользнула из-под ноги, но упал он неудачно, прямо на камни. Случайно нашел на берегу обломок бамбукового ствола, выброшенный морем, и, опираясь на подобие трости, добрал до дома. По радиogramме пришло судно, но разыгрался некстати шторм, пришлось спасателям уходить в бухту Каменистую, а она десятком километров северней. И несли Медведева до самой бухты на самодельных носилках Борис Левин и Юрий Яценко, обнимавшие сейчас друга на берегу Кроноцкого.

В радостной суматохе Медведев чуть не забыл про жену, оставшуюся на катере. Но, ответив на приветствия мужчин, тут же вернулся и перенес Тамару на сушу. Женился он дней десять назад, когда, воспользовавшись нечаянно выпавшим свободным временем, прилетел к брату под Челябинск. (Как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло!) Чуть ли не все время, что шли мы до Кроноцкого, они с Тамарой простояли на корме. Медведев и часа не хотел терять, приобретя жену к Камчатке, где она оказалась слишком нежданно, и, похоже, в этом преуспел. Трудно обойтись без натянутости, так вот неожиданно знакомя своих друзей, с которыми работаешь, не различаясь долгие месяцы, со своей женой, им совершенно неизвестной. Обошлось, впрочем, без вопросов. Назвали свои имена, поздравили с прибытием и пошли все вместе к домам у маяка — Медведев с Тамарой, Борис и Юрий со своими женами — Любой и другой Тамарой: маленькая колония, несущая постоянную маячную вахту.

Я вспомнил грустные строки из рассказа Генрика Сенкевича. «Жизнь на маяке, — писал знаменитый писатель, — очень трудна и вовсе не улыбается любящим свободно скитаться людям. Фонариш становится почти узником... Нет ничего более однообразного, чем такая жизнь на маяке. Молодые люди, если иногда и соглашаются на эту должность, то вскоре оставляют ее. Поэтому маячник обыкновенно бывает человеком немолодым, угрюмым и замкнутым. Когда случайно он бросит свой маяк и очутится вновь среди людей, он ходит среди них, как человек, пробужденный от глубокого сна». Старая книжка Генрика Сенкевича «Светочи моря» была буквально переполнена подобными определениями. Сенкевичу вторили и Киплинг и Альфонс Доде. Маяки-призраки, маяки, не значащиеся на картах, маяки, оставшиеся без своих экипажей... Слово профессия, по своей сути не менее гуманная, чем профессия врача, неизбежно должна нести страдания и несчастья людям, избравшим ее...

— Здесь крытый переход построим, — сказал Медведев, — между домом и дизельной. Зимой реже откапываться придется, а то по крышу заносит. И оранжерею заодно заведем.

— Для овощей?

НАЧАЛЬНИК МАЯКА «МЫС КРОНОЦКИЙ» АЛЕКСАНДР МЕДВЕДЕВ.

СВЕЖИЕ ОВОЩИ К ОБЕДЕННОМУ СТОЛУ — ПРИВЫЧНЫЙ ГРУЗ С БОЛЬШОЙ ЗЕМЛИ.

— Само собой, но знаешь, о чем мечтаю? Вырастить розы.

Маяк на Кроноцком сравнительно невелик. Но малый его рост дополнила сопка, на которой маяк поставили.

По деревянной лестнице мы поднялись на гребень сопки. Посвист ветра сменился тишиной, когда мы вошли в башню, потом глухим эхом от шагов по винтовой лестнице. На площадке, где-то у самой макушки башни, пришлось приостановиться. На самый верх, к сердцу маяка — к оптической системе, посылающей в море световой сигнал, вела приставная лесенка, по которой надо было взбираться поодиночке. А оказавшись, наконец, у прибора, все дружно прищурили глаза — таким сиянием была наполнена прозрачная со всех сторон мансардочка, венчавшая башню.

На массивной подставке переливалась, разбрасывая по сторонам радужные блики, чуть вытянутая блестящая «луковица». Поверхность ее была разделена на множество переплетающихся

зеркальных полос, с несколькими оконцами по бокам, за которыми я увидел контуры мощной электролампы.

За металлической сеткой ограждения, защищающей стекла от ночных птиц, синело безобидное штилевое море, справа над излучиной берега виднелся ребристый конус Кроноцкого вулкана.

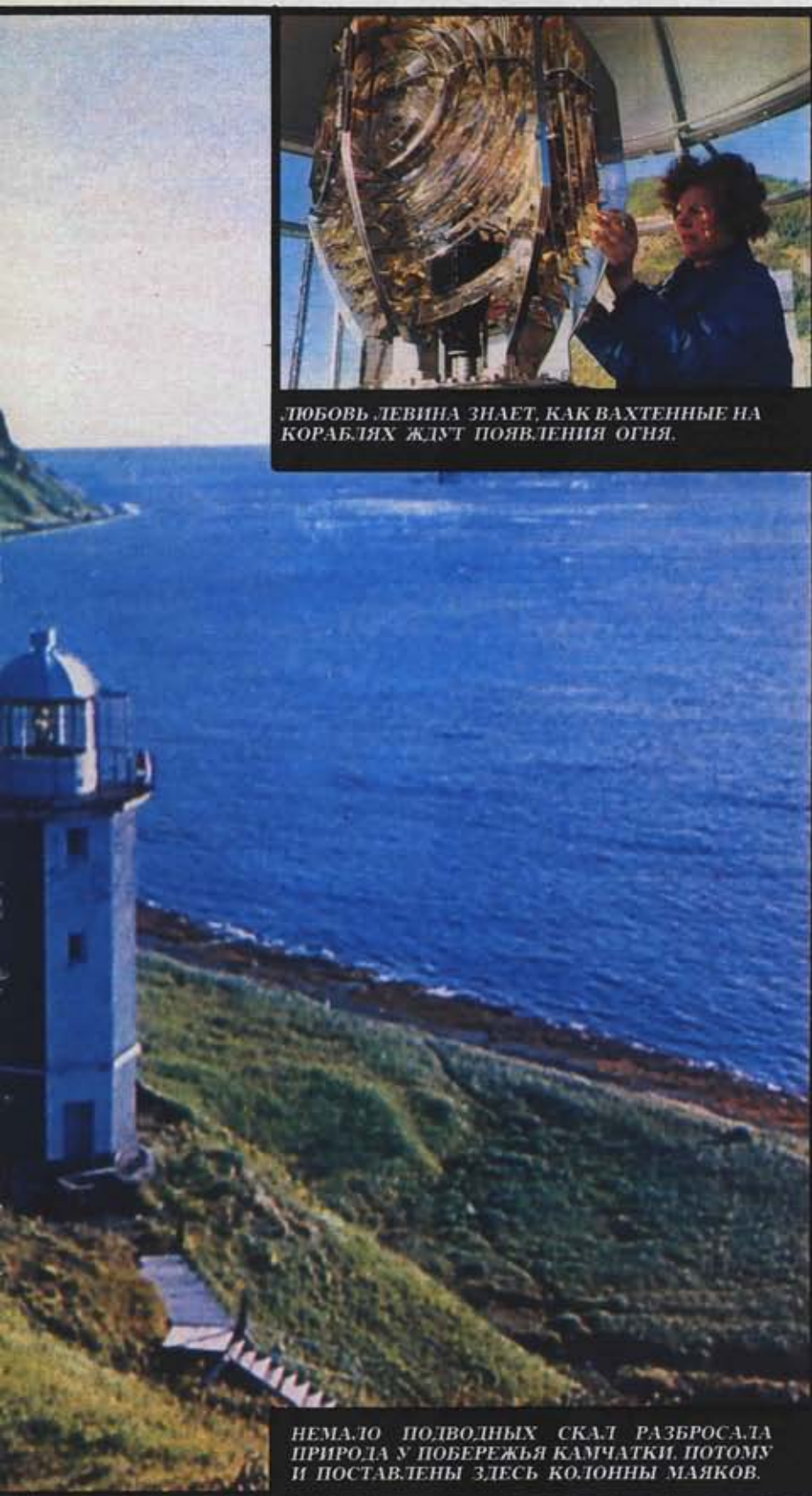
Люба Левина придвинула стремянку и, приоткрыв дверцу, проверила сохранность лампы. Присмотревшись, я заметил внутри и второй светильник.

— Резервная, — сказала Левина. — Если первая перегорит, сразу включается другая.

— А если и запасная...

Медведев усмехнулся, вспоминая то, что не дано ему забыть никогда.

...В бухте Асаче он работал старшим техником на маяке. Однажды, заступив на вахту, он при приближении сумерек включил маячные огни, но лампа, мигнув раз-другой, погасла. И запасная что-то не загоралась.

ЛЮБОВЬ ЛЕВИНА ЗНАЕТ, КАК ВАХТЕННЫЕ НА КОРАБЛЯХ ЖДУТ Появления Огня.

Немало подводных скал разбросала природа у побережья Камчатки. Потому и поставлены здесь колонны маяков.

От дома до маяка было километра три. Медведев надел лыжи и пошел вдоль ручья на перевал. Наверху он оглянулся на море и вдруг увидел одинокий сейнер, полным ходом идущий на рифы, скрытые в тени берега.

В жизни Медведев так не бегал. Когда оставалось ему подняться на последнюю горушку метров тридцать высотой, он, сбросив лыжи и не теряя секунд на поиски еле видной тропы, чуть ли не на четвереньках вскарабкался к маяку и из последних сил поднялся по серпантину винтовой лестницы. Едва успел вставить новую лампу и маяк облегченно замигал, как суденышко, которому до встречи с камнями оставалось не больше мили, резво поворотило в открытое море.

— Да, про маяк на Асаче я никогда не забуду,— закончил Медведев, набивая свою трубку.— У нас ведь какая забота? Чтобы ничего не приключалось.

Он выпустил клуб дыма и с удивлени-

ем оглянулся на люк. Кто-то старался приподнять крышку. Из попыток ничего не вышло, и сквозь щель донеслось обидное поскуливание.

— Неужели Ромка?— ахнула Люба.— Как же он сумел?

Я приподнял крышку, и к нам запрыгнул огромный пес. Он радостно бросился к Медведеву, но, странно скособоившись, замер, привалившись к основанию оптической системы.

— Ром, дорогой мой,— говорил Медведев, поглаживая собаку.— Приятель ты мой по несчастью. Видишь ли,— он повернулся ко мне,— сначала Ром лапу сломал, а через день у меня приключенье. Мы и лежали с ним в лубках, пока корабль не пришел. Он на меня смотрит, я на него. Будто говорили друг другу: держись, дружок.

— Как же он с нами за ягодой теперь пойдет?— сказала Люба.

— Где же здесь ягоды?— изумился я.— Скалы кругом.

— Нашли мы место,— ответил Медве-

дев.— Предшественники наши не смогли, а нам удалось. Правда, забираться туда нелегко. На полянку лезешь по веревке, по веревке и спускаешься. Доморощенный альпинизм.

У маячных дверей нас поджидала Кэри. По каким-то своим собачьим соображениям овчарка в башню не пошла, зато, увидев нас, подбежала к Рому, обнюхала большую лапу пса и потом только потерлась о ноги Медведева. Кэри явно беспокоилась за Рома, и пока мы возвращались к домикам, сдерживала себя, не обгоняла нас, следя за травмированным псом, который острожно прыгал по ступенькам.

— Ничего, Ром,— сказал Медведев.— Выберем с тобой время, сходим в Каменистую, может, на ключах тебе полегчает.

— На каких ключах?— спросил я.

— Горячие источники там,— сказала Люба.— Прямо в море. При отливе видно— фонтанчики со дна бьют. Морские ванны можно принимать. Только далеко, не часто соберешься: на маяке хлопот много. Когда приехали сюда с Борисом, думали, что нечем время занять будет, да Саша скучать не дает. И к лучшему: когда людей рядом нет, без работы не проживешь. Даже опасаться порой, ну, построим переход к дизельной, а дальше?

— Как что дальше?— удивился Медведев.— Гостиницу начнем строить. Глядишь, кто и навестит...

Мы сидели в кают-компании, самой просторной комнате на маяке, пили чай с голубичным вареньем— ягоду собирали на той самой полянке, куда без страховки не забраться,— и постепенно готовили себя к расставанию. Но странное дело, вроде по всем житейским канонам надо было отрешиться от веселья, привыкать к тому, что катер вот-вот застучит мотором и до самого июня так и жить колонистам с Кроноцкого швестером, общаясь с Большой землей разве что посредством морзянки, а не слышалось грусти в голосах. Медведев то подкладывал мне морской капусту собственного посла, то спрашивал у Левина, не думал ли тот об антенне— пора бы начинать ставить, а то пойдут шторма до весны, а зря, что ли, телевизор по морю везли! Он успел даже поспорить с коллегами о конструкции камина для кают-компании, одобрительно кивнув в конце разговора, а вернувшись из дизельной, улыбался, проводя рукой по корешкам книг. Он просто снова был дома и радостно убеждался, что отсутствие, хоть оно и затянулось, ничего не изменило, что порядок, который был дружно заведен здесь, не пострадал, а стало быть, заведен верно.

— Послушай,— сказал я,— а не тяготит порой и безлюдье и то, что оторвал-ся от людей, от городов?

— Тяготит?— переспросил Александр.— Да ведь и в городе иной раз не знает человек, куда тоску загнать. Только, понимаешь, в чем суть. Мы же не робинзоны, нас не крушение сюда забросило— работать приехали. Год прожили, и назад не тянет. Ну, а останем друг от друга, тогда и посмотрим, возвращаться ли, на другой ли маяк уходить.

— Не забудьте,— сказала Люба,— «африканцы» сиамского котеночка просили. Передадите?

— Что у вас здесь, целый зоопарк?— изумился старпом с нашего судна, молчаливо отхлебывавший чай из стакана.

— Какой там зоопарк!— сказал Левин.— Кошки да собаки. Это у тех, кто до нас здесь жил, рассказывают, лихой поросенок водился. За начальником по пятам ходил, даже на охоту с ним увязывался.

Вошла Тамара Медведева, протянула старпому несколько писем. Тот вопросительно посмотрел на остальных.

— Верно, Люба,— сказал Левин,— полгода про котов. Письма написали?

— Позаботились, не волнуйся,— ответила Люба.— Сейчас и вторая наша Тамара принесет.

— Почему же вторая?— тихо сказала Медведева.— Вы когда еще приехали. Тома Яценко первая, а вторая— это я.

Я подумал, что если бы существовали приборы, регистрирующие доброту и радушие, то здесь, на Кроноцком мысу, стрелки их находились бы на максимальной отметке. Нескольких часов всего прошло, как высадились мы на маяке, а «вторая» Тамара уже не чувствовала себя чужой. Наверное, nepозволительная это роскошь— терять время на вживание нового человека в оторванный от мира коллектив. Понимание с полуслова, угадывание поступков и желаний постепенно придет само собой, острые углы, а куда порой без них, тоже возникнут и исчезнут в свое время. Но не начинать же с вопросительных взглядов и неловких пауз?! С первых минут встречи обитатели Кроноцкого радушием своим поведением послали новенькой импульс доверия и получили ответный сигнал, что поняты искренне и верно. Последний раз мы собрались на берегу. Я смотрел на лица и не замечал ни тревоги, ни печали. Вахта продолжалась.

— Загостились мы на Кроноцком, загостились,— сказал мне Ермак, когда я зашел к нему в каюту.— Разбаловала погода.

— Все ворчишь, Борис Ильич,— взглянул в дверь Григорий Черников, начальник маяка с Африки.

— Заходи, Гриша,— сказал Ермак.— Не обессудь, дойду до места, тогда и перестану ворчать. А то ведь сам знаешь— с морем в эти времена шутки плохи, рассиживаться никак нельзя. И так хватит воспоминаний об этом рейсе: куда ни посмотришь— одни молодожены.

— Значит, обоим сразу время пришло,— улыбнулся Черников, который, как и Медведев, вез на маяк молодую жену.

— Как же ты свою уговорил на маяк забраться? И по морю ни разу не ходила, все заснуть не может...

— Уснула наконец. А что согласилась со мной, и сам порой не верю. Не иначе название сразило. Африка!..

...На Африке Черников сразу же повел жену на первую экскурсию по мысу. Техник с маяка Валерий Нечипоренко, расцеловав дочь и жену, вернувшихся из отпуска с нашим катером, заспешил в дом, чтобы не простудились на холодном ветру. Все были торпливы в тот день. Ермак опасался циклона, в эти самые часы уже куролесившего на Курилах, просил не задерживаться, впереди еще был немалый путь, а по всем срокам подходила пора осенних штормов.

Я успел поговорить с парнями, сходить к водопаду, под которым в неглубоком бочаге вилась маленькая форель. Здесь было много непохожего на Кроноцкий, но суть оставалась общей. Люди работали, засвечивали по вечерам маячный огонь, просиживали в кают-компании и совсем не считали себя заброшенными и оторванными от мира. И так же, как на Кроноцком, пришли к прибою попрощаться до весны, до корабля. Даже мустанг Васька и тот соизволил немного приблизиться, но к нам так и не подошел, остался на взгорке...

В каюте дремал боцман, прилежный отдохнуть после высадки. На столике лежал «Фрегат «Паллада», любимое его чтение. Я открыл книгу наугад и почти сразу натолкнулся на строки: «...Теперь, в туман, дед, как ни напрягал зрение, не мог видеть Нервинского маяка. У него только и было разговору, что о маяке... «А что это там, как будто стрелка?...» — сказал я, указывая вдаль. «Ах, в самом деле... Виден, виден»,— торжественно говорил он и капитану и старшему офицеру... «Виден, вот, вот он...»— твердил он, радуясь, как будто увидел родного отца».

И я подумал, если маячники знают, как вахтенные на кораблях ждут появления огня, а они не могут не знать, тогда нечему удивляться, что они любят свой труд, свои мысы и острова. Ведь почувствовать, что ты нужен другим, так это важно и так это не просто.

ИЮЛЬСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

КЕМ ЖЕЛАЕТЕ БЫТЬ— МАРКИЗОМ ИЛИ ПРОФЕССОРОМ?

Во многих странах Запада можно купить едва ли не любой титул или звание. Продаются все—начиная от диплома, удостоверяющего принадлежность владельца к сословию «голубых кровей», и кончая университетским дипломом. За сходную цену нетрудно стать бароном, графом, маркизом или на худой конец почетным консулом какой-нибудь экзотической страны. А можно податься на научную стезю и впредь именоваться профессором, доктором или магистром.

Раз есть спрос, то есть и предложение, и уже возникла целая индустрия, производящая дипломы, титулы и звания. И дело здесь не только в снобизме определенных социальных групп или в попытке избавиться таким способом от комплекса неполноценности. Титул и чин, даже купленные с рук, часто приносят владельцу определенную выгоду, а расходы через некоторое время окупаются.

Особенно ходко идет торговля научными званиями. Во многих странах государственная власть не вмешивается во внутренние дела высших учебных заведений, и этим пользуются предприимчивые дельцы, создавая университеты-призраки, существующие лишь на бумаге. Такие заведения проходят соответствующую регистрацию, фигурируют в справочниках, от них в бюджет государства поступают надлежащие налоги, и такой «университет» может без проблем выпекать докторов, магистров, профессоров и носителей других ученых званий и степеней.

Одна из чикагских фирм, например, открыто предлагает присвоить научное звание каждому, кто пришлет чек на соответствующую сумму. Самое дешевое звание стоит 2500 долларов, самое дорогое—100 тысяч. 100 тысяч—сумма немалая, поэтому по соглашению с заказчиком она может быть выплачена в рассрочку.

Охотно и легко раздает заказчик звание так называемый кооперативный университет Америки, находящийся в штате Северная Каролина. Необходимо только уточнить, какой именно вид докторского диплома желательнее иметь, и перевести на расчетный счет этого заведения соответствующую сумму.

В канадском городе Торонто подобной деятельностью занимается Национальный университетский колледж. Основателем его является некий Игнациус Третий, именующий себя по неизвестным причинам кардиналом. Сам университет занимает всего лишь одну комнату на окраине города, но это значения, конечно, не имеет, поскольку главная задача этого учебного заведения—выдавать дипломы в шикарной обложке. Докторский диплом этого липового университета стоит сравнительно недорого— всего лишь десять тысяч долларов.

В Вене широкую деятельность развила фирма доктора Ковеса, имеющая даже филиалы. Доктор Ковес специализируется на торговле учеными званиями, но не брезгает и продажей «благородных» титулов. Докторский диплом в фирме Ковеса стоит 25 тысяч западногерманских марок, а иногда такса повышается до 90 тысяч марок. Эти колебания в цене зависят от целого ряда обстоятельств, и прежде всего—от платежеспособности клиента.

«Мой бизнес не имеет границ»,—заявил доктор Ковес в одном из интервью. То же самое можно было бы сказать и о наивности его взгляда. Визитные карточки с золотым изображением графской короны или с прибавлением к имени какого-нибудь обозначения вроде «проф.» или «д-р» нередко являются пропуском туда, куда простых смертных пускают не очень охотно. Впрочем, Европу провести нелегко, здесь хорошо известен геральдический альманах Готта, а старые княжеские, графские и прочие роды и без него знают, кто есть кто. Но если взять «безрадную» Америку... Стоит заплатить несколько десятков тысяч долларов, получить титул графа или барона, и можно рассчитывать попасть в салоны и клубы для «верхних десяти тысяч», где легко найти полезные деловые контакты. Особого риска при этом нет, ведь каждый знает, что у людей высшего света проверять друг у друга документы не принято. А если паче чаяния и попадешься, то ничем особенно не рискуешь...

«ХОРИЦОНТ», ГДР

ДВУЛИКИЙ ЯНУС АМЕРИКАНСКОЙ ЮСТИЦИИ

Из ворот калифорнийской женской тюрьмы вышла девушка. Радостно улыбаясь, она помахиwała над головой свидетельством о досрочном освобождении. На улице ее ждали адвокат и жених, который до недавнего времени служил охранником в этой же тюрьме. Над зданием тюрьмы летали полицейские вертолеты, а на прилегающих улицах стояли кордоны блюстителей порядка. Эти меры предосторожности были неудивительны, ведь из-за решетки вышла одна из самых знаменитых узниц США—Патриция Херст. Газетная империя Херста хорошо известна американцам, поэтому жаждавшая сенсаций публика с величайшим интересом следила за приключениями юной наследницы одного из крупнейших состояний в Америке.

А приключения эти начались в 1974 году, когда она внезапно исчезла из дома. Вскоре стало известно, что ее похитила группа ультралевых экстремистов. Однако через два месяца она в составе той самой группы, которая ее похитила, с автоматом в руках приняла участие в ограблении банка, а потом участвовала в нескольких других аналогичных акциях. После ареста и громкого процесса она была приговорена к семи годам тюрьмы. Хорошо оплаченные адвокаты в один голос представляли ее безвинной жертвой коварных террористов, и через некоторое время президент помиловал дочь газетного короля. Патриция Херст досрочно вышла на свободу и торжественно прибыла в семейную резиденцию в Сан-Франциско.

Однако президент свое конституционное право далеко не всегда спешит использовать в отношении прогрессивных деятелей, например, Бена Чевиса и его товарищей, а также других активных борцов за права человека в США, томящихся в американских тюрьмах.

«МЛАДЫ СВЕТ»,
ЧЕХОСЛОВАКИЯ

Палестинская энциклопедия

В бейрутском издательстве «Дар-ат-Талия» вышел в свет заключительный, одиннадцатый том энциклопедии «Наша родина, Палестина». Насчитывающий семь тысяч страниц труд—результат деятельности единственного автора, Мустафы Мурад Ад-Даббаз. Ад-Даббаз приступил к работе над энциклопедией в 1948 году и через десять лет завершил первую часть, рассказывающую об истории и географии Палестины. Однако рукопись погибла в пору, когда автор скрывался от преследований. понадобились долгие годы для воссоздания и дополнения монографии. Первый том палестинской энциклопедии появился в 1965 году. И вот одиннадцатый, последний...

«ВЕДЗА И ЖИЧЕ», ПОЛЬША

ЛЕГЕНДАРНОЕ СОКРОВИЩЕ КИДА

Итак, еще одна попытка бросить свет на судьбу сказочного сокровища, упрятанного на некоем острове знаменитым пиратом Вильямом Кидом, героем множества романов и фильмов... На сей раз за дело взялось американское акционерное общество «Тритон», в распоряжении которого находятся самые современные технические средства: сонары, инфракрасные телекамеры, металлоискатели и многое другое.

Поиски будут проводиться на маленьком островке Оук-Айленд, затерянном в Атлантическом океане клочке суши у берегов полуострова Новая Шотландия, и обойдутся в два миллиона долларов. Организаторы поисков считают, что прибыль составит пятьдесят миллионов долларов. Эта уверенность основывается, в частности, на недавно расшифрованной надписи, сделанной на камне. Подробности относительно нахождения этого камня и другие связанные с этим обстоятельства особенно не афишируются.

Имеются различные сведения, относящиеся к легендарному сокровищу. Так, например, в 1795 году на берегу острова дети обнаружили нечто вроде колодца или шахты глубиной около 30 метров. В 1867 году в этих местах работала экспедиционная группа канадского инженера Дж. Маккейли. Ночью при свете факелов в глубине были замечены какие-то ящики или сундуки. Разведочное бурение, производившееся в этих местах в 1929 году, обнажило: на буре оказались следы мела и цемента. В августе 1971 года во время подводной съемки у берега было обнаружено нечто вроде пещеры, где виднелись какие-то ящики. Однако неудачное применение взрывчатки привело к затоплению колодца. При этом было установлено, что колодец защищен от морского прилива хитроумной дренажной системой, при строительстве которой были использованы камни, водоросли и кора кокосовых пальм.

Президент акционерного общества «Тритон» Дэвид Тобиас убежден, что сокровища действительно существуют и находятся на острове. «Если наше начинание увенчается успехом,—говорит он,—то мы сможем разгадать одну из самых волнующих тайн последних трех столетий, породившую массу легенд. Конечно, сокровища принадлежат Киду, и в соответствии с донные действующим английским законом XIII века на них может предьявить права королева Великобритании, но у нашей фирмы есть хорошие юристы. В крайнем случае мы обратимся в Международный суд в Гааге».

Что известно о Киде? Он родился в Шотландии в 1645 году и был профессиональным моряком. Лондонское правительство поручило ему снарядить корабль и выйти в Карибское море для борьбы с французскими судами (Франция и Англия находились тогда в состоянии войны). Вильям Кид потопил или захватил немало неприятельских судов и в 1691 году был вызван в Лондон и щедро награжден. Через четыре года он получил новое задание—выйти в Индийский океан, чтобы охранять английские суда от пиратов, которых в тех местах было великое множество. На сей раз удача не особенно сопутствовала ему, и английское правительство осталось им

недоволено. Обидчивый Кид, не долго думая, примкнул к тем, кого он недавно столь упорно преследовал,— к пиратам и на новом поприще накопил огромные богатства. Свои сокровища он спрятал, как гласит легенда, на разных островах у побережья Америки. В 1699 году 54-летний капитан-пират решил удалиться на покой. Он женился на некоей богатой вдове из Бостона и стал вести спокойное существование обеспеченного человека. Однако такая жизнь продолжалась недолго. Британский губернатор Нью-Йорка арестовал его за прошлые пиратские дела и отправил в Лондон для предания суду. Он был признан виновным и 23 мая 1701 года повешен, хотя и обещал в случае помилования раскрыть тайну места, где спрятаны его богатства.

Экзотическая личность и приключения Киды стали сюжетом многочисленных литературных произведений. Достаточно упомянуть только два из них: «Золотой жук» Э. По и «Остров сокровищ» Р. Стивенсона. Спрятанные Кидом сокровища искали в самых разных местах и кое-что действительно находили, но, весьма вероятно, Кид далеко не всегда имел к этому отношение. Почти достоверным, однако, является то, что клад из золотых слитков и монет, найденный в прошлом веке на одном из островов Карибского моря, являлся собственностью Киды.

Подлинный же остров сокровищ, где, по мнению историков, Кид укрыв большую часть своих богатств, был открыт только в 1930 году. Тогда лондонский антиквар Хьюберт Палмер нашел в старинном матросском сундучке, случайно попавшем в его лавку, спрятанные в двойном дне карты. На них стояли инициалы Киды и дата— 1689 год. В 1937 году историк Гарольд Уилкинс опубликовал эти карты с обстоятельными комментариями в книге «Калитан Кид и его призрачный остров». Однако на картах не было указано ни названия острова, ни его координат. Точная

идентификация острова была произведена канадским исследователем Реджинальдом Гаррисом. Тщательное изучение карт привело Гарриса к выводу, что форма, топография и прочие приметы таинственного острова полностью соответствуют данным острова Оук-Айленд.

А что, если акционерному обществу «Тритон» не удастся найти сокровища? Президент общества Дэвид Тобиас уверен, что в любом случае расходы окупятся. Зная, что поиски кладов являются делом далеко не надежным, он заласка договором с телекомпанией: будет снят фильм о поисках— к каким бы результатам они ни привели.

«НИН», ЮГОСЛАВИЯ

ИЗОБРЕТЕНИЯ ЛЕОНАРДО НЕ УСТАРЕЛИ...

Во французском городе Амбуазе, в замке, который четыре с половиной столетия тому назад был подарен Леонардо да Винчи королем, открыт уникальный музей. Леонардо, который прославился как живописец, архитектор и скульптор, был, как известно, и чрезвычайно плодовитым изобретателем. Однако изобретения его, намного опередившие эпоху, в которую он жил, были тогда неосуществимы.

Группа энтузиастов—техников и ученых—несколько лет назад внимательно изучила описания изобретений великого художника и решила с помощью современных инструментов, средств и материалов экспериментально проверить их. Были изготовлены, например, «крылья Икара», с которыми Леонардо да Винчи пробовал летать, но упал с трехметровой высоты. Оказалось, что при достаточном разбеге крылья безупречно функционируют. Изготовили и модель подводной лодки. Леонардо хотел

сделать ее из необработанных звериных шкур, которые покрывали бы деревянные «ребра». Его современные последователи сделали модель сначала из дерева, а потом из пластмассы. Лодка оказалась способной к эксплуатации и устойчивой против проникновения воды. Успешная постройка моделей вдохновила амбуазских техников на организацию специальной выставки в замке.

Недавно состоялось торжественное открытие музея. Его экспонаты наглядно подтверждают многогранный талант великого Леонардо. В помещениях музея можно увидеть уже 342 различные действующие модели—от катапульты до автоматического оружия. По плану, в амбуазском замке будет выставлена почти тысяча функционирующих моделей изобретений Леонардо да Винчи.

«ОРСАГ ВИЛАГ», ВЕНГРИЯ

КОНТРОЛЬ НАД МЫСЛЯМИ

Каждое утро в семь часов к главной почте Мюнхена подъезжает маленький синий микроавтобус с регистрационным номером HAW 22—49. Из машины выходят двое мужчин в кожаных куртках и через несколько минут возвращаются с объемистым пакетом. В пакете—письма из социалистических стран, адресованные жителям Мюнхена. Тот же путь проделывают и почтовые отправления, идущие из Мюнхена в социалистические страны. Затем микроавтобус подъезжает к дому 91 на Шванкергаллерштрассе, где находится так называемый Центр специальной обработки данных. К восьми часам вечера мужчины в кожаных куртках возвращаются на почту тщательно просмотревшую корреспонденцию.

Мюнхен в этом отношении не является исключением. И в других западногерманских городах столь же невинно выглядящие машины развозят почту в различные учреждения, носящие такие нейтральные названия, как, например, администрация федерального имущества, специальный филиал финансового ведомства или какой-нибудь исследовательский центр по изучению экономических проблем. В действительности же речь идет о филиалах тайной службы. В этих филиалах с помощью самых современных технических средств корреспонденция просматривается, а при необходимости тут же копируется. После этого вся полученная информация поступает в координационный центр, где подвергается тщательному анализу.

«ШТЕРН», ФРГ

БЕЗРАБОТНЫЕ С ДИПЛОМОМ

По данным американского статистического бюро труда, в ближайшие пять лет один из четырех выпускников колледжей США не сможет найти работу по специальности. Единственная возможность получить рабочее место—это устроиться служащим, продавцом или шофером. Таким образом, все надежды на будущее и потенциальные возможности у 2,7 миллиона молодых людей останутся нереализованными.

Особенно неблагоприятная ситуация складывается для учителей. За последнее десятилетие в США резко снизилась рождаемость. В связи с этим уже в прошлом году на 190 тысяч выпускников педагогических колледжей приходилось почти вдвое меньше вакантных

мест. Столь же неопределенное будущее ждет молодых людей с юридическим образованием. Диплом и здесь отнюдь не гарантирует работу.

Лишь те, у кого на руках дипломы «престижных» университетов, смогут найти себе место в управленческом аппарате «большого бизнеса». Выпускники же новых, еще никому не известных колледжей должны будут подыскивать себе работу по другой специальности. Можно, к примеру, стать водопроводчиком. Тут, как уверяет статистическое бюро, нет пока опасности остаться без работы... даже с дипломом о высшем образовании.

«РИДЕРС ДАЙДЖЕСТ», США

«НОГИ ГАЗЕЛИ, А В РУКАХ ДИНАМИТ»

«У него ноги газели, а в руках—динамит!» Эти слова о самом известном в последние годы боксере-любителе, двукратном олимпийском чемпионе кубинца Теофило Стефенсоне принадлежат тому, кто имеет право раздавать такие похвалы,—Мухаммеду Али, абсолютному чемпиону мира среди профессионалов.

«На ринге Теофило играет с противниками как кошка с мышкой»,—замечают специалисты и журналисты, которые наблюдают бои кубинца. А американская печать не раз намекала, что организаторы профессиональных встреч без колебаний уплатили бы ему миллион долларов, если бы он согласился выступить на профессиональном ринге в поединке за звание чемпиона мира.

Недавно Стефенсон участвовал во встрече между кубинской и американской командами. Против него с американской стороны выступил лучший в настоящий момент боксер-любитель США Браун. Стефенсон не оставил американцу никакого шанса...

Непосредственно после встречи Теофило вновь спросили, не перешел ли он в профессионалы, если бы ему заплатили миллион долларов. На это спортсмен ответил:

— За миллион долларов я не смогу купить золотую олимпийскую медаль. А именно ее и хочу завоевать в Москве. Поэтому я много тренируюсь. Пусть профессиональные менеджеры раз и навсегда выбьют из головы мысль, что могли бы наживать на мне деньги.

Если в Москве Теофило в третий раз завоеует звание олимпийского чемпиона, то в тяжелой весовой категории это будет беспрецедентный случай. Кубинец повторит единственный в своем роде рекорд знаменитого венгерского средневеса Ласло Палпа, который трижды поднимался на высшую ступеньку на олимпийском пьедестале.

«ПАРАПЕЛИ», БОЛГАРИЯ

Обзор зарубежной печати. Материалы печатаются в изложении.

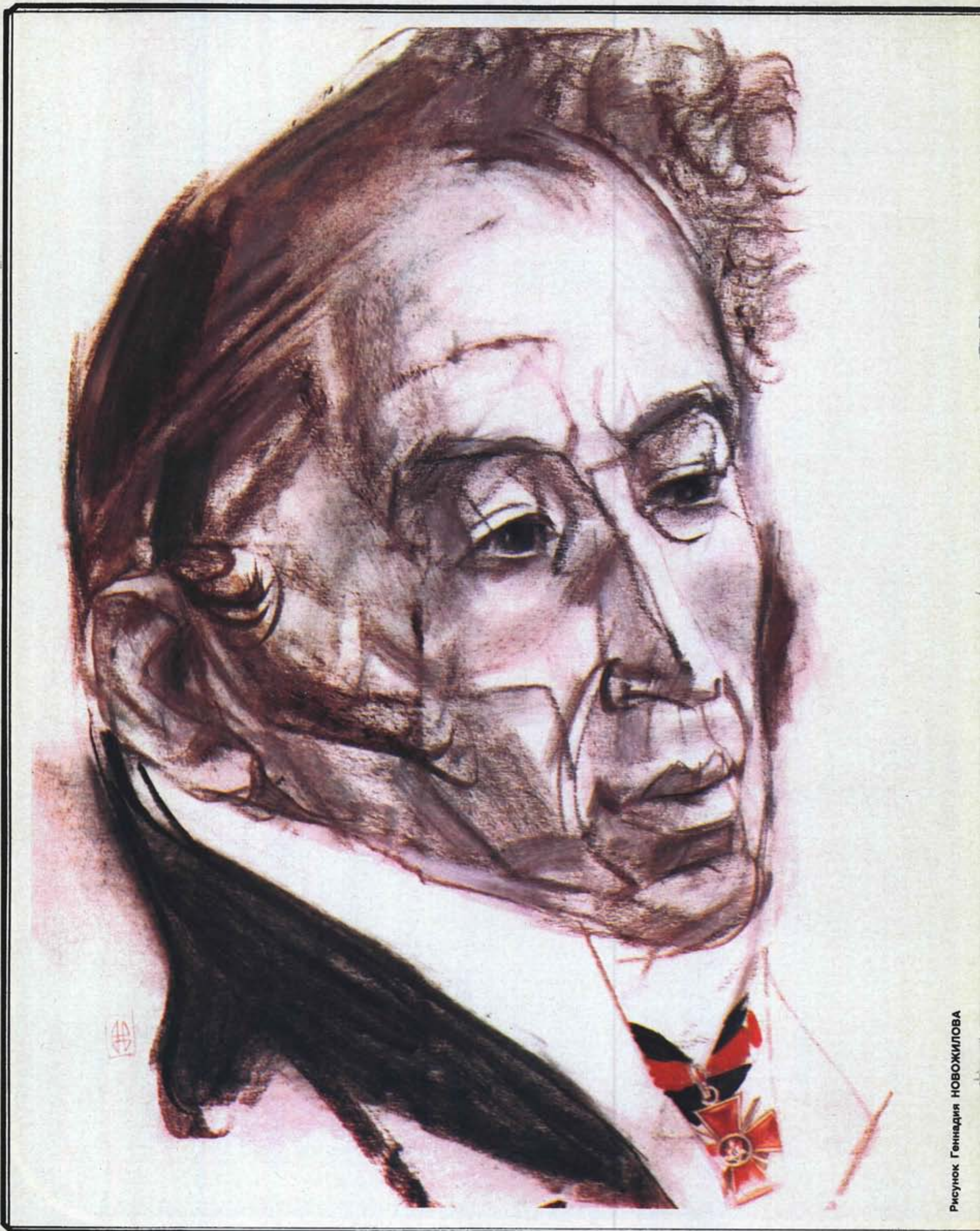

Рисунок Геннадия НОВОЖИЛОВА

КАРАМЗИН

Александр БАСМАНОВ

Николай Михайлович Карамзин: литератор, историк, либеральный деятель и просветитель.

Жизнь его шла по-разному — иногда сложно, иногда двусмысленно: из-за сочетания сановности придворного историографа, пожалованного радужной (в официальных некрологах потом только ее и упоминали) анненской лентой, с почти нищенским существованием затворника; из-за «мягкого» взгляда на Россию, где, однако, под конец жизни Николая Михайловича пальнули тяжелой картечью по каре, выстроившемуся у медного Петра; из-за «Истории», названной Пушкиным «подвигом честного человека», несмотря на твердое убеждение автора, что она принадлежит царю. Судьба Карамзина (он родился в 1766 году) совпала с очевидными нравственными переменами, когда до Екатерины «защитники старины были пена, мираж... после Екатерины защитники Русского — истина и сила, а западники — пена старого, бывшего движения» (Л. Толстой).

Волею внешних обстоятельств и быта Карамзин вождельно тянулся к культуре западной, но природа брала всегда верх, и потому эта культура в его писаниях (художественных, научных, журналистских) словно по волшебству способствовала выявлению лишь неисчерпаемых возможностей родной речи и русского достоинства. Причины этому, как и у любого человека, безусловно, затеряны в детстве, поскольку автор «Бедной Лизы» и «Истории государства Российского» хоть и объехал всю Европу, хоть и приглашался к обеду императором Александром I, хоть и дошел до нештучного 1826 года, но существовал, из степной губернии XVIII столетия. Отец Карамзина, Михаил Егорович, помещик и отставной капитан, прошедший со своим легким полевым батальоном турецкую, а потом шведскую кампании и пожалованный за то землей под Оренбургом, поставил в сельце Преображенском бревенчатый большой и теплый дом на пригорке, собиравший на непрерывные воскресные застолья уездных соседей с их обстоятельными суждениями о политике и изящной словесности (гадалось, что это за зверь), к которым хозяева и гости подходили попросту, с деревенской меркой и анекдотами времен Петра Великого. Это лоно, из которого вышел Николай Карамзин, впитав навсегда все приметы незатейного губернского быта: солнечный зайчик на дутом бокале за скрипучей створкой домодельного поставца, расписные изразцы на горячей печке, кривые портреты на дубовых стенах, пузатые шкафы, на полке одного из которых пылился десяток книг, тисненых тусклым золотом. Именно такую «библиотеку» получил малолетний отпрыск отставного капитана в наследство от матери и перечел ее в баснословно короткий срок всю, познакомившись к девяти годам и с благородными похождениями ламанского рыцаря и с древней римской историей. Тогда же усвоил Карамзин язык Гердера, Виланда и Гете, преподанный врачом-немцем, перетавившим заодно в низкую гостиную преображенского дома свой старенький клавесин, на котором исполнял в каждое посещение «по одной штуке».

Услаждения детского слуха пассажа-

ми Генделя и раннее знакомство со слезными романами о восточной красавице Даире — далеко, однако, не все и не главное, с чем Карамзин в отрочестве столкнулся, ибо за стеной была деревня, а дальше — бескрайние оренбургские степи. Но как ни сладки были детские лета Карамзина, к четырнадцати годам они закончились: коляска с грохотом отъехала со двора, увозя его в белокаменную столицу на пансион и в учебное заведение г-на Шадена, одного из лучших профессоров Московского императорского университета — ведь тот знакомил своих питомцев не только с философией, но и с логикой, риторикой, пиитикой, а также древними и новыми языками. И если отчий дом сформировал незаурядную художественную чувствительность Карамзина, то университет, с которым он в общей сложности свяжет больше десяти лет своей жизни, был тем местом, где образовалось его мировоззрение. Быть может, именно там следует искать и начало страстного интереса к родному языку. «Мы все учились в нем (университете) если не наукам, то русской грамоте», — написал он потом.

Хоромы под кровлями в веселую шашку, еще во времена царя Алексея Михайловича и Нарышкиных венчанные лихими кованными петухами, и новые постройки, строгие, среди которых особо выделялся Пашков дом, возведенный модным Баженовым, собственно, составляли самую середину города: Тверскую, Моховую, Басманную, Воздвиженку, Пречистенку. В Москве, укрытой от высочайших взоров, жилось вольнее, чем в Санкт-Петербурге, и волею судьбы она стала центром русской культуры: здесь стоял университет и жил Новиков.

Журналист, зачинатель «Дружеского ученого общества» и «Типографической компании», благотворитель и предприимчивый книгопромышленник, Николай Новиков обладал скептическим складом ума, хорошо видел свое время и, насколько мог, пытался на него влиять. Он был резок и хваток в работе и предпочитал «огненную философию», способную выжечь мучительные сомнения сердца и ума, возникавшие у него постоянно. Необходимую ему «огненную философию» Новиков отыскал в обществе масонов: сначала в Елагинской ложе, а потом среди так называемых розенкрейцеров.

Его приняли туда без всякой присяги и обязательств, признав сразу «через три первые градуса наперед» мастером. Хоть Новиков потом и принял великие страдания через масонство, оно не было его самоцелью или аскезой, как не было таковым и для Карамзина, еще в Симбирске принятого в братство «Золотого Венца». Для первого система нравственного совершенствования (обязательное условие для членов общества) стала способом противодействия существующему порядку вещей, для второго — почти неосознанным увлечением молодости: тогда, в Симбирске, Карамзину едва стукнуло девятнадцать. Но сошлись они именно в «обществе» (там представлялась оппозиция правительству и «передовая русская» мысль), да еще в тяжкий для издателя час, когда дни «Типографической компании» были сочтены. В лавках Новикова произвели уже первый обыск и конфисковали сотни книг, самого же Николая Ивановича в

1785 году без обиняков допросил обер-полицейстер Архаров. Правда, четыре типографии (две вольные и две тайные) в общей сложности на полсотни печатных станков продолжали еще поставлять на рынок книги и журналы, главным из которых было «Детское чтение для сердца и разума», выходившее регулярно уже почти пять лет. Именно этот ребячий журнал и поручил Карамзину издатель Новиков, почуявший в совсем юном приятеле своем литературный талант. Теперь каждую пухленькую, отменно изящную книжицу с обязательной голубой ленточкой-закладкой редактируют и пишут Карамзин и Петров, молодой, но уже опытный литератор. «От него приобрел я и некоторое эстетическое чувство», — скажет Карамзин после его смерти в статье «Цветок на гроб моего Агатона».

Карамзин и Петров жили вместе в доме «Дружеского ученого общества» в Немецкой слободе. До свирепого пожара 1723 года было это место гордостью всей Москвы: шпиль церкви Архангела Гавриила (называли эту церковь Меншиковой башней) прямо-таки протыкал небеса и считался чуть не выше петропавловой колокольни в Петербурге и подавно выше столпа Ивана Великого. Кроме того, заморские куранты на восьмерике каждую четверть били «колокольную музыку». Звон часов этих, чудом спасенных от огня, ежедневно призывал Карамзина в церковь, а дни напролет, кроме работы в порученном журнале, отдаются переводу для «Типографической компании» поэмы Галлера «О происхождении зла». Правда, здоровье, молодость, крахмальные шорхи девичьих платьев в доме Плещеева, где он, несмотря на молитвы, усердно бывал, брали без усилия верх, поскольку сызмала Николай Михайлович не был страдальцем во имя мистических идей. В отличие и от товарищей по масонству и от самого Новикова он был «реалист» и отменно простодушен. Извечные вопросы «Что я ем?» и «Что я буду?» сочетаются у него с самоуважением за «пламенное усердие к добру, непритворную любовь ко всему изящному, простое сердце, не совсем испорченное воспитанием, искренность, некоторую живость, некоторый жар чувства». Эту оценку собственного вкуса Карамзин подтверждает, блестяще составляя для «Детского чтения» переводы Лессинга и Шекспира, а также поместив в журнале повесть собственного сочинения «Евгений и Юлия», первую свою художественную вещь, уже предвосхищавшую стилистические совершенства «Бедной Лизы». Но для детского журнала Шекспир, Лессинг и сентиментальные опысы нового автора не типичны: в те времена он больше занят объяснением солнечного тепла и электрического грома, свойств магнита и воздуха, описаниями неслыханных кофейных деревьев и нравов диких зверей. «Я все еще живу в Москве, на свободе от всяких служебных занятий», — пишет Карамзин в одном из писем 1787 года. — Перевожу с немецкого и французского, каждую неделю должен приготовить печатный лист для детей, набрасываю для себя самого кое-что под всегдашним заглавием «Беспорядочные мысли». Это младая жизнь Карамзина: солнце и звезды в его окнах, запахи клея и краски в конторе, музыка английских курантов на Меншиковой башне; это мода шафионов и роговых гребней на головах у мужчин и

цветных атласных лент на их башмаках, это — время, когда Новиков представлял страницы книг и журналов безвестным, а Радищев дописывал свое «Путешествие». И это минуты восторженных откровений молодого литератора, чуть охлажденных умным и скептическим Петровым.

Однако юность не ждет, и потому пора в дорогу: уже года два как задумано и снится почти каждую ночь путешествие в иные страны, но именно теперь самое ему время: кошелек туг от золота, полученного за проданное наследство отца: «Все прошедшее есть сон и тень: ах! где часы, в которые так хорошо бывало сердцу моему?» Медью кованные дорожные сундуки уже укладывались. Оставалось дать объяснение в ложе. Карамзин потом вспоминал: «Сожалели, но не удерживали, и на прощанье дали мне обед».

Тверь, Санкт-Петербург и Рига проскочили туманно — в слезах по прошедшему, в грезах по будущему. У заставы же, как предписано, с тщанием сотворили проверку багажа и паспорт.

С мая 1789 года по июль 1790-го: Кенигсберг, Берлин, Лейпциг, Дрезден, Франкфурт-на-Майне, Страсбург, Женева, Лозанна, Лион, Париж, Лондон. Весна, лето, осень, зима, весна и пол-лета в Европе последнего десятилетия XVIII столетия. Здесь жизнь бьет ключом и соединились «героизм, самопожертвование, террор, междоусобная война и битвы народов». Здесь: расцвела в лице Лессинга, Гете и Шиллера так называемая «немецкая мещанская драма», а изобразительная культура стала называться «рококо». Здесь: отремели овалы на первом представлении «Женитьбы Фигаро», инженер Картрайт на грязной лондонской фабрике провел последние испытания нового ткацкого станка, а Бернс выпустил первую книжку стихов. Здесь уже умерли композитор Глюк и художник Латур, и пальцы первого не смогут больше коснуться костяных клавиш клавиш, а пальцы второго — залепанной палитры и кистей. Здесь: прямо посреди Берлина зазвенели звонкие топоры и выросли леса, под которыми соорудят то, что назовется Бранденбургскими воротами, а Иммануил Кант, только-только закончивший «Критику практического разума», уже не разгибаясь сидит над «Критикой способности суждения».

Двадцатидвухлетний Карамзин оторвал Канта от работы. Он громко позвонил в колокольчик, стремительно вошел в переднюю, и Кант, «худенький старичок, отменно белый и нежный», по любезности был вынужден отворить двери своего кабинета. Он был мудр, стар — почему бы и не сказать несколько слов молодому человеку: «Помышляя о тех услугах, которые я имел в жизни, не чувствую теперь удовольствия; но представляя себе те случаи, где действовал сообразно с законом нравственным, начертанным у меня в сердце, радуюсь».

Это слова из «Писем русского путешественника» — самой объемистой вещи Карамзина-литератора, напечатанной по возвращении в Россию и принесшей ему ни с чем не сравнимый успех и головокружительное признание. Составленная из легенд, сентиментальных рассказов, исторических экскурсов и бытовых картинок, она легко читается даже сегодня. Но легкость эта внешняя,

ибо как раз считается, что именно с 1789 года целых тринадцать лет Карамзин переживал тяжкие душевные смуты. Хронология такая немудрена, поскольку в 1789 году он слышал (присутствуя лично) до хрипоты гудящую залу парижского Национального собрания, в 1790-м вольный казак Емельян Пугачев прошелься по неохватным оренбургским степям, в 1791-м отправил в Илимский острог Радищева, в 1801-м задушили Павла I, зато потом, в 1802-м, «дней александровых прекрасное начало» покрывало все эти даты спокойным и счастливым ликованием. Карамзин же за эти годы смертельно устал, — ведь собственными глазами видено, как во Франции, казалось бы, изящной во всем, крестьяне врываются в усадьбы, били в куски великолепные севские вазы и с ненавистью жгли старинные дворянские грамоты. И тут же этими глазами читана «Декларация прав человека и гражданина», со страху подписанная Людовиком XVI. Первое Карамзина не устраивало как барина, однако второе в нем приветствовал гражданин, просветитель и либерал. Ради этого второго можно было стерпеть битые вазы и испеленные грамоты. Но когда через два года тяжкий нож гильотины отрубил голову королю, Карамзин не мог уже приветствовать ничего от «революционной гидры» исходящее. Он не в состоянии оказался осмыслить того, что произошло: «Беги в густую мрачность лесов, — но мысль о разрушенных городах и погибелю людей везде теснит мне сердце».

Да и дома, в России, начиналось смутное время. Цензура засверпела, книжные лавки основательно и без церемоний встряхнули, груды книг отобрали для костра, а на допросах Новикова князь Прозоровский крепко интересовался и Карамзиным, но зря: тот после увиденной парижской крови не «грешил» и в мыслях. Блестящие издания «Московского журнала», где Карамзин печатал свои «Письма русского путешественника», повести «Бедная Лиза» и «Наталья, боярская дочь»; альманахи «Аглая», под желтыми кожаными обложками, фронтисписами и виньетами которого запечатлелись «Остров Борнгольм», «Цветок на гроб моего Агтона» и «Сиерра-Моррена»; выпуски «Аонида», «Пантеона Иностранной словесности» и, наконец, «Вестник Европы» — первый у нас журнал, обозревавший искусство и общественную жизнь Запада и просвещенной России (журнал, отмеченный именами Дмитриева, Державина, Василия Пушкина, Жуковского), — вот лицо Карамзина, литератора и общественного деятеля. Кредо его сложилось теперь особенно ясно: «быть счастливым есть быть верным исполнителем естественных и мудрых законов; а как они основаны на общем добре и противны злу, то быть счастливым есть быть добрым». Правда, жизнь этой логики не подтвердила (к примеру, месяц декабрь 1825 года ей попросту противоречил), но, быть может, именно благодаря ей, находясь на передовых рубежах русской мысли, Карамзин избежал даже малейших репрессий, представляясь правительству абсолютно безопасным. Было, правда, несколько доносов императору Павлу, но кончались это пустяками и безболезненно: «государь бросал доносы в камин». Как раз именно в эти дни слава особенно расцвела и от посетителей отделяться стало все трудней и трудней. Вот, например, один из них — казанский литератор Каменев: в 1799 году он приехал к Карамзину представить и поклониться.

Никольская улица узка, красива, дом особняком, модный, в колоннах, зелененький. Внутри восковой скользкий пол, недешевая мебель в мозаику и с бронзами; портретов в гостиной очень много, в основном писатели — Тасс, Франклин, Буфлер, Дюпати; часовой гавот легчайший, но слышен отовсюду. Карамзин встретил Каменева в байко-

вом белом сюртуке нараспашку и медвежьих сапогах: зябли ноги.

«Не Вы ли присылали мне переводы из Казани?» — сказал он быстро, не дав Каменеву молвить и слова. Сели. Карамзин в вольтеровское сафьянное кресло, Каменев на диван, низкий, вершков шести от полу. Так и просидел все свидание не вставая, «как карла перед гигантом, в уничижительном положении», — вспоминал потом Каменев.

«Какие языки Вам известны? Где учились? Как долго? Что переводили? Вот сейчас делается переписка Юнга с Фонтенелем, но автор этот может нравиться только тому, кто имеет темную любовь к литературе. Нет правности в штиле, нет зернистых мыслей, многое слабо, иное плоско, и он ничем не бриллирует», — Карамзин употребил французских слов много, в десяты русских — одно французское, а сам «черноглаз, нос довольно велик, румянец неровный и бакенбарт густой».

Напоследок посоветовал Каменеву сочинять что-нибудь в нынешнем вкусе, признался: «Много бумаги им перемарано, и что не иначе можно хорошо писать, как писавши прежде худо и посредственно».

Однако такой словесный каскад и бравада производили впечатление только на посторонних. Чувствовал себя душой Карамзин на самом деле так неважно, что брату сообщил: «Голова моя так дурна, что я с трудом пишу». Несмотря на хороших друзей — Дмитриева, Андрея Ивановича Вяземского, Жуковского и Василия Пушкина, — как журналистская, так и личная жизнь продолжалась в раз навсегда заведенном и несмелом однообразии. В чем отдых нервам? Карточная игра совсем не веселит, да и затягивающаяся связь (типадно от всех скрывающаяся) с «той женщиной» почти уж было совсем и наскутила, ведь «она есть не что иное, как страшная безрассудная кокетка. По всей вероятности есть что-нибудь между ею и маленьким музыкантом» (из письма Карамзина к брату). Но все равно все пустое, пришла пора семьи, покоя, и Лизаньку Протасову, казалось, послал для того сам бог.

Апрель 1801 года оказался медовым месяцем. Обвенчались тихо, и после церкви рыдван чинно вернулся на Никольскую, где Карамзин незамедлительно черкнул брату: «С сердечной радостью уведомляю вас, что я женился на Елизавете Ивановне Протасовой, которую 13 лет знаю и люблю». Но скоротечная чахотка для молодоженов — не союзник, и уже через год случился тот день, когда из Свиблова, где Карамзин на лето брал флигель, до Донского монастыря всю дорогу шли пешком, стараясь не отставать от тряского катафалка.

«Всему есть время, и сцены переменяются. Когда цветы на лугах Пафосских теряют для нас свежесть и красоту свою, мы перестаем летать зефиром, и заключаемся в кабинете для философских мечтаний и умствования» — вот и подошел Николай Михайлович Карамзин к основному рубежу своей судьбы. Ни издательская деятельность, ни флер сентиментальных повестей не могли вместить в себя слишком очевидные противоречия окружающего. И потом, лет как пять уже, стала уходить, откакивать кусками накипь модного западничества: как бы само собой, естественно и просто все велось к главному делу жизни — к составлению (первому, по существу) русской истории.

А с чего начать? Хронографии и пасхалии — подспорье никудыжное; библиотеки без каталогов, источники не указывались никем и никогда; летописи и грамоты рассыпаны по монастырям, древняя география — белое пятно, хронология переплутана; «генеалогия» — и вовсе диковинное слово; писанья о Руси старинных европейских путешественников едва известны по слухам. Есть:

«Вивлиофика» Новикова, «Степенная книга», «Царственная книга» кенигсбергский «Список Нестора», «Новгородская летопись», сочинения Татищева, опыты Мусина-Пушкина — «Русская правда», о Тмутараканском камне, о Мономаховом поучении, о «Слове о полку Игореве». Декабрьской книжкой 1803 года закрывается «Вестник Европы». «Хочу не избытка, а только способа прожить пять или шесть лет, ибо в это время надеюсь управиться с историей», — сказано было на его последней странице.

В императорскую канцелярию плохих писарей не брали — только каллиграфов. Указы сработаны один к одному, и этот тоже хорош, под печатью и выведен с нажимом, вороной тушью: «Николай Карамзин изъявил нам желание посвятить труды свои сочинению полной Истории Отечества нашего, и мы, желая ободрить его в столь похвальном предприятии, Всемилостивейше повелеваем производить ему, в качестве Историографа, по две тысячи рублей ежегодного пенсионера, из кабинета нашего».

«История государства Российского» написана почти вся в Остафьеве, всем известном имении Вяземских. Летним днем воздух здесь обычно чист, прозрачен и звонок, а с крутого косогра можно надолго видеть холмистую дымчатую даль леса; перед подъездом же покойно прорастают зеленой травкой две большие, изъеденные и источенные ветрами, солнцем, снегом, дождями серокаменные собаки.

Андрея Ивановича Вяземского Карамзин знал тесно лет пятнадцать, еще со времен «Дружеского учебного общества», но, похоронив Лизу, сошелся с ним уже навсегда. Его любили здесь как родного, а тут еще и Катерина, побочная дочь старого князя, с благословения родительского стала второй женой Николая Михайловича.

Остафьевский дом был убран со вкусом, располагал громадной французской библиотекой, дивным собранием английских старинных гемм, инталий и камеи, а «малые голландцы», украшавшие вестибюль и залу, были попросту достойны санкт-петербургского Эрмитажа. Зятя, правда, это все почти не интересовало. Он жил на чердаке, в комнате с голыми штукатуренными стенами: там стоял грубый деревянный стол, заваленный грудами черновиков и списков. Так было лучше — так ничто не отвлекало.

Начал Карамзин с того, что прошел насквозь, от доски до доски, все о славянах, написанное греками и римлянами — от Геродота до Аммиана Морцелина, изучив и византийских хронографов. Режим священен: прогулка, завтрак, трубка турецкого табаку, работа до обеда (скудного, ибо: «на систему наших мыслей весьма сильно действует обед. Тотчас после стола человек мыслит не так, как перед обедом...») и после него. Карамзин свою историю не составлял, он сочинял ее как литератор, он настроивал самого себя как сложнейший музыкальный инструмент, он ловил истории образ, каждый раз пытаюсь ощутить и келейные шорохи, и медную боевую трубу, и матовый отблеск жемчужинки на старом потире, и сиплые, простуженные голоса полевых команд, и плеск знамен, шитых образом Спасителя. Прошедшее за века вызывалось, возрождались, обретало живую плоть, цвета, запахи и осязаемость отношений, давно, казалось, исчезнувших. Их незримые нити тянулись от человека к человеку, из поколения в поколение, связывая, объединяя все в одно целое, именное историей государства Российского.

Для близких Карамзин сделался совсем почти несносен: дело шло очень трудно. О том, чтобы управиться с ним в несколько лет, как было задумано, нет теперь и речи. Годы три вот уже прошло: «Ежели буду жив и здоров с моим семейством, то надеюсь зимою дойти до татарского ига». И сильно начали слеп-

нуть глаза. Есть, правда, радости, ни с чем не сравнимые: «Какую сделал я находку, Вольнскую летопись, полную, доведенную до 1297 года, богатою подробностями, вовсе неизвестною... Слог для знатоков любопытный. Одним словом, это сокровище; Бог послал мне его с неба». И двигалась понемногу история и открывалась с трудом через храброго Донского Дмитрия, хитрого Калиту, мудрого Боголюбовского, мнительного Годунова: «Владыки земные должны властвовать для блага народного, и это есть вечная истина».

Только два события за двадцать лет отвлекли по-настоящему Карамзина от работы — «Записка о древней и новой России» и война 1812 года, на которую он страшно рвался, но так и не попал.

С Екатериной Павловной, великой княгиней, историограф познакомился в 1809 году, а в 1811-м он приехал к ней в Тверь и был обласкан: Александр дал ему обед.

В «Записке» старое и новое России слилось в одну большую язву, там прозвучала и вырвалась, быть может, единственный раз за всю жизнь Карамзина, страстная, нетерпеливая и мучительная нота национального отчаяния, идущая от времен петровских, от дел Анны и Бирона, от «примеров двора любострастного» Екатерины II, когда за просто «торговали правдою и чинами».

Карамзин хотел великой княгине прочитать «Записку» сам, но та протянула руку, взяла исписанные бумажные листки и опустила их в накинфолненный ящик. Крышка императорского бюро звонко щелкнула, заключив в лакированных щедрах самую настоящую крамолу: «Самодержавие укоренилось; никто, кроме государя, не мог ни судить, ни жаловаться — всякая власть была изливанием монаршим. Жизнь, имение зависели от произвола царей, и знаменитейшие в Росии титулы были уже не княжеские, но боярские, но титулы слуги царева».

Говорят, Александр, прочитав «Записку», остался ею недоволен. И через пятнадцать лет, когда ее было уже собиралось издавать, цензурный комитет печатание придержал, объяснив, что «часть отрывка, относящаяся ко временам новой истории, преимущественно ко временам Петра Великого и Екатерины II, отличается и такими идеями, которые не только по новости их в литературном кругу, сколько по возможности применения к настоящему положению не могут быть допущены без разрешения начальства».

Как-то Карамзин показывал в Царском Селе графу Блудову место, облитое слезами Пушкина. И они посмеялись над этими слезами, вызванными, как предполагают, первой детской и, естественно, безответной любовью к жене историографа Катерине Андреевне, той самой, которая потом стала Пушкину другом, едва ли не самым чистым, до гробовой доски. С Карамзиным Пушкин встречался теперь часто в «Арзамасском братстве», о котором историограф говорил: «вот истинная русская академия, составленная из молодых людей, умных и с талантом; с ними бы жить и умереть», — и приходя попросту к нему в дом. Литературный авторитет Карамзина был для мальчика Пушкина чрезвычайно велик.

То в Царском Селе, то в Петербурге Карамзин жил основательно с 1816 года, в котором стали печатать его «Историю». Здесь он работал с утра и до ночи: подготавливал материалы для девятого тома и правил материи первых восьми книжек. 2 февраля 1818 года эти книжки поступили в продажу. Пушкин так вспоминал об этом дне: «Появление «Истории Государства Российского» (так и надлежало было) наделало много шума и произвело сильное впечатление. 3000 экземпляров разошлись в один месяц, чего не ожидал и сам Карамзин».

Светские люди бросились читать историю своего отечества. Она была для них новым открытием. Древняя Россия, казалось, найдена Карамзиным, как Америка Колумбом».

И страсти вспыхнули: в светских салонах; у «Зеленой Лампы»; под сенью «Союза Благоденствия». Все здесь знали друг о друге многое, и кто-то ждал смелости и перемен, а кто-то их не ждал вовсе: «история народа принадлежит царю» — было черным по белому написано в предисловии. Над «Историей» возмущались и над ней смеялись, ее громили и Павел Катенин, и Никита Муравьев, и Николай Тургенев, и Михаил Орлов, и Пушкин: «Я сказал: итак, вы рабство предпочитаете свободе». Карамзин хоть обращал на эти выпады внимание и сильно нервничал, но продолжал работать не разгибаясь; очевидцы сообщают, что в своем крохотном кабинетике он буквально утопал под книгами, рукописями и бумагами, заканчивая том об Иване IV. И успех этой книги, в отличие от первых восьми, среди лучших русских людей был ошеломляющим. «Ну, Грозный! Ну, Карамзин! — говорил Рылев. — Не знаю, чему больше удивляться: тиранству ли Иоанна, или дарованию нашего Тацита».

Правда, потом картины истории перемешались, как во сне, с картинами действительности. В ноябре 1825 года скончался «почти идеальный» Александр, а в декабре гренадеры павловского полка на Галерной в упор расстреливали линейным огнем бегущих мятежников: «Один бог знает, каково будет наступившее царствование».

Уровень чести Карамзина в этот момент стал особенно очевиден: отнюдь не сочувствуя заговорщикам и почти проклиная их (это согласовывалось с его взглядами на правопорядок в России), он, однако, как сообщает декабрист Розен, в те жестокие дни единственный заступился за осуждаемых, сказав Николаю I: «Ваше величество! Заблуждения и преступления этих молодых людей суть заблуждения и преступления нашего века!»

То, что случилось в снежном декабре на Сенатской площади, было, по сути, последним и губительным для историографа впечатлением в этом мире. После уже оставалась только нервическая лихорадка и тяжелейшее воспаление легких, от которых он хоть и оправился с помощью докторов, но лишь внешне: душа была уже мертва. Появилось почему-то неудержимое желание уехать подальше, к солнцу, во Флоренцию, например, однако мешало тому полное, безнадежное безденежье, и Карамзин составил просьбу новому царю. Тот не отказал, обещался прислать для путешественника фрегат, назначил статскому советнику и анненскому кавалеру пенсию в 50 тысяч годовых, и рескрипт был вручен, когда Николаю Михайловичу оставалось только семь дней жизни. Так он неожиданно разбогател.

Карамзин не стал современником экзекуции на петропавловском кронверке: он умер в мае 1826 года, то есть за полтора месяца до нее. Известно, что он работал до последней минуты, и перо выпало из деревенных пальцев на фразе: «Орешек не сдавался». Труд его легко можно назвать робким и верно-подданическим, но Пушкин верно заметил, что «многие забывали, что Карамзин печатал свою историю в России». Этот труд можно было бы также назвать ошибочным в своей идее, поскольку он был предпослан царю, но автор обозначил им «верную картину» времен, и потому тот же Пушкин, не колеблясь, заявил, «что История Государства Российского есть не только создание великого писателя, но и подвиг честного человека».

Карамзин сочинил «Бедную Лизу», лучшую русскую повесть XVIII века, и неумирающая идея человеческой люб-

ви спасла ее от забвения навсегда. Для своего времени повесть была написана легчайшим, блистательным языком, над которым Карамзин титанически работал (оценка Пушкина: «Вопрос: чья проза лучшая в нашей литературе? Ответ: Карамзина»), первым, пожалуй, из соотечественников используя его сознательно как инструмент искусства. И, кроме того, этот человек чутко уловил тонкость национального поэтического слуха. «В России литература может быть еще полезнее, нежели в других землях: чувство в нас новее и свежее; изящное тем сильнее действует на сердце, и тем более плодов приносит», — говорил он.

Но в XIX веке Карамзин бросил все ради первой серьезной русской истории, просидев над ней не разгибаясь двадцать два года, ни о чем как истый ученый, кроме нее, не думая и никого вокруг не видя. Но так как он все-таки был художником, а не ученым, «История государства Российского» получилась не только историей, но и героической поэмой. Карамзин понял это сам и в предисловии к ней, не скрывая, написал: «Прилежно источая материалы древнейшей российской истории, я ободрял себя мыслию, что в повествовании о временах отдаленных есть какая-то неизъяснимая прелесть для нашего воображения: там источник поэзии!»

Карамзин был не только писателем и историком, но и удачливым журналистом, редактором и издателем: домашняя библиотека во всяком петербургском, московском или губернском барском доме на рубеже двух прошедших веков была бы неполной без «Детского чтения для сердца и разума», «Московского журнала», «Вестника Европы», «Аглаи» и «Пантеона иностранной словесности». Причем эти книжки не лежали, они зачитывались до дыр.

Он любил холодную работу рассудка, пытаясь отделать рассудительно даже собственную эмоцию, и Новиков упрекал его за это: «Философия холодная мне не нравится; истинная философия, кажется мне, должна быть огненной, ибо она небесного происхождения». Свою любовь к огненной философии знаменитый издатель «Трута» оплатил потом с лихвой пребыванием в одном из студенческих казематов старинной Шлиссельбургской крепости. Карамзин, напротив, не был никогда ни в Шлиссельбурге, ни в ссылке, ни даже под домашним арестом.

В конце жизни, правда, он стал наконец как бы выходить из летаргии галантных грез по «осмнадцатому столетию» и записал в дневнике: «Либералисты! Чего вы хотите? Счастья людей? Но есть ли счастье там, где есть смерть, болезни, пороки, страсти? Основание гражданских обществ неизменно: можете низ поставить наверху, но будет всегда низ и верх, воля и неволя, богатство и бедность, удовольствие и страдание».

И всю свою жизнь Карамзин старался беречь честь: «Мне гадки лакеи, и низкие честолюбцы, и низкие корыстолюбцы. Двор не возвысит меня». Ему выпала своя, особая и, быть может, неблагодарная по уровню его таланта миссия: быть среди тех, кто предвосхитил русскую литературу великого XIX века, начинавшуюся с Пушкина. «Просветите», — говорил Карамзин и просветительству отдал без остатка жизнь, которая, по существу, обернулась согбенным трудом. И потому, если мы захотим представить себе этого человека во плоти и крови, то увидим его не в щегольском синем сюртуке, со звездой и взбитыми наперед височками, но в старом халате, одного, среди разбросанных на полу книг. Вот он подходит к столу, близоруко щурясь в стальные толстые очки, и если будет тихо, можно даже услышать, как случайно скрипнет половица под его легкими шагами.

Михаил ВЛАДИМОВ

*Среди фронтовых эпизодов,
Затерянных в тысяче дней,
Отсеяли, выбрали годы
Порою не то, что важней,
А то, что из общего ряда
Себя выделяло тогда,
Что виделось с первого взгляда,
Но вскоре ушло без следа.*

*Иное зато проявилось
С течением прожитых лет,—
Что в памяти дальней таилось,
Ни разу не выйдя на свет.
Приметы, черты и детали,
Ушедшие тихо под спуд,—
Они не отлиты в металле,
Но сколько мы живы, живут.
То тихо всплывут среди ночи
В тревожном по-прежнему сне,
То вызвенят в песенной строчке
О той, о далекой войне.*

Малгобек

*Под Малгобеком советские войска
Северного Кавказа остановили продвижение
гитлеровцев в 1942 году.*

*Мы испытали жажду мщенья
Под Малгобекскою горой.
Двадцать четвертый год рожденья,
Сраженья год — сорок второй.*

*Нам было только восемнадцать
И даже меньше кой-кому.
А до сих пор еще мне снятся
Друзья, упавшие в дыму.*

*И не могу я без волненья
Читать таблички под горой:
Двадцать четвертый год рожденья,
А смерти год — сорок второй.*

*Вот я сюда приехал снова.
Уже прошла столетия треть.
Как не изъять из песни слово,
Так подвиг в сердце не стереть.*

*Пусть не растет трава забвенья
Под Малгобекскою горой:
Двадцать четвертый — год рожденья,
Бессмертья год — сорок второй.*

**Туманбай МОЛДАГАЛИЕВ,
лауреат премии
Ленинского комсомола
Казахстана**

*В дни весенние душа
Стала песней открыленной!
Изо всех цветов на свете
мне милее цвет зеленый.
На вершинах Ала-Тау
глаз ласкает зелень ели,
и зеленые сады
шепчут песни с колыбели.
И округа расцветает,
все длиннее птички трели —
под веселый звон апреля
листья вновь зазеленели.
Не исчезну я, покуда
есть на этом белом свете
юной жизни цвет зеленый —
эти листья, травы эти,
эти горы и долины,
эта ширь полей зеленых,
эта синь небес, войною
в горьком детстве опаленных.
Я пою.
И звуки песен
льются в душу просветленно:
в жизни много будет весен
цвета юности —
зеленых!..*

Гвозди

*Мой пресс —
В закуточке
Большого двора.
Я делаю гвозди.
Пылища.
Жара.
Я тоненький стержень
На части рублю,
В тиски зажимаю
И поверну бью.
Тут шляпка выходит,
А там — острие.
И просто и мудро
Искусство мое!*

*За ящиком ящик
Несу я на склад.
А в небе крохотная
Зенитный снаряд.
А рядом Подкумок
Камнями гремит...*

*Я делаю гвозди,
А сердце цемит.
Не строить, а рушить —
Работа войны.
Кому эти гвозди
Сегодня нужны?
Мне лучше бы делать
Затворы, стволы —
И не были б ящики
Так тяжелы.
Но снова прошел
Почтальон стороной:
В повестке не вписан
Мой год призывной!
Бои
У Ростова,
Майкопа,
Минвод...
Подходит война —
И подходит мой год.*

*И пусть мои гвозди
Сейчас не нужны,
Я делаю гвозди
Для «после войны»!
Как пуля сегодня,
Наверно, тогда
В любви,
Самом ржавеньком
Будет нужна!*

*Я сердцем пел
и сердцем песни слушал.
В душе бурлила кровь,
а не вода.
Не знаю, был ли счастлив я,
но душу
не посещала зависть никогда.*

*Я песням отдал сил немало,
но где предел запасам наших сил?..
Людей любить душа не уставала,
дождь равнодушья в ней не моросил.*

*И молодость меня не отлюбила.
Мой иноходец вдаль свой бег стремится.
Пусть жизнь моя тебя не изумила:
уж так ли это важно — изумить?..*

*Как луч рассветный солнца —
в нем, играя,
свет радости горит, необорим —
смотреть хочу в глаза родного края
и оставаться вечно молодым!*

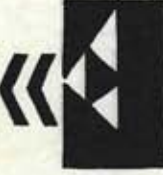
Перевел с казахского
Борис ПЧЕЛИНЦЕВ

Агата КРИСТИ

ЗАВЕРШЕНИЕ В ХАНТЕРБЕРИ

Перевод с английского Ирины БУЖИНСКОЙ

ПРОЛОГ

« Элино́р Кэ́трин Карлайл, вы обвиняетесь в убийстве Мэри Джеррард 27 июля сего года. Признаете ли вы себя виновной?»

Элино́р Карлайл стояла, выпрямившись. Голова ее поражала гордой благородной посадкой, глаза — живой синевой, волосы были угольно-черными. Брови, выщипанные в соответствии с модой, образовывали две тонкие линии.

В зале суда воцарилось молчание — гнетущее и напряженное.

Сэр Эдвин Балмер, защитник, вздрогнул от недоброго предчувствия: «Бог мой, еще, чего доброго, она признает себя виновной... Сдала, явно сдала...»

Губы Элино́р Карлайл разжались: «Я невиновна». Защитник облегченно перевел дух и провел носовым платком по лбу, думая, что дело чуть было не кончилось катастрофой.

Сэр Сэмюэл Эттенбери, представитель обвинения, встал: «Позволю себе, ваша честь и достопочтенные господа присяжные, изложить вновь уже известные вам факты. И так, 27 июля в три с половиной часа дня Мэри Джеррард скончалась в Хантербери, Мэйденсфорд...»

Голос обвинителя звучал громко и в то же время вкрадливо. На Элино́р он оказывал какое-то гипнотизирующее воздействие, заставляя забывать об окружающем. В ее сознание проникали лишь отдельные фразы.

«...Случай, по сути дела, поражает простотой... Долг обвинения... доказать наличие побудительного мотива и возможности...»

«...Судя по всему, ни у кого, кроме обвиняемой, не было причин убивать эту несчастную девушку Мэри Джеррард. Почти ребенок, воплощенное очарование, без единого, смело можно сказать, врага во всем мире...»

Мэри, Мэри Джеррард! Каким далеким все это кажется сейчас. Слово сон...

«Считаю своим долгом особо обратить ваше внимание на следующее:

1. Какие возможности отравить жертву были у обвиняемой?

2. Какими причинами она при этом руководствовалась?»

Я должен и могу представить суду свидетелей, способных помочь вам сделать правильный вывод...

«...В отношении отравления Мэри Джеррард я постараюсь доказать, что у обвиняемой и только у нее была возможность совершить это преступление...»

Элино́р чувствовала себя так, словно заблудилась в густом тумане. Пелену тумана прорывали отдельные слова.

«...Сандвичи... Рыбный паштет... пустой дом...»

Слова кололи Элино́р, словно булавы, на какое-то мгновение возвращая ее к действительности.

Суд. Лица. Целые ряды лиц! Одно особенно примечательно — с большими черными усами и пронизательными глазами. Эркуюль Пуаро, слегка склонив голову набок, задумавшись, рассматривает ее.

Она подумала: «Он пытается понять, почему я сделала это... Ему хотелось бы прочитать мои мысли, узнать, что я думала, что чувствовала...» Чувствовала? Какая-то пелена на глазах, потрясение, после которого ощущаешь себя больной и разбитой... Лицо Родди... Это милое, родное лицо с длинным носом и тонко очерченными подвижными ртом... Родди! Всегда Родди — с тех пор, как она себя помнит, с тех дней в Хантербери... О, Родди, Родди... Другие физиономии... Сиделка О'Брайен, со слегка приоткрытым ртом и свежим веснушчатым лицом, вся подалась вперед. Сиделка Хопкинс выглядит

довольной, словно сытая кошка, и... неумолимой. Лицо Питера Лорда. Питер Лорд, такой добрый, такой здравомыслящий, такой... такой надежный! Но сегодня он непохож на себя: переживает, глубоко переживает происходящее. А вот ей, так сказать, главной героине, все это совершенно безразлично.

Вот она, спокойная и холодная, стоит перед судом, обвиняемая в убийстве.

Что-то словно пробудилось в Элино́р; облако, окутавшее ее сознание, начало рассеиваться.

Суд!... Люди... Подавшись вперед, с глазами, вытаращенными от возбуждения, они рассматривают ее, Элино́р, с жутким зловещим любопытством и с затаенным жестоким наслаждением слушают, что говорит о ней этот высокий человек.

«Факты чрезвычайно просты и не вызывают сомнений. Я вкратце изложу их вам. С самого начала...»

Элино́р подумала: «Начало... Начало? День, когда пришло то ужасное анонимное письмо! Это было началом...»

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая

I

Анонимное письмо! Элино́р Карлайл держала открытое письмо в руке и смотрела на него, не зная, что делать. Ей никогда не приходилось сталкиваться с подобными вещами. Противная штука: плохой почерк, ошибки в правописании и синтаксисе, дешевая розовая бумага.

«Это, чтобы предупредить вас,— гласило письмо.— Не хочу называть имен, но кое-кто присосался к вашей тетушке, как пиявка, и если вы не побережете, потеряете все. Девчонки очень хитрые, а старые дамы верят им, когда они к ним подлизываются. Лучше приезжайте и сами взгляните, что делается. Не годится, чтобы вы и ваш молодой человек потеряли свое добро, а она очень ловкая, а старая миссис может очоуриться в любой момент.

Доброжелатель.»

Элино́р еще с отвращением смотрела на это послание, когда открылась дверь и горничная доложила: «Мистер Уэлман»,— и вошел Родди.

Родди! Как всегда, когда она его видела, Элино́р испытала смешанное чувство: внезапную радость и сознание того, что она не должна эту радость показывать. Ведь было совершенно ясно, что Родди, хотя и любил ее, чувствовал к ней далеко не то, что она к нему. Первый взгляд на него заставил сердце Элино́р так забиться, затопил все ее существо такой нежностью, что ей стало почти физически больно. Просто глупо, что у человека — да, да, совершенно ничем не примечательного молодого человека — есть такая власть над другим. Чтобы один лишь взгляд на него вызывал у тебя головокружение и какое-то странное, неосознанное желание... может быть, даже желание заплакать... А ведь предполагается, что любовь приносит радость, а не боль... Но если любовь слишком сильна... Ясно одно: ей нужно быть очень осторожной, держаться непринужденно и даже небрежно. Мужчины не любят, когда им досаждают восхищением и обожанием. Во всяком случае, Родди этого не любит.

Приветствие Элино́р прозвучало легко и беззаботно:

— Хэлло, Родди!

— Хэлло, дорогая! Вид у тебя просто трагический. Что это, неоплаченный счет?

Элино́р покачала головой:

— Нет, это, видишь ли... анонимное письмо.

Брови у Родди поползли вверх. Его подвижное лицо как-то сразу изменилось и застыло. Он издал возглас неудовольствия.

Элино́р сделала шаг к письменному столу:

— Пожалуй, лучше всего порвать...

Она могла бы сделать это, и Родди не остановил бы ее, ибо чувство брезгливости к подобным вещам явно преобладало у него над любопытством. Однако внезапно Элино́р передумала:

— Может, тебе его все-таки лучше сначала прочесть. Потом мы его сожжем. Это насчет тети Лауры.

Брови Родди поднялись еще выше:

— Тети Лауры?

Он взял письмо, прочел его и, весь передернувшись, вернул Элино́р.

— Да,— сказал он,— съездь, и дело с концом! Ну и странные же есть на свете люди!

— Думаешь, это кто-нибудь из прислуги? — спросила Элино́р.

— Пожалуй, да.— Он колебался.— Интересно; о ком говорится в этой штуке?

Элино́р задумчиво обронила:

— Это, должно быть, о Мэри Джеррард.

Родди нахмурился, пытаясь припомнить:

— Мэри Джеррард? Кто это?

— Девочка из сторожки. Неужели не помнишь? Тетя Лаура всегда любила эту малышку и была так добра к ней. Платила за нее в школу... и даже за уроки музыки и французского.

— Ах, да, припоминаю: этакая худышка с белыми лохмами.

Элино́р кивнула.

— Ты, верно, не видел ее с того лета, когда мама и отец были за границей. Правда, ты бывал в Хантербери реже, чем я, да и она в последнее время служила в Германии кем-то вроде компаньонки, но мы часто играли вместе, когда были детьми.

— Что она представляет собой сейчас? — поинтересовался Родди.

— Очень мило выглядит. Хорошие манеры и все такое. Теперь никто не принял бы ее за дочь старика Джеррарда.

— Значит, стала чем-то вроде леди?

— Да. Думаю, из-за этого ей сейчас трудновато приходится в сторожке. Миссис Джеррард умерла несколько лет назад, а с отцом Мэри не ладит. Он фыркает по поводу ее образования, говорит, что она задеается.

Родди заявил с раздражением:

— Люди никогда не думают о том, сколько причиняют вреда, давая кому-то «образование»! Часто это не доброта, а, наоборот, жестокость.

Элино́р, однако, думала о другом:

— Судя по всему, она действительно часто бывает в господском доме. Я знаю, она читает вслух тете Лауре после того, как у той был удар.

— А что, сиделка ей читать не может?

— Сиделка О'Брайен, — ответила с улыбкой Элино́р, — говорит с ирландским акцентом, от которого можно с ума сойти! Неудивительно, что тетя предпочитает Мэри.

Пару минут Родди нервно рассказывал по комнате. Потом он сказал:

— Знаешь, Элино́р, я думаю, нам нужно съездить туда.

В голосе Элино́р прозвучало отвращение:

— Из-за этого?..

— Нет, нет, вовсе нет. А впрочем, черт побери, давай будем честными: да! Это мерзкая писулька, но в ней может быть и правда. Я имею в виду, что старушка здорово больна, а...— Родди взглянул на Элино́р со своей обаятельной улыбкой, признавая несовершенство человеческой природы, и закончил: «...а деньги имеют значение и для тебя и для меня, Элино́р.

— О да,— быстро согласилась она.

Родди серьезно продолжал:

— Не сойти меня таким уж расчетливым, но в конце концов тетя Лаура всегда сама говорила, что мы ее единственные родственники. Ты — ее племянница, дочь ее брата, а я племянник ее мужа. Она то и дело давала нам понять, что после ее смерти все перейдет к тебе или ко мне, а вероятнее всего — к нам обоим. И это большие деньги, Элино́р.

— Да, пожалуй,— задумчиво согласилась она.

— Содержание Хантербери обходится недешево. Дядя Генри, когда он встретился с твоей тетей Лаурой, был человеком состоятельным. Да и она сама была богатой наследницей. Ей и твоему отцу досталось после родителей прекрасное состояние. Жаль, что твой отец так увлекся биржевыми спекуляциями.

Элино́р вздохнула:

— Бедный папа, у него никогда не было делового чутья. Перед смертью денежные дела очень беспокоили его.

— Да, твоя тетя Лаура оказалась более деловой. Она вышла за дядю Генри, они купили Хантерберри, и она как-то говорила мне, что ей всегда везло с помещением капитала.

— Дядя Генри по завещанию все оставил ей, не так ли?

Родди кивнул:

— Да, жаль, что он умер так скоро. А она так и не вышла замуж во второй раз. Верная душа, ничего не скажешь. И к нам всегда очень добра. Ко мне относилась так, словно я ее родной племянник. Если приходилось туго, она всегда меня выручала. К счастью, я не очень часто заставляю ее делать это.

— Со мной она тоже была очень щедра,— с благодарностью вставила Элинора.

— Тетя Лаура молодчина,— согласился Родди.— Но, видишь ли, Элинора, быть может, мы оба жили, ну... выше своих средств, что ли... Да и с работой тоже... Я, например, работаю у «Льюиса и Хьюма». Надрываться не приходится, и местечко это меня устраивает. Я сохраняю уважение к самому себе, ибо как-никак, а тружусь, но заметь, не беспокоюсь о будущем, потому что рассчитываю на тетю Лауру.

Элинора вздохнула:

— О нас тоже можно сказать, что мы пивки.

— Чепуха! Просто нам давали понять, что со временем у нас будут деньги. Естественно, это отражается на нашем поведении.

Элинора раздумывала над чем-то.

— Ведь тетя никогда не говорила нам конкретно, как она распорядится своими деньгами.

— Да какое это имеет значение? Ведь мы собираемся пожениться, так что совершенно безразлично, поделит ли она состояние между нами или оставит его кому-то одному.

Он с нежностью улыбнулся и добавил:

— Все-таки хорошо, что мы любим друг друга. Ведь ты любишь меня, Элинора?

— Да.

Ответ ее прозвучал холодно, как по обязанности.

— Да,— передразнил ее Родди.— Ты просто прелесть, Элинора. Этакая снежная королева, ледяная и недоступная. Наверное, за это я тебя и люблю.

Элинора затаила дыхание, но голос ее звучал спокойно:

— Вот как?

— Да.— Родди нахмурился.— Некоторые женщины такие хваткие и наглые, просто до омерзения... или, наоборот, удержу не знают в своем собачьем обожании, ну, душат им человека, и только. Терпеть этого не могу! С тобой же я никогда ни в чем не уверен, в любой момент ты можешь окатить меня этим твоим холодным, отчужденным взглядом и заявить, что передумала,— и при этом даже глазом не моргнешь. Ты изумительна, Элинора. Такая законченная, изысканная, словно произведение искусства!.. Я думаю, наш брак будет очень счастливым... Мы любим друг друга, но не слишком. Мы хорошие друзья. В наших вкусах много общего. Мы знаем друг друга наизусть. Ты мне никогда не надоешь, потому что ты такая изменчивая, такая неуловимая. Я вот могу надоеть тебе, уж очень я заурядный.

Элинора покачала головой:

— Никогда ты не надоешь мне, Родди, никогда! Родди поцеловал ее и сказал:

— Тетя Лаура неглупа и, наверное, сообразила, как у нас обстоит дело, хотя мы не были у нее с тех пор, как все между собой решили. Пожалуй, неплохой предлог поехать туда?

— Да, я как раз думала...

Родди закончил фразу за нее:

— ...что мы бываем там реже, чем могли бы. Мне это тоже приходило в голову. Когда у нее случился первый удар, мы приезжали почти каждую неделю, а теперь не были там почти два месяца...

— Мы бы приехали немедленно, если бы она нас позвала.

— Да, разумеется. И мы знаем, что за ней хороший уход, и сиделка О'Брайен нравится ей. Но все равно, может быть, мы были немного невнимательны. Я говорю сейчас без всякой мысли о деньгах.

Элинора кивнула:

— Я знаю.

— Так что это гнусное письмо принесло какую-то пользу. Мы отправимся туда, чтобы защитить свои интересы. И еще потому, что действительно любим нашу дорогую старушку!

Он чиркнул спичкой и, поджигая письмо, задумчиво проронил:

— Интересно, чьих рук это дело?.. Кто-то «за нас», как мы говорили, когда были детьми. Что ж, всякое бывает... Матушка Джима Паррингтона отправилась на Ривьеру, по уши влюбилась там

Рисунок
Валерия СМЕРНОВА

в молодого врача-итальянца и оставила ему все состояние, до последнего фартинга. Джим с сестрами пробовали опротестовать завещание, да куда там...

Элинора улыбнулась:

— Тете Лауре нравится новый доктор, преемник доктора Рэнсома, но не до такой уж степени! Да и в этом противном письме говорится о девушке. Это, должно быть, Мэри.

— Мы поедem туда и сами все увидим,— завершил разговор Родди.

II

Сиделка О'Брайен, шурша всем, что было на ней накрахмаленного, проследовала из спальни миссис Уэлман в ванную комнату. Обернувшись через плечо, она сказала:

— Сию минуту поставлю чайник. Вы ведь не откажетесь от чашечки чая?

Сиделка Хопкинс и не собиралась отказываться:

— Я, милочка, всегда не прочь выпить чашечку. Что может быть лучше чашки хорошего крепкого чая!

О'Брайен, наполняя чайник водой и ставя его на газовую плитку, говорила:

— У меня все в этом шкафу — чайничек для заварки, чашки, сахар, а Эдна приносит мне свежее молоко два раза в день. Ни к чему без конца звонить и беспокоить прислугу. А плитка здесь замечательная, чайник закипает моментально.

О'Брайен была высокая рыжеволосая женщина лет тридцати, с ослепительно белыми зубами, веснушчатым лицом и милой улыбкой. Пациенты любили ее за бодрость и энергию. Хопкинс, медсестра, приходившая каждое утро, чтобы помочь в уходе за отличившейся солидной комплекцией больной дамой, была добродушного вида женщина средних лет, производившая впечатление бойкой и смысленной.

Сейчас она одобрительно говорила:

— Этот дом поставлен как надо.

Другая кивнула, соглашаясь.

— Несколько старомодно кое-что, нет центрального отопления, но зато сколько уютно каминов, и девушки услужливы. Миссис Бишоп, домохозяйка, держит горничных в ежовых рукавицах. Хопкинс фыркнула:

— Эти теперешние девчонки сами не знают, чего хотят, а уж насчет работы...

— Мэри Джеррард хорошая девушка,— примирительно заметила О'Брайен.— Просто не знаю, что миссис Уэлман делала бы без нее. Слышали, как она требовала ее сегодня? Ну, что же, девочка мила, и обращение у нее приятное.

Хопкинс внесла свою лепту в беседу:

— Мне жалко Мэри. Этот несносный старик, ее папаша, делает все, чтобы отравить ей жизнь.

— Да уж, от старого черта доброго слова не

дождешься,— согласилась О'Брайен.— А вот и чайник вскипел.

Не прошло и минуты, как горячий крепкий чай уже дымился. Сиделки расположились за столом в комнате О'Брайен, соседней со спальней миссис Уэлман.

— Мистер Уэлман и мисс Карлайл приезжают сегодня,— сообщила О'Брайен.— Утром пришла телеграмма.

— То-то я смотрю,— оживилась Хопкинс,— старая леди так возбуждена. Давненько они здесь не бывали, а?

— Уже больше двух месяцев. Милый джентльмен мистер Уэлман, только выглядит чересчур гордым.

Хопкинс заявила:

— А я видела недавно ее фотографию в «Тэтлере» — с подругой в Ньюмаркете.

— Она ведь очень известна в обществе, правда? — поинтересовалась О'Брайен.— И всегда так чудно одета. Вы думаете, она действительно красивая?

— Трудно сказать, ведь эти светские дамы так мажусь, что и не сообразишь, каковы они на самом деле. Я лично считаю, что по внешности она и в подметки не годится Мэри Джеррард.

О'Брайен поджала губы и чуть-чуть склонила голову набок.

— Тут вы, может, и правы, но Мэри не хватает стили.

На это Хопкинс назидательно заметила:

— Были бы тряпки, стиль будет.

Восседавшая над чашками с ароматным напитком, женщины ближе придвинулись друг к другу. О'Брайен рассказывала:

— Странная вещь случилась сегодня ночью. Я, знаете, вошла часа в два, чтобы, как всегда, поудобнее устроить бедняжку, а она и не спит. Как только увидела меня, сразу заговорила: «Фотографию, дайте мне фотографию». Я, сами понимаете, отвечаю: «Конечно, миссис Уэлман, но, может, лучше подождать до утра?» А она все свое: «Нет, я должна взглянуть на нее сейчас». Тогда я спросила: «А где это фото? Вы ведь хотите одну из фотографий мистера Родерика?» Но она так странно сказала: «Кого? Родерика? Нет, Льюиса». А потом начала приподниматься на подушках, да с таким трудом... Я приподняла ее, она достала ключи из маленькой шкатулки, что стоит возле ее постели на столике, и велела мне открыть второй ящик конторки, а там и правда фотография, большая, в серебряной рамке. И такой, знаете, красивый мужчина! А через все фото написано «Льюис». Старомодное все, конечно, видно, он снимался много лет назад. Я принесла фотографию ей, и она смотрела на нее долго, долго. Потом вздохнула и сказала мне, чтобы я убрала ее назад. И, поверите ли, когда я обернулась, она уже спала, да так сладко, ровно младенец.

— Думаете, это был ее муж? — с любопытством спросила Хопкинс.

— Вовсе нет! Сегодня утром я мимоходом поинтересовалась у миссис Бишоп, как звали покойного мистера Уэлмана, и она сказала, что Генри.

Женщины обменялись взглядами. У Хопкинса был длинный нос, и сейчас кончик его слегка подергивался от приятного возбуждения. Она размышляла вслух:

— Льюис, Льюис... Что-то я не могу припомнить здесь таких.

— Ведь это было много лет назад, милочка, — напомнила ей другая.

— Верно, а я здесь недавно. И все-таки...

О'Брайен повторила мечтательно:

— Такой красивый мужчина. Похож, знаете, на кавалерийского офицера.

Хопкинс прихлебывала свой чай.

— Это очень интересно.

Потом с глубоким вздохом завершила беседу:

— Быть может, его убили на войне.

III

Когда Хопкинс, приятно освеженная чаем и разговором на романтическую тему, наконец вышла из дома, ее догнала Мэри Джеррард.

— Можно мне пойти в деревню вместе с вами, сестра?

— Ну, разумеется, дорогуша.

Мэри сказала, чуть задыхаясь:

— Мне нужно поговорить с вами. Я так беспокоюсь, так беспокоюсь...

Женщина постарше окинула ее добрым взглядом. В свои двадцать один год Мэри Джеррард была очаровательным созданием. Что-то в ее облике навело на мысль о дикой розе: длинная гибкая шея, волосы цвета бледного золота и ярко-синие глаза.

— А что случилось? — сочувственно спросила Хопкинс.

— Да ничего особенного, просто время идет, а я ровно ничего не делаю. Миссис Уэлман была удивительно добра, дала мне такое дорогое образование. Я думаю, теперь мне уже пора начать самой зарабатывать на жизнь. Надо научиться чему-нибудь настоящему, понимаю.

Собеседница кивнула, и Мэри продолжала:

— Я пыталась объяснить это миссис Уэлман, но это так трудно... Она, кажется, просто не понимает меня. Все говорит, что времени еще сколько угодно.

— Не забывайте, она очень больна, — вставила медсестра.

Мэри залилась краской.

— О, я знаю. Наверное, не надо приставать к ней. Но я так тревожусь, да и отец все время придирается ко мне. Без конца ворчит, что я строю из себя леди. Но я действительно хочу наконец делать что-то! Беда в том, что научиться чему-нибудь почти всегда дорого стоит. Я теперь неплохо знаю немецкий, и может, это мне пригодится. А вообще-то мне хотелось бы стать медсестрой. Мне нравится ухаживать за больными.

— Для этого нужно быть сильной, как лошадь, — трезво заметила Хопкинс.

— А я сильная! И мне по-настоящему нравится это дело. Мамина сестра, которую я и не видела, ну, та, что уехала в Новую Зеландию, была медсестрой. Так что это у меня в крови.

— Как насчет того, чтобы заняться массажем? — продолжала Хопкинс. — Этим можно недурно зарабатывать.

Мэри, по-видимому, была в нерешительности.

— Но ведь выучиться на массажистку дорого стоит, правда? Я надеялась... но мне просто стыдно быть такой жадной... Она уже столько сделала для меня.

— Вы имеете в виду миссис Уэлман? Чепуха! По-моему, она обязана вам в этом помочь. Она дала вам шикарное образование, но на нем одном далеко не уедешь. Вы ведь не хотите стать учительницей?

— Ну, для этого я недостаточно умна.

— Ум ую рознь. послушайте моего совета, Мэри: пока не торопитесь. Мне кажется, миссис Уэлман должна помочь вам в жизни на первых порах, а я не сомневаюсь, что именно так она и собирается поступить. Но дело в том, что она любит вас и не хочет расставаться с вами. Бедной старухе, наполовину парализованной, приятно видеть около себя хорошенькую молодую девушку. И вы действительно умеете правильно вести себя у постели больной, ничего не скажешь.

— Если вы и впрямь думаете так, — тихо проговорила Мэри, — мне будет не так стыдно бездельничать. Милая миссис Уэлман... Я очень, очень люблю ее. Она всегда была так добра ко мне, и я сделаю для нее все на свете.

Ответ Хопкинс прозвучал довольно сухо:

— Тогда лучшее, что вы можете сделать, это оставаться там, где вы есть, и перестать трепыхаться. Это все скоро кончится. Она держится молодцом, но... У нее будет второй удар, а потом третий. Я-то посмотрелась на такие случаи. Так что терпение, душенька. Если вы скрасите старой леди последние дни ее жизни, это будет доброе дело с вашей стороны. А потом найдется время подумать обо всем прочем.

Они приближались к массивным чугунным воротам. С порога сторожки с видимым трудом, ковыляя, спускался пожилой сгорбленный мужчина. Хопкинс весело окликнула его:

— Доброе утро, мистер Джеррард! Погодка-то сегодня просто чудо, а?

— Только не для меня, — проворчал старик Джеррард, искоса бросив на женщину недружелюбный взгляд. — Вам бы такой прострел, так вы бы...

— Я думаю, это из-за того, что на прошлой неделе было сыро. Если сейчас будет солнечно и сухо, все у вас как рукой снимет.

Однако эти приветливые слова, казалось, привели старика в еще большее раздражение.

— А, сиделки, медсестры, все вы на один лад. Наплевать вам на чужие страдания. Вот и Мэри тоже заладила одно: «Буду медсестрой, буду медсестрой». Это после всяких там французских и немецких загранич...

Мэри ответила резковато:

— Меня вполне устроит работа в больнице!

— Ну, а еще больше тебя бы устроило вообще ничего не делать, не так ли? Тебе бы только задрать нос да щеголять новыми замашками. Тоже мне, леди! Лентяйка ты, и больше ничего!

У Мэри от обиды выступили на глазах слезы:

— Это неправда, папа! Ты не имеешь права так говорить.

Хопкинс вмешалась с подчеркнутым добродушием:

— Ну, ну, это все от неважного самочувствия. Вы же на самом деле так не думаете, Джеррард. Мэри хорошая девушка и хорошая дочь.

Старик взглянул на девушку чуть ли не с открытой злобой.

— Она мне не дочь теперь — со своим французским, и своей историей, и черт знает с чем еще. Тыфу!

Он повернулся и вновь вошел в сторожку. У Мэри в глазах стояли слезы.

— Видите, как с ним трудно? Никогда он по-настоящему не любил меня, даже когда я была маленькой. Только мама всегда заступалась за меня.

Но медсестра торопилась на обход и поспешила расстаться с Мэри, бросив той на прощание несколько добрых, но ничего не значащих слов. Девушка осталась одна, чувствуя, что на душе у нее стало еще тяжелее.

Глава вторая

I

Миссис Уэлман лежала на старательно взбитых подушках. Глаза — еще почти такие же глубокие и синие, как у ее племянницы Элиноры, — были устремлены в потолок. Это была крупная, полная женщина с красивым, пожалуй, несколько хищным профилем. Лицо ее отличалось выражением гордости и решительности.

Взгляд больной поблуждал по комнате и остановился на фигуре у окна. Он приобрел мягкое, почти нежное выражение. После долгого молчания она позвала:

— Мэри...

Девушка быстро обернулась.

— О, вы не спите, миссис Уэлман!

— Я давно уже не сплю. Я думаю... о многом. О тебе, например. Ты очень добра ко мне, и я тебя полюбила.

— Ах, миссис Уэлман, это вы столько сделали для меня! Не знаю, что бы со мной было без вас. Вы дали мне все.

— Не знаю, не знаю...

Больная беспокоенно зашевелилась. Ее правая рука задержалась, в то время как левая оставалась неподвижной и безжизненной.

— Всегда стараешься сделать как лучше, но так трудно сообразить, что именно лучше. Вся жизнь я была слишком уверена в себе...

— Нет, нет, — встала Мэри. — Я убеждена, что вы всегда поступали хорошо и правильно.

— Ты не знаешь, девочка... У меня есть большой недостаток, Мэри: я горда. Это может обернуться

злом. У всех в нашей семье была эта сатанинская гордость, у Элиноры она тоже есть.

Мэри быстро сказала, стараясь отвлечь больную от ее мыслей:

— Вам будет приятно увидеть мисс Элинору и мистера Родерика. Это подбодрит вас. Они уже давно здесь не были.

Миссис Уэлман улыбнулась.

— Они хорошие, очень хорошие дети. И оба любят меня. Я знаю, стоит мне только позвать, и они мгновенно приедут. Но мне не хочется злоупотреблять этим. Они молоды и счастливы — вся жизнь перед ними. Ни к чему им так рано видеть медленное умирание и мучения... Я всегда надеялась, что они поженятся, но ни разу не заговорила об этом. Молодые люди так своенравны. Это, пожалуй, только оттолкнуло бы их друг от друга. Еще когда они были детьми, мне казалось, что Элинора неравнодушна к Родди. Но вот в нем я вовсе не была уверена. Он странное существо. Генри был таким же — сдержанным и застенчивым.

Она замолчала, думая о покойном муже.

— Как давно это было... Мы прожили вместе всего пять лет, когда он умер. Мы, конечно, были счастливы, но сейчас даже это счастье кажется каким-то нереальным...

— Вы, должно быть, чувствовали себя очень одинокой — потом? — нерешительно спросила Мэри.

— Потом? О да, страшно одинокой... Мне было двадцать шесть лет, а сейчас уже за шестьдесят. Столько времени прошло! А теперь еще и это...

— Вы имеете в виду вашу болезнь?

— Да. Я всегда боялась именно удара, паралича. Тебя умыивают и кормят, словно грудного младенца: до чего же это противно и унижительно! Беспомощность — вот что меня больше всего бесит. Эта О'Брайен — добродушное существо и не сердится, когда я на нее фыркаю. Но все равно мне гораздо приятнее видеть здесь тебя, Мэри.

— Правда? — Девушка вспыхнула от удовольствия. — Я... я так рада, миссис Уэлман.

Лаура Уэлман устремила на нее пронизывающий взгляд.

— Ты беспокоиться о будущем, не так ли? Предоставь это мне, дорогая. Я позабочусь о том, чтобы у тебя были свои средства и ты могла бы приобрести профессию. Но наберись еще чуточку терпения, для меня так важно видеть тебя здесь.

— О, миссис Уэлман, разумеется, разумеется... Я ни за что не брошу вас. Если я вам нужна...

— Ты мне очень нужна. — Голос старой леди был необычайно глубоким и звучным. — Ты для меня все равно что дочь, Мэри. На моих глазах ты превратилась здесь, в Хантербери, из смешной, неуклюжей малышки в прелестную девушку. Я горжусь тобою, дитя мое. Надеюсь только, я сделала для тебя лучшее из того, что могла.

Мэри заговорила быстро и несколько несвязно:

— Если вы думаете, что я недовольна теперь, когда благодаря вам получила воспитание, ну... неподходящее для таких, как я, что мне, как говорит отец, не к лицу такие барские замашки, то это не так. Я вам страшно благодарна. А начать зарабатывать я хочу для того, чтобы не думали, будто я присосалась к вам ради денег...

Лаура Уэлман прервала девушку неожиданно резким и властным тоном:

— Вот, значит, что Джеррард вбивает тебе в голову? Не обращай внимания на своего отца, Мэри. Не может быть и речи о том, что ты «присосалась» ко мне. Я прошу тебя остаться здесь еще недолго только ради меня. Скоро все будет кончено.

— О нет, миссис Уэлман! Доктор Лорд говорит, что вы можете прожить еще годы и годы.

— Спасибо, не хочу! Я как раз на днях говорила ему, что в приличном цивилизованном государстве должен быть способ помочь человеку безболезненно уйти из жизни, если он сам того желает. «И не будь вы трусом, доктор, — сказала я ему, — вы бы сделали это и сейчас».

— О, и что же он ответил? — в ужасе спросила Мэри.

— Непочтительный мальчишка только ухмыльнулся, милочка, и заявил, что вовсе не хочет, чтобы его из-за меня повесили. Он сказал: «Если бы вы завещали мне все ваши деньги, миссис Уэлман, тогда, само собой, другое дело». Нахальный юнец! Но он мне нравится. Его визиты помогают мне больше, чем все его лекарство.

— Да, он очень милый, — согласилась Мэри. — Сестра О'Брайен его прямо обожает, да и сестра Хопкинс тоже.

— Хопкинс в ее-то возрасте следовало бы быть поумнее, а уж О'Брайен... — Больная замолчала. — Что это, машина подъехала?

Мэри выглянула из окна.

— Да, это машина. Мисс Элинон и мистер Родди приехали.

II

Миссис Уэлман разговаривала с племянницей.

— Я так рада, Элинон, за тебя и за Родди.

Элинон улыбнулась ей.

— Я знала, тетя Лаура, что ты обрадуешься.

Большая спросила после некоторого колебания:

— Ты... любишь его, Элинон?

Тонкие брови девушки слегка приподнялись.

— Разумеется.

Лаура Уэлман быстро заговорила:

— Прости меня, дорогая. Я знаю, как ты сдержанна. Трудно понять, что ты думаешь и чувствуешь. Когда вы оба были много моложе, мне казалось, что ты, пожалуй, слишком привязана к Родди, и что это неразумно. Я была рада, когда ты уехала за границу заканчивать образование. Ты вернулась совсем другой, была, по-видимому, совершенно равнодушна к Родди, и, надо же, это меня тоже огорчало. Привередливая я старуха, никак не угодишь, правда? Но мне всегда думалось, что у тебя, как бы это сказать, слишком страстная натура. Такие часто встречались в нашем роду, и люди эти были не очень-то счастливы в жизни... Но когда ты вернулась из-за границы и была так холодна к Родди, мне это было не по душе. Видишь ли, я всегда надеялась, что вы будете вместе. Ну, сейчас, слава богу, все устроилось! Но ты мне так и не сказала: ты действительно любишь его?

Элинон ответила спокойно и серьезно:

— Я люблю Родди достаточно, но не слишком сильно.

Миссис Уэлман кивнула в знак одобрения.

— Думаю, ты будешь счастлива. Родди нуждается в любви, но не выносит бурных страстей. Властность в женщинах отталкивает его. Если он будет любить тебя чуть больше, чем ты его, это только к лучшему.

Она продолжала пристально смотреть на племянницу и вдруг спросила почти резким тоном:

— В чем дело, Элинон? Ты выглядишь как-то странно. Что-нибудь не в порядке?

Потом ее голос смягчился:

— Девочка моя, ты что, несчастна?

— Ну, конечно, нет, тетя. Что это тебе взбрело в голову?

Элинон встала, подошла к окну и уже оттуда спросила в свою очередь:

— Скажи мне честно, тетя Лаура, ты считаешь, что любовь — это всегда счастье?

Лицо миссис Уэлман омрачилось.

— В том смысле, какой ты в это вкладываешь, вероятно, нет. Когда слишком любишь, это приносит больше горя, чем радости. Но все равно, Элинон, через это надо пройти. Кто никогда по-настоящему не любил, тот, можно сказать, и не жил.

Дверь открылась, пропустив сиделку О'Брайен.

— Миссис Уэлман, доктор пришел.

III

У тридцатидвухлетнего доктора Лорда были пестрые волосы, некрасивое, но приятное лицо, все в веснушках, и квадратная челюсть — признак характера упрямого и решительного.

— Доброе утро, миссис Уэлман, — приветствовал он пациентку.

— Доброе утро, доктор. Познакомьтесь с моей племянницей, мисс Карлайл.

На лице врача отразилось откровенное восхищение. Протянутую ему руку он пожал так осторожно, словно боялся сломать ее.

Миссис Уэлман продолжала:

— Элинон и мой племянник приехали, чтобы подбодрить меня.

— Чудесно! — воскликнул доктор Лорд. — Именно то, что вам нужно. — Он все еще не отрывал взгляда от Элинон.

Та двинулась к двери и спросила, обернувшись: — Я смогу поговорить с вами, прежде чем вы уйдете, доктор?

— О да... разумеется... конечно...

Какое-то время врач и пациентка беседовали только о ее болезни и медицине вообще, но внезапно миссис Уэлман переключила тему:

— Как я понимаю, моя племянница хочет поговорить с вами. Кстати, как она вам понравилась? Вы ведь раньше с ней не встречались?

Лицо доктора Лорда стало пунцовым. Казалось, вспыхнули даже его светлые брови.

Он, запынаясь, ответил:

— Очень... очень привлекательная особа, и, я думаю, умница... и все такое.

Большую явно забавлял этот разговор. Она подумала: «Как он еще, в сущности, молод», — а вслух сказала:

— Вам надо бы жениться, доктор.

IV

Родди вышел в сад. Он пересек широкий газон, прошел по мощеной дорожке и незаметно для себя забрал в ухоженный огород. Мысли его обратились к будущему. Не исключено, что когда-нибудь им с Элинон предстоит жить здесь, в Хантерберри. Лично ему сельская жизнь по душе, но вот Элинон... Может, она предпочтет обосноваться в Лондоне? А вообще-то, одобрительно подумал он, Элинон прямо совершенство: на нее приятно смотреть, с ней приятно говорить — и при этом она такая сдержанная, рассудительная. Будущее рисовалось ему в самых радужных красках. Надо полагать, они с Элинон скоро поженятся. На первых порах им, видимо, придется трудно, но особых причин для беспокойства нет. Он искренне надеется, что тетя Лаура проживет еще долго... Она всегда так заботилась о нем, брала его сюда на каникулы, неизменно интересовалась всеми его делами. Его мысли отвлечлись от неизбежной смерти тетки (Родди вообще терпеть не мог ни неприятных мыслей, ни неприятных переживаний). Но зато... э... потом будет просто замечательно жить здесь, особенно если достаточно денег на содержание усадьбы. Интересно, как тетяшка распорядится своим состоянием? Впрочем, особого значения это не имеет. Правда, часто очень много зависит от того, у кого деньги — у мужа или у жены, но Элинон — не тот случай. У нее уйма такта, да и на деньги она вовсе не жадна. Нет, нет, что бы ни случилось, беспокоиться не о чем, удовлетворенно подумал Родди и, преисполненный благодушием, продолжал свою прогулку, углубившись теперь в небольшой лесок, куда он прошел через калитку из окруженного оградой сада. Жаль, что нарциссы здесь уже отцвели, но какая прелесть эти пятна солнечного света на зеленой траве! На мгновение Родди охватило какое-то неясное беспокойство, словно облачко окутало его душу, бывшую за секунду до этого такой умиротворенной, такой всем довольной. Он смутно подумал, даже не подумал, а почувствовал: чего-то мне не хватает, мне что-то нужно, но что, что?...

Золотой свет, пробивающийся сквозь густую зелень ветвей, мягкий душистый воздух — все это вдруг наполнило его каким-то неосознанным чувством тревоги и нетерпения. Родди показалось, что даже кровь в его жилах заструилась быстрее, а сердце забилося учащеннее.

Из густи деревьев вышла и направилась к нему девушка, девушка в мерцающем ореоле кудрей цвета бледного золота, на щеках которой лежал легкий румянец, нежный, как цвет лепестков шиповника.

Родди подумал: «Какая красота, какая немалая, потрясающая красота». Он стоял как зачарованный, не в силах не то что двинуться, а даже вздохнуть. Только одно ощущение было у него: окружающий мир завертелся каруселью, все в нем перемешалось в сумасшедшем, пестром, ликующем беспорядке.

Девушка внезапно остановилась, потом нерешительно приблизилась к нему. Голос ее звучал неуверенно:

— Вы не помните меня, мистер Родерик? Правда, ведь это было так давно... Я Мэри Джеррард, из сторожки.

Родди, до этого стоявший, словно громом пораженный, постепенно вновь обретал дар речи.

— Так вы Мэри Джеррард?

— Я, конечно, изменилась с тех пор, как вы видели меня.

— Да, — пробормотал молодой человек, — вы очень изменились. Я и не узнал бы вас.

Он по-прежнему смотрел на нее, не видя и не слыша ничего вокруг. Не слышал он и шагов за своей спиной. Их услышала Мэри и вскинула глаза.

Элинон постояла минуту неподвижно, потом сказала:

— Хэлло, Мэри.

— Добрый день, мисс Элинон. Приятно снова увидеться с вами. Миссис Уэлман очень ждала вас.

— Давно мы с вами не встречались, Мэри. Кстати, сиделка О'Брайен послала меня за вами. Она хочет, чтобы вы помогли ей поднять миссис Уэлман.

Мэри быстро ответила:

— Ну, конечно, сию минуту.

Тут же она побежала к дому. Элинон молча смотрела ей вслед. Бежала Мэри легко и красиво, в каждом ее движении была прирожденная грация. Родди тихонько промолвил:

— Аталанта, царица амазонок...

Если он ждал какого-то отклика от Элинон, то обманулся в ожиданиях: девушка промолчала.

V

— Ну, пойдем, Мэри, такой чудный фильм.

— Спасибо, Тед, но мне, правда, не хочется.

Тед Бигленд сказал сердито и обиженно:

— Не пойму я тебя теперь, Мэри. Ты стала совсем другая.

— Совсем нет, Тед.

— Да, уж я вижу. Я думаю, это потому, что ты была в этой шикарной школе, а потом в Германии. Мы уже недостаточно хороши для тебя. Ты почти леди, Мэри.

Девушка сказала с каким-то озлоблением:

— Почти — это не бог весть что... А, впрочем, кто сейчас обращает на это внимание?

Величественная фигура, затаенная в черное, внешне выросла перед молодыми людьми. Тед отступил на несколько шагов и почтительно поздоровался:

— Добрый вечер, миссис Бишоп.

Миссис Бишоп милостиво кивнула.

— Добрый вечер, Тед Бигленд. Добрый вечер, Мэри.

Она проследовала мимо, словно фрегат под всеми парусами.

Мэри задумчиво посмотрела ей вслед:

— Она не любит меня.

— Просто ревность и зависть, — изрек с важным видом Тед. — Больше ничего.

— Может, ты и прав, — медленно произнесла Мэри. — А теперь извини, Тед, мне пора. Я и так уже опаздываю.

— Куда ты идешь?

— К сестре Хопкинс, она пригласила меня к чаю.

Тед сделал гримасу.

— Не понимаю, что ты в ней нашла. Это ведь самая жуткая сплетница во всей деревне. Сует свой длинный нос всюду.

— Она всегда добра ко мне.

— Да я ничего такого и не имею в виду, в общем, она не вредная, только болтает много.

— До свидания, Тед.

Девушка поспешила прочь, и он проводил ее взглядом, в котором смешались недоумение, грусть и обида.

VI

Хопкинс занимала небольшой коттедж на дальнем конце деревни. Она только что вернулась домой, когда вошла Мэри.

— А, вот и вы! Я немного запоздала, старой миссис Колдекотт снова плохо. Кстати, я видала вас с Тедом Биглендом...

— Да. — Ответ Мэри был лишен всякого энтузиазма.

— Понимаю, — быстро сказала Хопкинс. — Он, конечно, славный мальчик, на хорошем счету у себя в гараже, да и отец его позачастичнее многих других фермеров в округе. А все же, милочка, мне кажется, вы можете срубить дерево и повыше. С вашим-то образованием и внешностью... Я бы на вашем месте все-таки занялась массажем. Дело это интересное, будете встречаться с разными людьми, да и времени свободного будет побольше.

— Я подумаю, — ответила Мэри. — Миссис Уэлман говорила со мной на днях. Вы были тогда правы: она говорит, что ей будет не хватать меня. Но она сказала, чтобы я не беспокоилась о будущем, и что она обо всем позаботится.

В голосе Хопкинс проскользнуло сомнение:

— Будем надеяться, она запишет это черным по белому. Больные люди иногда чудят, знаете ли.

Мэри спросила:

— Как вы думаете, миссис Бишоп действительно не любит меня или мне это просто кажется?

Медсестра на мгновение задумалась.

— Ей не нравится, когда молодым людям весело или когда другие к ним хорошо относятся. Наверное, она думает, что миссис Уэлман слишком привязалась к вам, и это ей как кость поперек горла.

Она беззаботно рассмеялась.

— На вашем месте я бы не ломала над этим голову, Мэри, милочка. А теперь откройте-ка этот пакет, ладно? Там сладенькие пышки к чаю.

Продолжение следует.

Рисунок Николая КРУТИКОВА

Рисунок Бориса ЕЛИСЕЕВА

Рисунок Леонида ТИШКОВА

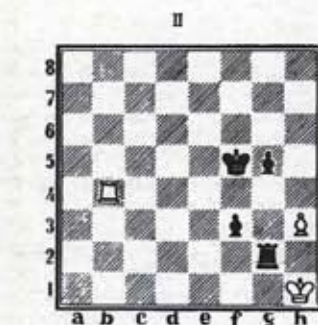

Рисунок Владимира СОРОКИНА

Рисунок Ростислава САМОЙЛОВА

ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ | Под редакцией заслуженного тренера РСФСР, мастера спорта Вик. ЛЮБЛИНСКОГО | ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ

Ход черных. Как бы вы присудили эту ладейную концовку? (3 очка).

но давать на отдельной открытке в сокращенной шахматной нотации с указанием вариантов, но без всяких комментариев. Не забывайте, пожалуйста, четко проставлять пометку «Шахматный конкурс «Смена»-79, тур четвертый». Срок отправления писем в редакцию на четвертый тур истекает 30 сентября 1979 года.

УСПЕХИ РАДУЮТ

Удачными стартами на ответственных международных соревнованиях порадовали в первой половине нынешнего года лучшие советские шахматисты из разных союзных республик, которые сейчас, в июле, демонстрируют свое искусство в Москве на командных поединках VII летней Спартакиады народов СССР.

ленинградский гроссмейстер Александр Кочнев и англичанин Шон Толбут на турнире 1979 года в Гастингсе. Молодой ленинградец занял там высокое призовое место.

Смелой жертвой качества Кочнев, игравший черными, вскрыл подступы к неприятельскому королю и повел на него решительное наступление.

20. ... Лf8:f2! 21. Kpg1:f2 Kd6-f5 22. Le5:f5.

Отражая опасные угрозы, белые немедленно отдают благоприобретенный материал и пытаются наладить оборону.

22. ... e6:f5 23. Fd1-d5+ Kpg8-h8 24. e2-c3 Cd7-c6 25. Fd5-c5.

Лучшего пункта для отступления у белого ферзя не видно. Не устроил бы черных, понятию, вариант 25. ... Cg5-e7 26. Fc5-c4 f5-f4 27. Cg2:c6 b7:c6 28. Kb3-d4 La8-f8 29. Kpf2-g2 f4:g3 30. h2:g3 c6-c5 31. Kd4-f3 Fc7-b7!

Теперь ценою пешки на поле «b2» белые посредством 32. Лf1 могли бы дольше сопротивляться.

32. Fc4-e2 g7-g5 33. g3-g4 Лf8-f3! 34. Fe2:f3 Fb7:b2+ 35. Kpg2-h3 Fb2:a1, и белые пошли на капитуляцию.

На следующей диаграмме отображена ситуация, создавшаяся после 28-го хода черных в партии гроссмейстера Тамаза Георгадзе (у него были белые фигуры) с англичанином Энтони Майлсом на

турнире в Дортмунде. Тбилисец завоевал там первый приз, оставив позади себя известных шахматистов девяти стран.

29. Fd2-e2 Kpg8-g7 30. Лf1-d1 Лс6-c5 31. Лf2-f1 Лf8-c8 32. Fe2-g2 Ke5-d7 33. Лd1-d4 Лс5-e5 34. Лf1-d1 Лс8-c6 35. Fg2-f3 Kd7-c5 36. Лd1-f1 Лс6-c8?

Черные не выдерживают монотонного маневрирования, навязанного соперником, и решаются на вскрытие линий. Этот шаг, однако, оказывается для них роковым, ибо позволяет белым нанести ряд тактических ударов.

37. Лd4:d6! Le5:e4 38. Лf1-d1 Le4-e1 39. h5-h6+! Kpg7-g6.

И взятие белой пешки, и отход черного короля от шаха на поле «f7» не оставляют никаких шансов на спасение.

40. Лd1:e1 Fe7:d6 41. Cb3:e6! Kc5:e6 42. Ff3-f5+!, и ввиду неприятного варианта 42. ... Kpf7 43. Fh7+ Kpe8 44. Fg8+ Kpd7 45. h7! черные сдались.

«КОНКУРС-79» (Продолжение. Начало см. в №№ 11, 12 и 13 журнала). ЧЕТВЕРТЫЙ ТУР

Мат в три хода (2 очка).

Ход белых. Оцените шансы сторон при их наилучших действиях. (3 очка).

Напоминаем, что ответы на каждую конкурсную позицию нуж-

К такому положению после 20-го хода белых пришли молодой

Стихи
Владимира ХАРИТОНОВА
Музыка
Давида ТУХМАНОВА

ФОТОГРАФИИ ЛЮБИМЫХ

Храним мы фотографии любимых.
Так листья под снегами прячут
зимы.
Скользнул по ним лучом своим
когда-то
Последний взгляд осеннего заката.
Мы прячем их от взглядов
посторонних,
При тусклом свете лунном
достаем их
И молча разговариваем с ними,
Разглаживая глянцевые снимки.

Припев:
И кажется снова,
Цветами одета,
Весна незаметно
Нас сводит с ума...
Как порох, сгорает короткое лето,
Как долго, как долго дымится зима!

А памятью проявленное фото
Меняет настроенье, как погода,
Глядит на нас, как прежде, жизнь
влюбленно,
Но с той поры стал желтым лист
зеленый.

Все будет вновь цвести весенним
цветом,
Вновь будут на земле весна
и лето...
Но каждый раз гляжу на этот
снимок,—
Ничто, ничто в любви
невозвратно.

Припев.

Конкурс «Олимпийский кроссворд»

В преддверии олимпийского 1980 года «Смена» объявляет конкурс на лучший кроссворд на спортивную тему.

УСЛОВИЯ КОНКУРСА:

а) Включаются названия олимпийских видов спорта, относящихся к ним спортивных снарядов, мест, где проводились олимпиады, фамилии олимпийских чемпионов и призеров, а также соответствующие спортивные термины.

Примечание: к рассмотрению могут быть приняты рукописи этой игры с включением фамилий чемпионов, рекордсменов и терминов иных видов спорта, если их будет не более пяти.

б) Во избежание однообразия не следует вносить более половины слов, означающих фамилии, виды спорта, спортивные снаряды и т. п. Желательны ссылки на источники, которыми пользовался автор при составлении кроссворда.

в) Рисунок должен быть четырехсторонней симметрией, когда две противоположные стороны равны друг другу.

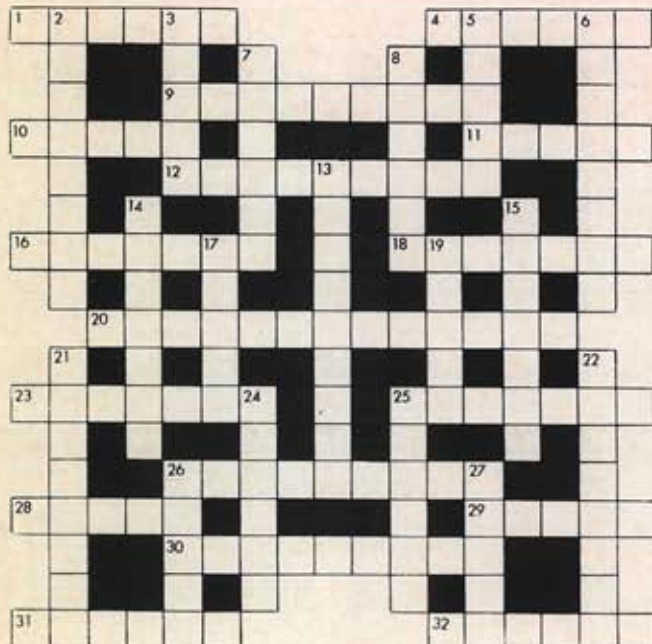
г) Каждое слово пересекается не менее двух раз, а несколько слов надо переплетать по четыре и более раз, связывая таким образом между собой все части кроссворда.

д) Количество слов в кроссворде не должно быть меньше 30 и больше 40.

Срок конкурса—до 1 октября 1979 года (согласно почтовому штемпелю с места отправки). На конверте необходимо делать пометку: «Олимпийский кроссворд».

Авторы кроссвордов, наиболее отвечающих олимпийской тематике и условиям конкурса, премируются годовой подпиской на «Смену», лучшие кроссворды будут опубликованы на страницах журнала в 1979—1980 годах.

Рукописи с кроссвордами, присланными на конкурс, не рецензируются и не возвращаются.

КРОССВОРД

Составил Г. ЧУГУНОВ,
Москва

По горизонтали:

- Опера А. Спендиарова.
- Прибор для измерения электрического сопротивления.
- Город в Кировской области.
- Шнур парашюта.
- Русская народная песня на слова К. Ф. Рыльева.
- Преподаватель вуза, ведущий лабораторные занятия.
- Автор романа «Открытая книга».
- Удобрение.
- Аппарат для обогащения полезных ископаемых.
- Опора, элемент архитектурной композиции здания, сооружения.
- Военнослужащий специального рода войск.
- Город в Армении.
- Стихотворение А. С. Пушкина.
- Столица государства на Балканском полуострове.
- Руководитель творческого содружества композиторов «Могучая кучка».
- Пчеловодное хозяйство.
- Птица отряда дроф.

По вертикали:

- Один из героев романа В. Пановой «Кружилиха».
- Птица семейства ястребиных, обитающая у водоемов.
- Модель.
- Опера Ф. Бузони.
- Французский живописец XVII века.
- Опросный лист для получения определенных сведений.
- Советский космонавт.
- Французский композитор, дирижер XIX века.
- Северная ягода.
- Норвежский драматург.
- Опера-балет Н. А. Римского-Корсакова.
- Представительница коренного населения народной республики в Азии.
- Государство в северной части Атлантического океана.
- Месяц календарного года.
- Рабочий, специалист по обработке металла, дерева.
- Спортивный приз.
- Мыслитель, основоположник узбекской литературы, художник, музыкант.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД НАПЕЧАТАННЫЙ В № 13

По горизонтали:

- Многоугольник.
- Бангкок.
- «Анжело».
- Ордер.
- Плутон.
- Чанита.
- Профилакторий.
- Ректорат.
- Скафандр.
- Плодопитомник.
- Циклон.
- Музыка.
- Клюк.
- Антраша.
- Азарий.
- Александровск.

По вертикали:

- Боткин.
- Гнедич.
- Монотип.
- Гондурас.
- Кремний.
- Беллетристика.
- Комбинаторика.
- Архитектоника.
- Остроградский.
- Рутит.
- Иваси.
- Микрофон.
- Палитра.
- Козырек.
- Нимей.
- Морав.

ПЕЙЗАЖИ ПОСЛЕ СПЕКТАКЛЯ

СУЗДАЛЬ.

ЭСКИЗ ДЕКОРАЦИИ К ОПЕРЕ «КАРМЕН» БИЗЕ.

НАЧАЛО ОСЕНИ.

ВЕСНА.

Всего двадцать пейзажей и театральных эскизов. Но их достаточно, чтобы познакомиться с миром молодого художника. Этот мир насыщен гармонией ярких красок, оптимизмом.

Вот весенние этюды: сквозь березовое кружево весело поблескивает речушка; притихший лес наливается соками и красками; над селом в мареве прохладных туманов отдыхает от дневных забот солнце. Вот самое начало осени, когда чуть седеют пряди еще сочных трав, а в кронах осин вдруг вспыхивают багровые отблески...

Евгений Спекторов тонко чувствует душу природы, отображает ее малейшие настроения лирично, свежо, умеет даже в небольших этюдах добиться широких обобщений. Его пейзажи то окутаны прозрачной голубоватой дымкой, то светятся охристо-перламутровыми тонами, то буйно красочны, декоративны.

Неотделимы от природы в творчестве художника памятники архитектуры. Старинные постройки живут с крутобкими холмами, с полями и рощами одной жизнью, одними настроениями. Вместе с временами года меняется и гамма цветов в триптихе, посвященном Суздалью: зелено-голубая, желто-зеленая, сиренево-белая.

Но вот работы иного характера. Широкая живописная манера, краски густы, почти осязаемы, то мерцают, то ярко вспыхивают. Это эскизы для театраль-

ных постановок — к операм П. Чайковского «Пиковая дама» и Ж. Бизе «Кармен», драме В. Шекспира «Ричард III».

На современной театральной сцене, убежден художник, должны присутствовать не одни лишь комбинации из голых конструкций, а полноцветные краски, эмоциональная живопись, создающая атмосферу спектакля, настроение, созвучное внутреннему состоянию его героев, помогающая раскрыть главную идею в динамике ее развития от действия к действию, от картины к картине.

Эскизы Спекторова не самоцель, не желание блеснуть красивой декорацией, они подчеркнута театральны и вместе с тем конкретно решены в пространстве сцены.

Художник прекрасно овладел техникой масляной живописи, добиваясь от нее то приглушенного, камерного звучания, то открытого, мощного.

Творческий путь художника только начинается, но он уже педагог со стажем. Работы его учеников экспонировались на многих всесоюзных и международных выставках детского изобразительного творчества.

У Евгения Спекторова своя, идущая от сердца творческая манера. Он выражает отношение к миру естественно, искренне, интересно. А это залог дальнейших успехов.

Александр АЛЕХИН,
кандидат искусствоведения

В ДЕРЕВНЕ.

